

БУРЯ НА КАВКАЗЕ

Под редакцией
Р. Н. Пухова

Москва
Центр анализа стратегий и технологий
2021

УДК 327:355(479.2)

ББК 66.4

Б90

Автор предисловия генерал армии **Ю. Н. Балугевский**

Авторский коллектив:

Д. Барри

Воздух vs воздух во второй карабахской войне
(перевод Р. Н. Пухова)

Г. М. Дерлугьян

Мировая война местного значения

А. М. Искандарян

Ментальная география карабахских войн

М. Казалет

Исход на суше, определенный в воздухе
(перевод Р. Н. Пухова)

А. В. Лавров

Сорок четыре дня второй карабахской

К. В. Макиенко

Россия как главная проигравшая сторона
во второй карабахской войне?

С. М. Маркедонов

«Осенняя война»: неоднозначные итоги
для Кавказского региона

Л. А. Нерсисян

Исход на суше, определенный в воздухе
(перевод Р. Н. Пухова)

Р. Н. Пухов

Россия как главная проигравшая сторона
во второй карабахской войне?

Д. В. Тренин

Послесловие. В ожидании новой бури?

К. Хас

Вторая карабахская война как отражение
внешнеполитической стратегии Турции

М. Ю. Шеповаленко

Четвертьвековой путь к реваншу

Буря на Кавказе / Д. Барри, Г. М. Дерлугьян, А. М. Искандарян, М. Казалет, А. В. Лавров, К. В. Макиенко, С. М. Маркедонов, Л. А. Нерсисян, Р. Н. Пухов, Д. В. Тренин, К. Хас, М. Ю. Шеповаленко; под ред. Р. Н. Пухова. — М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021. — 128 с.

Книга посвящена 44-дневной войне в Нагорном Карабахе (сентябрь — ноябрь 2020 г.). В работе рассматриваются основные причины, ход и последствия армяно-азербайджанского вооруженного конфликта для всех вовлеченных сторон. Авторы исследования анализируют как непосредственно военные и военно-технические аспекты, повлиявшие на исход войны, так и сложные политические взаимосвязи между ключевыми игроками в Южно-Кавказском регионе, включая Россию и Турцию.

Издание предназначено для специалистов в областях военных конфликтов и международных отношений, регионоведов, а также широкого круга читателей, интересующихся современной военно-политической обстановкой на Южном Кавказе.

ISBN 978-5-6045362-2-3

© ООО «Центр анализа стратегий и технологий»
«АСТ-Центр», 2021

Содержание

Принятые сокращения	5
Предисловие	6
Мировая война местного значения	8
Две великие эпохи модерна, 1500–1945 и 1945–2000 гг.	9
Карабах и распад СССР	14
Откат на мировую периферию, 1991–2021 гг.	19
Заключение: промежуточная недопобеда	23
«Осенняя война»: неоднозначные итоги для Кавказского региона	25
Азербайджан и Армения в условиях нового статус-кво	26
Российско-турецкий кондоминиум на Кавказе: Сирия 2.0?	31
Запад на Кавказе: не прощается и не уходит	35
Россия как главная проигравшая сторона во второй карабахской войне?	39
Мир не для России	39
Военные аспекты неудачного для России исхода в Закавказье	44
Сорок четыре дня второй карабахской	48
«Железный кулак»	48
Направления ударов	49
Прорыв фронта	51
Бои за предгорья	54
Военное поражение	57
Итоги и выводы	60
Исход на суше, определенный в воздухе	63
Царство ржавчины	64
Неподготовленная сила идет на войну	69

Воздух vs воздух во второй карабахской войне	74
Сравнительная воздушная мощь	76
Война в воздухе	78
Применение беспилотных летательных аппаратов	80
Следствия?	82
Четвертьвековой путь к реваншу	84
Вторая карабахская война как отражение внешнеполитической стратегии Турции	95
«Роза ветров» нагорно-карабахского кризиса	96
«Трое в лодке, не считая...»	99
«Вежливые люди» Эрдогана	103
Карабах. Постскрипtum	104
Ментальная география карабахских войн	106
Больше чем поражение	106
Странная война	107
Как так могло получиться?	110
Ментальная карта	111
Послесловие. В ожидании новой бури?	114
Об авторах	119
Список использованных источников	122

Принятые сокращения

ББМ	боевая бронированная машина
БЛА	беспилотный летательный аппарат
БМП	боевая машина пехоты
БТР	бронетранспортер
ВВС	военно-воздушные силы
ВВСТ	вооружение, военная и специальная техника
ВПК	военно-промышленный комплекс
ВС	вооруженные силы
ВТА	военно-транспортная авиация
ВТО	высокоточное оружие
ЕАЭС	Евразийский экономический союз
ЗРС	зенитная ракетная система
ЗРК	зенитный ракетный комплекс
ЛА	летательный аппарат
НАТО	Организация Североатлантического договора
НКР	Нагорно-Карабахская Республика
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОДКБ	Организация Договора о коллективной безопасности
ОТРК	оперативно-тактический ракетный комплекс
ПВО	противовоздушная оборона
ПТРК	противотанковый ракетный комплекс
ПУ	пусковая установка
РЛС	радиолокационная станция
РСЗО	реактивная система залпового огня
РЭБ	радиоэлектронная борьба
САУ	самоходная артиллерийская установка
ЭПР	эффективная площадь рассеяния

Предисловие

В 2018 году Центром анализа стратегий и технологий (ЦАСТ) было выпущено исследование «В ожидании бури: Южный Кавказ» о текущем на тот момент состоянии и ожидавшихся перспективах развития конфликта вокруг Нагорного Карабаха.

Продолжение этого исследования теперь представляется на суд читателей в виде интернационального коллективного труда «Буря на Кавказе» под редакцией директора ЦАСТ Р. Н. Пухова.

На мой взгляд, это очередная профессионально выполненная работа, особенно актуальная сегодня, на современном этапе развития мирового военного дела.

Напомню, что поиск ответа на главный вопрос для любого военного — «Как победить в бою, в сражении, в войне?» — начался с возникновения военного дела как системы знаний, умений, навыков, объединенных принятыми сейчас терминами «военное искусство» и «военная наука».

Военные теоретики разных времен пытались предвосхитить возможные изменения в военном деле, определить роль и место в вооруженной борьбе «непобедимых когорт», называемых в Древнем Риме «интеллигентами» — профессионалами в военном деле высочайшего класса, — или «сухопутных броненосцев» — прообразов танков.

Конечно, абстрактного фантазирования военное дело не приемлет, но без творческого воображения невозможно движение вперед ни в политике, ни в военном деле. И с этим нужно считаться.

«Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека. Но воевать сложно» — эти слова Карла фон Клаузевица являются подтверждением вышесказанного и предлагаются авторами данного исследования для анализа причин, хода и исхода «осенней войны» 2020 года в Нагорном Карабахе (также именуемой второй карабахской войной) для всех прямо или косвенно вовлеченных в нее сторон.

Не исключаю, что многие главы данного исследования, проведенного коллективом авторов, в том числе и из зарубежных стран, вызовут определенные вопросы и породят дискуссии. Уверен и убежден, что это и является одной из целей данной работы.

Работая над данной книгой, авторы ориентировались на практические потребности потенциальной аудитории, основу которой составляют сотрудники органов государственного и военного управления, прежде всего министерств обороны, иностранных дел и других силовых ведомств и структур, причем не только Российской Федерации.

Уверен, что книга «Буря на Кавказе» будет полезна военным экспертам, политологам, журналистам — всем тем, кто профессионально занимается проблемами национальной и военной безопасности, а также слушателям и курсантам высших военных учебных заведений, студентам и аспирантам университетов и институтов.

Генерал армии **Ю. Н. Балувский**

Мировая война местного значения

Возобновление войны за далекий Карабах едва ли удивило серьезных аналитиков на Западе — коллизия на уровне начального курса Принстона и Гарварда по Grand Strategy, что в России принято именовать германским термином «геополитика». Войну ждали давно, оставались лишь вопросы, когда и с каким счетом. Удивили поэтому разгром Армении, одного из последних сателлитов России, и дерзкая находчивость Турции в удачном выборе международного момента для нападения. Ковид, Брексит, Трамп осенью 2020 г. поглотили внимание либеральных интернационалистов Запада; равно как Украина, Белоруссия, Навальный и тот же ковид, очевидно, отвлекали Москву. В Азербайджане израильские экспортеры высокоточных вооружений, понятно, рекламировали свою продукцию в деле и осваивали плацдарм для спецопераций против Ирана. Более озадачило появление на стороне Азербайджана пакистанцев, двуличного партнера США в борьбе с терроризмом, при этом имеющего свои исторические претензии к Индии, Ирану, как и счеты с Россией. Редкий в наши дни пример войны регулярных массовых армий, эффект от применения высокоточного западного оружия начала XXI в. против обороны советского образца XX в., наконец, в корне изменившийся внешний контекст перевели противостояние Армении и Азербайджана из разряда местного в мировой. Все это было предсказуемо.

Резкое, если не сказать виртуозное, вмешательство России на последней стадии войны в ноябре 2020 г. не допустило полной победы азербайджано-турецкого альянса. Согласие Баку на ввод в Карабах российских миротворцев спутало расклад. Добавил путаницы и пассионарный президент Турции Эрдоган, чьи вызывающие высказывания и военно-политические гамбиты нажили ему поразительно широкий круг оппонентов, от Китая до Франции и от Эмиратов до израильского лобби в Америке, не говоря уже о собственной турецкой буржуазии, страдающей от волонтаризма в государственных финансах и исламистского популизма поддерживающей Эрдогана полудеревенской черни. Впрочем, в перспективе стратегии сдерживания России для США после украинского тупика даже половинчатый результат выглядел второй крупной удачей.

Исходя из того же курса по стратегии даже частичное поражение малого союзника России на закавказском фланге создало перспективную брешь.

Не столь важны текущие расклады и интересы непосредственно вовлеченных сторон. Сегодня Турция под Эрдоганом, завтра без него, но, надо полагать, по-прежнему в НАТО. Кого сам по себе заботит не самый крупный нефтеэкспортер Азербайджан и тем более Армения? Куда важнее потенциальные ходы, открывающиеся с занятием клеток на мировой шахматной доске. Появление на бывших советских базах в Азербайджане израильских ракетчиков, сирийских джихадистов и особенно турецкой армии и авиации создало головокружительные перспективы. Потенциально обнуляются российские успехи в Сирии. К югу в непосредственной близости эксцентричный и упрямый Иран. За Каспийским морем — постсоветские государства Центральной Азии, ищущие себе гарантий перед лицом Китая, взрывоопасного Афганистана, смены поколений в собственных правящих группах. Наконец, в пантюркистской риторике Эрдогана, при всех популистских заносах, вполне реально вырисовывается реваншизм на северном направлении, и это далеко не только молдавская Гагаузия, Чечня или Дагестан. Среди основателей современной Турции в начале XX в. ведущие роли играли эмигранты из Российской империи, особенно крымские и волжские татары. Эта историческая и подчас семейная память имеет актуальность не меньшую, чем армянская память о младотурецком геноциде 1915 г.

Во всем этом добросовестный выпускник Принстона и тем более Оксфорда не мог не заметить, насколько, *mutatis mutandis* (со всеми поправками), сегодняшние коллизии воспроизводят колоссальную борьбу XIX в. на пространствах от Крыма и Балкан до Кавказа и Тянь-Шаня, которую британцы называли Большой игрой (Great Game), а русские просто Восточным вопросом.

Карабахская война 2020 г. вышла за рамки постсоветского конфликта. Здесь полезна макроисторическая перспектива нескольких столетий, в которой двигаются геополитические континентальные плиты, периодически стабилизируясь на десятилетия и внезапно производя военные землетрясения и революционные извержения. Мы увидим, как вроде бы сугубо местные исторические факторы восходят к миросистемным подвижкам прошлого. Именно на генеральной карте локальные факторы выглядят менее сложными и уникальными, чем настаивают местные патриоты. Все вполне поддается анализу, если окинуть взором широкий горизонт мировой системы модерна. Как шутят профессора элитных университетов, если теорию нельзя объяснить студенту второго курса, то непорядок в самой теории.

Две великие эпохи модерна, 1500–1945 и 1945–2000 гг.

Модерн наступил около 1500 г. с распространением огнестрельного оружия. Пушки сняли типично средневековую проблему феодальной раздробленности. Местные владетели больше не могли отсидеться за стенами своих замков.

Ружья, косившие конницу кочевников, покончили с набеговой стратегией стяжения власти в степях. Оба сдвига вели к созданию нового поколения империй на пространстве от Китая, первым избавившегося от монгольского ига, до Испании, отбросившей арабов обратно в Марокко. Между Китаем и Испанией практически одновременно около 1500 г. возникло сразу три империи ислама: Великие Моголы Индии, шиитская династия Сефевидов в Иране и турки-османы, занявшие византийское пространство от Египта до Дуная.

Везение Московского царства — в удаленности от основных геополитических разломов той эпохи. Турки-сунниты почти 150 лет вели затяжные войны с шиитским Ираном (где властвующая элита говорила, кстати, по-азербайджански). Именно в этих столкновениях исламских тяжеловесов была буквально вытоптана и выжжена древняя территория Армении. Испанцы в Южной Америке нашли сокровища ацтеков и инков, а вскоре увязли в собственных религиозных войнах с протестантами Европы. Москва же оказалась на пределе логистических возможностей не только армий Гитлера и Наполеона, но еще поляков и шведов во времена Смуты начала 1600-х гг. России начала Нового времени противостояли лишь волжско-татарские ханства, за которыми начинались бескрайние просторы (и природные ресурсы) Урала и Сибири. Русские казаки и стрельцы прошли маршрутами тех же степняков в противоположном направлении, всего за столетие достигнув пределов Монголии и самого Китая.

Перескочим теперь в 1900 г. Что стало с Индией, Персией, Китаем, даже с Испанией, не говоря о Польше? Османы еще лавируют среди международных противоречий, но постоянно терпят поражения и теряют провинции. Иногда полезно взглянуть на карту глазами современного турецкого националиста. Что изменило мир, где теперь преобладали не Азия и исламские империи, а западные протестанты? Конечно, капитализм. Голландцы и англичане (американцы — их прямое ответвление) создали банки и биржи для финансирования своих военных усилий. Они поставили пушки на океанские корабли, производимые с индустриальным размахом. Ко всему остальному миру Запад приплыл, как варяги Нового времени, торговать, отбирать, поселиться. Единственное крупное государство, куда приплыть не получалось, — Россия.

Российская империя к 1900 г. давно овладела Закавказьем, хотя Северный Кавказ обошелся неожиданно дорого. Редко замечается контраст между ситуациями XIX в. в Чечне и будущем Азербайджане, где мусульман проживало гораздо больше. Российская империя столетиями успешно использовала в отношении присоединяемых народов одну и ту же стратегию включения в свою сословную иерархию части местных элит, готовой на компромисс ради укрепления своих привилегий. Это работало как в случае шведских и остзейских дворян Финляндии и Курляндии, так и в случае украино-казачьей старшины, татарских мурз и азербайджанских ханов. Трудности возникали там, где претендентов на дворянское достоинство оказывалось в переизбытке (польская

шляхта и отчасти грузинские князья) либо таковых не находилось вовсе, как в вольных обществах Нагорного Дагестана и Чечни.

Но к XX в. внутренний договор элит царской России перестал работать. Отныне требовались не помещики и кавалергарды, а промышленники, инженеры, ученые. Однако университет также рассадник революционного студенчества и либеральной профессуры. Министр финансов граф Витте университеты открывал, а полиция закрывала — типичные противоречия реформ. Модернизация есть, однако, геополитический императив, а не философская смена ценностей и век. Требовались современные заводы, ученые и школы. Иначе без спросу придут те, у кого это все есть, и сделают из вас сырьевую колонию — как после 1900 г. Япония пришла в соседнюю Корею. Модернизация Японии создала для России совершенно новый геополитический вызов с востока, обернувшийся проигранной войной и революцией 1905 г. С запада еще больший вызов являла Германия, объединенная Бисмарком. Это столкновение обернулось уже революцией 1917 г.

Россия в своем роде уникальное государство. Там, где после 1918 г. рухнули все империи-соперники, революционной контрэлите большевиков удалось воссоздать крупнейшее централизованное государство и затем рывком превратить его в военно-индустриальную сверхдержаву. Во главе ее не обязательно должен был оказаться грузин. Однако многонациональный состав советской элиты был предопределен не столько традициями империи, сколько интернационализмом коммунистической идеологии и ее модернизмом. Ленин и Сталин следовали идеям не только Маркса, но и совсем других немцев — Бисмарка, генерала Людендорфа, индустриального гения Ратенау. В 1945 г. был достигнут модернизационный и геополитический успех против Японии и Германии, о чем Витте и Столыпин могли только мечтать, скованные по рукам сословными предрассудками царизма.

Очередной парадокс истории: в создании советской мощи незаурядные роли играли уроженцы Карабаха маршалы Баграмян, Бабаджанян, Худяков (Ханферянц), основатели советского ВПК Иван Тевосян и Амо Елян (полузабытый, но, вероятно, самый важный армянин во Второй мировой войне). Все они и многие другие обязаны своим взлетом советской модернизации, а до этого городской энергетике Баку, в те годы нефтяной столицы Российской империи и мира. Об этом ниже, в разборе причин армяно-азербайджанского конфликта.

1945 г. стал рубежом новой эпохи, как некогда 1500-й. Тогда порох способствовал прекращению ужасов феодальных усобиц и кочевых набегов. Теперь же были ликвидированы не только фашизм, но и сама перспектива завоевательных колониальных войн. Холодная война осталась холодной благодаря взаимному ядерному сдерживанию СССР и США. Возникло два геополитических блока плюс пестрый и активный третий мир бывших колоний Запада, где, по выражению британского классика современной истории Эрика Хобсбаума,

быстро оценили изобретение «русского крестьянского сына Калашникова». На мировой периферии и развернулось соперничество за такие, трезво говоря, символические призы, как Вьетнам и Куба, Ангола и Афганистан.

Послевоенные траектории двух сверхдержав, при всей их риторике о капитализме и социализме, оказались поразительно похожи. В 1950-х гг. СССР и США достигли пиков экономического роста и мирового влияния. Оба руководства представляли своей победу над фашизмом во имя идеалов свободы или мира и социализма. Обе страны с облегчением забыли свои кошмары 1930-х гг. — Великую депрессию и великие репрессии. Москва и Вашингтон видели свою политику научно обоснованной и обращенной в будущее. Оставалось распространить на третий мир советскую либо американскую версию модернизации, и вот тут обе сверхдержавы споткнулись соответственно о Вьетнам и об Афганистан.

Войны, казавшиеся периферийными, на фоне гонки вооружений и неизбежно нараставшей самостоятельности послевоенных союзников (эксцентричные Польша и Румыния либо восстановившиеся с лихвой экономики Японии и ФРГ) вдруг поднимали вал проблем. В обеих сверхдержавках элиты раскалываются на реформаторов и «твердолобов», а интеллигенция начинает добиваться демократизации, т. е. доступа в политику. Вспыхивают дотолде тлевшие этнические конфликты, которые в США выливаются в расовые волнения, а в СССР — в сепаратизм национальных республик (начиная с Карабаха). Американский кризис достигает пика в 1968 г., а советский — в 1989 г. Но исход кризисов оказался различным, потому что есть разница, иметь ли союзниками ФРГ и Японию или Польшу и Монголию.

Ошибка думать, будто в Москве тогда никто не видел этой разницы. СССР упорно прокладывает себе пути в Европу. Немцы для русских традиционные противники, но также торговые партнеры и поставщики идей, кадров и технологий. В 1970-х гг. намечается новое сближение под названиями разрядки, экономического сотрудничества и западногерманской Ostpolitik, направленной на осторожное восстановление единства Германии и ее роли в Европе и мире путем союза с Москвой. ФРГ в этом поддерживала Франция, другой традиционный сосед — соперник немцев, а первой забила тревогу Великобритания. И все по-своему были правы. Ставки возникали колоссальные.

Послевоенный мир шел к новой глобализации, но теперь не под властью колониальных империй, как в XIX в., а в рамках экономического партнерства с неизбежной военно-политической составляющей. Континентальная часть Западной Европы после 1945 г. превратилась в скопление бывших центров империй, утративших геополитическую субъектность, — Германии, Австрии, Франции, Голландии, Италии и т. д. Их политики, знакомые с историей, не желали повторить судьбу некогда славных Венеции и Флоренции времен Возрождения, в итоге ставших музеями. Экономическое объединение Европы

предлагало новый путь к возобновлению субъектности. Именно в экономике проявилось преимущество послевоенных Западной Германии, Франции и особенно Японии, чей технологический потенциал в 1950–1960 гг. был восстановлен практически заново — в отличие от индустриального парка США образца 1920–1940-х гг. и тем более Великобритании с ее фабриками из XIX в. Однако лишившаяся колоний Европа остро нуждалась в ресурсах, рынках сбыта и ничуть не менее — в военно-политическом потенциале, который по причинам недавней истории не мог быть германским.

Эти задачи с лихвой решались путем интеграции советского блока. Москва к 1970-м гг. окончательно охладела к революционной идеологии и задумывалась о сосуществовании и рыночных реформах. В самой Европе заговорили о конвергенции социализма с капитализмом, закреплении разрядки и взаимовыгодного сотрудничества. Дух захватывало от перспективы возникновения оси Париж — Берлин — Москва и гигантского торгово-промышленного и научного блока от Ла-Манша до Сибири. Это была бы совсем другая глобализация.

Но с чем остаются США? С Мексикой и британскими доминионами? Европа неуклонно уходила в самостоятельность. Саму Америку сотрясали студенческие и расовые волнения, девальвация доллара, вашингтонские скандалы и прочие последствия неудачи во Вьетнаме. Ход конем предложил Генри Киссинджер, начавший в 1972 г. переговоры с маоистским Китаем — другой коммунистической сверхдержавой, в те годы выглядевшей слабой и политически безумной. После 1979 г. США также постарались парировать неожиданную утрату Ирана в результате исламской революции и опасные диверсии джихадистов в Саудовской Аравии и Египте, перенаправив исламистов на борьбу с советским вторжением в Афганистан, а также усиливая религиозных консерваторов в Турции. Это уже другой гений американской стратегии — Збигнев Бжезинский, как и Киссинджер, беженец из Центральной Европы, полный опасений к Германии, презрения к Франции и ненависти к России.

Результат этих хитроумных маневров на жаргоне ЦРУ называется *blowback* — излишне сильная отдача при выстреле, а по-русски — «наступить на грабли». Китай, получив доступ к американским технологиям и рынкам, стал неумолимо превращаться в мастерскую мира и дракона, кем он и был более тысячелетия до британских «опиумных» войн 1839–1860 гг. Историю все-таки надо знать. Исламисты возобновили многочисленные «священные войны», бушевавшие в XVIII–XIX вв. на просторах от Алжира и Сомали до Афганистана и Чечни. В Турции же из «исламского неолиберализма» возник неукротимый Эрдоган, устроивший собственной армии и госаппарату чистки если не сталинского, то уж султанского размаха.

Но в Вашингтоне решили дожимать до конца, продемонстрировав Европе ее геополитическое ничтожество в бывшей Югославии, расширяя НАТО до абсурда членством геополитических карликов, а более всего — вторжением в Ирак.

Необходимо учитывать, что во внешнем курсе США несоразмерно отражаются столкновения внутренних интересов Вашингтона — политиков, бюрократий, корпораций. В 2003 г. один молодой эксперт с отчаянием говорил мне: «Если у Буша получится через Ирак захватить контроль над ОПЕК, окружить базами Иран, Россию и Китай, то Демократической партии не видать побед на выборах в следующие 30 лет. Для меня это навсегда!». К слову, он занял видный пост в администрации Обамы.

Распад СССР стал подарком судьбы для США, которые не имели к этому никакого прямого отношения. Вдобавок и Япония по внутренним причинам впадала в ловушку нулевого роста. Отпали вопросы о конкуренции «японского робота» и создании мега-Европы. Вне Евросоюза, отныне утратившего амбиции, осталось две бывшие империи, обе важные и исторически европейские, хотя не западные по культуре. Это Россия и Турция. Их лидеры неизбежно должны были заподозрить, что им морочили голову с демократизацией и интеграцией. Оба вскоре начнут собственную игру, порой на грани фола за нехваткой у них крупных сил. Однако сил не хватило даже США — причем споткнулись, как всегда, на периферийных войнах в Ираке и Афганистане. Самоуверенный напор Вашингтона на рубеже 1990-х и 2000-х гг. должен был еще на столетие закрепить преимущества, пошатнувшиеся в 1970-х гг. Провал плана глобальной империи обернулся катастрофой для глобальной управляемости (governance).

Сегодня миром руководит не мудрость политиков и не тайный план стратегов. Миром вообще никто не руководит. В геополитике это называется крахом гегемонии или, мягче выражаясь, переходной фазой между конфигурациями миропорядка. Позади несколько столетий неоспоримого преобладания Запада. Но что дальше? Все мы дрейфуем среди обломков целой серии кораблекрушений.

Карабах и распад СССР

Осенью 1987 г. был отправлен на пенсию член Политбюро Гейдар Алиев — отставка неординарная даже для времен перестройки. Алиев был не просто ветераном спецслужб, сильным руководителем и протеже Андропова. По личным качествам и политическому потенциалу это был едва не анти-Горбачев. Статный, речистый, энергичный, трезвомыслящий и, когда надо, внушавший страх Алиев идеально подходил для советской системы. В 1969 г. его произвели в первые секретари республики несмотря на достаточно молодой возраст и происхождение из «органов», причем еще бериевской патронатной машины Закавказья. Такой кадр должен был справиться с обнаглевшей коррупцией, однако Алиев слишком хорошо понимал устройство власти и своего общества. Коррупцию он ввел в рамки подчинения лично себе и задачам управления Азербайджаном в условиях брежневского застоя. При этом заботился

о престиже республики и опекал творческую интеллигенцию. Деликатнейшей задачей стало негласное соперничество с Грузией и Арменией, где были свои престиж и интеллигенция с национальным уклоном.

Отставка Алиева в конце 1987 г. послужила сигналом для армянской интеллигенции возобновить давнее дело о передаче Нагорного Карабаха, армянской автономной области в составе Азербайджана, такой же советской Армении — казалось бы, логичный административный трансфер. Однако тут же вспыхнул пожар. Из Армении начался исход тысяч этнических азербайджанцев. Очевидно, сработали стихийные факторы, поскольку операция запугивания такого размаха превосходила возможности мелких групп армянских «неформалов». В феврале 1988 г. в Сумгаите, индустриальном городе — спутнике Баку с чудовищной экологией и бытовой преступностью, случился антиармянский погром с неслыханными для советского периода размахом насилия и бессилием властей. В Армении сумгаитский погром восприняли как новый турецкий геноцид, в Москве прогрессивные журналисты намекали на «врагов перестройки». Однако трудно представить, кто внутри бюрократий Баку или Центра мог найти смелость и секретные ресурсы, чтобы устроить такой политический Чернобыль. Исследователи погромов, линчеваний, охоты на ведьм и прочих примеров кровавого массового помешательства показывают, что достаточно трех факторов — истерических слухов, наличия под рукой жертв и растерянности верхов. Но если первый погром времен перестройки был почти наверняка стихийным, то вскоре невнятная реакция Михаила Горбачева делает насилие толпы частью политического инструментария. «Черный апрель» 1989 г. в Тбилиси, погромы турок-месхетинцев в Узбекистане, резня в киргизском Оше, окружение танков толпой на улицах Вильнюса, захваты госучреждений в Грозном осенью 1991 г. уже преследовали некий расчет. От Сумгаита до распада сверхдержавы — всего три года.

Здесь нам опять придется углубиться в историю, хотя и не такую запутанную, как обычно рисуется. Откуда Армения и Азербайджан в их современных границах, почему такая этническая ненависть и как преимущественно армянский Карабах оказался в подчинении Баку?

Армения оформилась в эпоху античности как буферное государство между империями персов (Ахеменидов, парфян, Сасанидов) и греков или римлян. Тот самый Марк Лициний Красс, распявший Спартака, вскоре сам сложил голову, которую доставили во дворец армянского царя Артавазда в Арташате. Армяне тогда славились как воинственные наемники в армиях империй, суровые и неприхотливые, подобно многим горцам, от пуштунов до албанцев, басков и шотландцев. Отсюда столько армянских военачальников в Византии, а епископ Серватий и поныне святой покровитель нидерландского Маастрихта. Правда и то, что Армения первой приняла христианство. Это был выбор как идейный, так и (удивимся ли?) геополитический. Армянское христианство отличалось

и от византийского православия, и тем более от иранского зороастризма (чьи древние святилища поклонения огню до сих пор украшают Баку). Так Армения балансировала между центрами силы своей эпохи.

Но далее армян постигла та же участь, что и другие христианские нации в орбите Римской империи — греков, египетских коптов, кельтов. (Армянский национализм удивительно похож на партизанство ирландских республиканцев — это не случайность, а дальняя аналогия.) Древнюю Армению затопило волнами завоеваний и переселения народов в Средние века. Феодалная воинская знать была выбита, за небольшим исключением Карабаха. Армяне остались нацией крестьян и их духовных пастырей, монахов и священников, которых со временем сменит светская интеллигенция. От скудости горных земель предприимчивые армяне уходили на заработки теперь в качестве ремесленников и купцов, создавших глобальную диаспору от Мадраса и Сингапура до Венеции и Львова.

К 1500 г. большая часть Армянского нагорья оказалась в составе Турции, а небольшой северо-восточный участок, включая Карабах, отошел Персии. Этот участок наряду с будущим Азербайджаном в 1828 г. и отвоевали русские. С тех пор поэт-дипломат Александр Грибоедов почитаем в Армении, значительно меньше в Грузии и вряд ли популярен в Азербайджане.

В начале XIX в. на Западе начинает оформляться национальное сознание, самая массовая политическая идеология модерна. И вот образованные греки, болгары, армяне либо ирландцы осознают, что история их народов глубже многих. Так почему они под чужеземным игом? «Хождение в народ» этих национальных интеллигентов вызовет освободительные восстания. Их успех зависел от изменчивой геополитической конъюнктуры. Более других повезло грекам, румынам, южным славянам, а также находившимся в персидской зоне грузинам и части армян. Их отломили от пришедших в упадок деспотических империй Востока. Борьба ирландцев против британского владычества затянулась до XX в. Хуже всех пришлось христианам Восточной Анатолии.

На волне «пробуждения Азии», известного в России как революции 1905–1907 гг., власть в Османской империи захватывает полная модернизаторских намерений партия младотурок — и вскоре терпит обескураживающие поражения в Ливии, на Эгейских островах, в Балканских войнах. Центральные области Анатолии, т. е. будущую Турецкую Республику, наводняют мусульманские беженцы–мухаджеры с потерянных территорий. Первая мировая война обрела остатки Османской империи. Перед лицом полного краха младотурки перерождаются из буржуазно-демократической партии в протофашистскую диктатуру, оказавшуюся способной на меры дотоле беспрецедентного размаха и жестокости. Отбиваясь германским оружием от британского десанта в Галлиполи и русского наступления из Закавказья, последнее османское правительство в 1915 г. предпринимает в тылу планомерное уничтожение

(именно спланированное, а не какие-то вспышки резни) христианского населения Анатолии — греков, ассирийцев, армян, а также курдов-езидов и даже части арабских бедуинов. Тем самым рассчитывалось предотвратить поддержку наступающих держав Антанты и, главное, этнически расчистить территорию для создания государства турок. Отсюда нежелание Анкары признать геноцид 1915 г. Это бомба под фундаментом Турецкой Республики.

По стечению обстоятельств Российская империя рухнула на полтора года раньше Османской. Весной 1918 г. младотурки обнаружили, что «похабный» Брестский мир передает едва живой Османской империи весь русский Кавказ. В хаосе тех дней грузинские меньшевики договорились при посредничестве самого Карла Каутского об оккупации Грузии все-таки немцами, а не турками. А вот армянской и азербайджанской фракциям Закавказского сейма (эфемерного образования под эгидой свергнутого Временного правительства) предоставлялось спастись как-то самим. По иронии независимость и Армении, и Азербайджана была провозглашена в Тифлисе в один и тот же день, 28 мая 1918 г. Глава армянского новообразования Александр Хатисян, коренной тифлисец и городской голова в 1910–1917 гг., в слезах отправился в богом забытый Ереван навстречу неясной судьбе. Азербайджанскому же «Мусавату» пришлось уехать в не менее провинциальную Гянджу. В Баку у власти были тогда большевики, державшие «реакционных азиатов» на революционном подозрении, тем более что местные армяне преобладали в отрядах Бакинской коммуны.

Очередной парадокс истории был закономерен. Тифлис, центр Закавказского наместничества, и Баку, ранний центр нефтедобычи, соперничавший за мировой рынок осветительного керосина с Рокфеллером, после отмены крепостного права привлекали на заработки массы крестьян-отходников и интеллигентов-разночинцев. Многие добились потрясающих успехов и богатства. Еще больше обратилось в бунтарский пролетариат. В обоих классах были представители всех национальностей Кавказа и России. Так, отец Сталина подался на заработки сапожником в Гори и затем в Тифлис, на фабрику армянского купца.

Почему в центрах роста столько армян, также понятно. Это малоземельные крестьяне с давними навыками отходничества, страдавшие от деспотизма местных ханов, притом традиционно уважавшие ученость своих священников и интеллигентов. Нагорный Карабах оказался одним из резервуаров таких мигрантов. Учтите также громадный рост населения за десятилетия после русского завоевания Закавказья, положившего конец набегам и работоторговле. Царская администрация, обычно благоволившая христианам, а еще более рост капитализма в корне изменили средневековую иерархию на Кавказе. Чудовищно вырос некогда захолустный Баку, и тем временем захирела торговля Шуши, прежде перекрестка караванной торговли, который в новые времена железная дорога обошла стороной. (Хотя благодаря климату и памяти поколений Шуша

останется до 1917 г. летней дачей и культурным центром для состоятельных бакинцев, как армян, так и мусульман.)

Гражданская война 1918–1921 гг. не обошла Закавказье, где в борьбу вступили местные национальные партии. В теории социалистами считали себя и армянские дашнаки, и азербайджанские мусаватисты, и грузинские меньшевики. Всем им пришлось создавать государственность не только из обломков империи среди иностранных интервенций, но и среди сложнейшей этнической чересполосицы. К концу 1918 г. капитулировали Германия и ее союзники турки. Однако державы победившей Антанты скептически восприняли возникшие тем временем государства Закавказья. В ожидании победы белогвардейцев в России Англия и Франция дали год на выполнение Грузией, Азербайджаном и Арменией трех вполне либеральных условий их международного признания. Во-первых, подтвердить документами свои исторические права. Конечно, все тут же обнаружили или изобрели такого рода документы, которые продолжают всплывать с тех пор в обоснование всевозможных притязаний. Вторым и третьим условиями были подъем национальных флагов и наличие гарнизонов в доказательство «прав действительной оккупации», как выражались в колониальную эпоху, а также решение территориальных споров путем плебисцита. Понятно, что все стороны конфликтов (на деле их было куда больше трех: плюс курды, лезгины, абхазы, осетины и т. п.), точнее, зачастую своевольные командиры начали спешно формировать добровольческие корпуса и местные ополчения. Со всех без исключения сторон развернулись этнические чистки во избежание мобилизации деревень противника и их участия в плебисцитах.

Армянам в который раз повезло меньше всех. У них была, конечно, глубочайшая история, внутренняя солидарность гонимого народа, навыки горожан — и почти ничего больше. Напротив, несмотря на заинтересованность в бакинской нефти турок, а следом англичан, проект азербайджанской нации не имел исторических прецедентов, национального эпоса сопротивления иноземцам, даже языка (слишком похожего на турецкий), религиозного сознания (слишком иранского шиитского ислама) и культурно-бытовой общности. Мусульмане Закавказья, в царские времена скопом именуемые татарами, представляли собой тогда конгломерат племен и сельских общин тюркского, персидского, курдского и дагестанского происхождения. Неудивительно, что на ранних этапах азербайджанский национализм носил интеллигентский и прогрессивно западнический характер. С 1905 г. издавался сатирический журнал «Молла Насреддин», позволявший себе смелые карикатуры на исламские обычаи и духовенство. В 1912 г. поставлена до сих пор актуальная в исламском мире оперетта «Аршин мал алан». В 1918 г. в Баку основана современная республика, открыт университет и даже письменность переведена на западную латиницу. (Все это раньше, чем в Турции Ататюрка.) Конечно, сказалось давнее влияние русской интеллигенции, но также соперничество с армянской

и грузинской элитами. То же самое повторится в годы горбачевской перестройки, в ответ на которую (и на мобилизации соседних народов) бурно возникнет Народный фронт Азербайджана, чтобы вскоре рухнуть, как и Первая республика в 1920 г. В обоих случаях не смогли сдержать инстинкты толпы, в массе своей антиармянской.

Представьте теперь, как столкнулся с этим разгулом национальной розни Сталин, прошедший молодость подпольщиком в Тифлисе и Баку, но затем отсутствовавший в годы ссылки и революции. В 1921 г. Сталин прибыл на лечение в Кисловодск, откуда Киров и Орджоникидзе уговорили его приехать в Тбилиси на ключевое заседание Закавказского бюро ВКП(б). Вождя тогда освистали свои же грузины, включая многих друзей революционной молодости, сильно с тех пор изменившихся. Первым порывом было разогнать «буржуазные» республики и включить Закавказье в состав Российской Федерации с минимальными правами автономии. В этом грузина Сталина целиком поддерживал поляк Дзержинский, предлагавший расформировать органы ВЧК на Кавказе как «разъединенные» коррупцией и местничеством.

Воспротивился Ленин, который никогда не жил на национальных окраинах империи, зато в случае победы мировой революции надеялся включить всю Азию, а возможно, и Европу в будущий Союз Советских Социалистических Республик. Как верный ленинец, Сталин изменил политический курс и, заметив, оставался по форме верен этому решению до конца. Однако Сталин низложил предложенную Лениным конфедерацию с правом выхода из Союза на стержень централизованного партийного аппарата и органов госбезопасности. С изъятием жесткого стержня в годы перестройки СССР и распался.

Как поступили в 1921 г. с Карабахом и другими спорными этническими анклавами? Почти все они получили автономию, но не полное отделение: Абхазия, Южная Осетия и особенно протурецкая Аджария, чей нефтяной порт Батуми имел стратегическое значение. Сталин знал, что большинство в Карабахе составляли армяне. Но он был марксистом и материалистом, считавшим национальную рознь порождением отсталости. Кто мог скорее вытащить Карабах из средневекового состояния: несчастный на 1921 г. Ереван или индустриальный Баку? Там и армян было тогда больше, чем в Ереване. Вот и вся логика тех лет. Уже по своей логике в конце 1980-х гг. перестроечная журналистика увидит в этом зловещий замысел Сталина, якобы предвидевшего будущую демократизацию.

Откат на мировую периферию, 1991–2021 гг.

Все семьдесят лет советской власти в Закавказье шли обмен населением и укрепление национального облика республик. Во многом процесс носил чисто демографический характер. Жители этнических сел приходили в города

ради образования и новой жизни, а старые горожане отныне не титульной национальности переезжали в свои национальные столицы либо отправлялись в Москву и Ленинград. Так Тбилиси постепенно становился грузинским, Баку — более азербайджанским, а Ереван превратился в одну из самых национальных столиц СССР по архитектурному облику и культуре. Из захолустного Карабаха армяне уезжали за счастьем по миграционным цепочкам: успех односельчанина притягивал многих других. Отсюда невероятные примеры сел, породивших десятки генералов и маршалов, ученых и директоров заводов. Сельские азербайджанцы, сохранявшие высокую мусульманскую рождаемость при относительно низком образовании, расселялись скорее горизонтально, делаясь пастухами, колхозниками и рабочими в постепенно пустевших селах, покидаемых их соседями-армянами. Оглядываясь назад, многие армяне вдруг осознавали с худшими подозрениями, что села их предков изменили национальный состав. Но по чести говоря, много ли выпускников вузов из хороших армянских семей Баку и Москвы переехали бы в карабахскую деревню?

В сталинский период массовые переселения проводились и органами госбезопасности по своим, не всегда понятным соображениям. Мы вряд ли узнаем даже с открытием секретных архивов, играло ли роль то, что этими операциями руководили грузины Сталин, Берия и генерал НКВД/МГБ Михаил Гвишиани. После 1945 г. Сталин, судя по всему, собирался расширить советские границы в Закавказье. У Турции могли изъять черноморскую область Трабзона с передачей ее Грузии, исконно армянские земли по ту сторону Арарата заселить армянскими репатриантами из диаспоры со всего мира. Звучит невероятно для сверхподозрительного Сталина, однако репатриация заграничных армян в самом деле началась, а азербайджанцев из Армении стали переселять в Нахичевань. Азербайджан при этом мог стать вдвое больше с воссоединением его с этнически родственными иранскими провинциями вокруг Табриза. Вероятно, помешали упрямство старого империалиста Черчилля и американская монополия тех лет на ядерное оружие.

Турция и шахский Иран вскоре стали антисоветскими и проамериканскими. Отношения Тегерана и Анкары с Москвой навсегда останутся натянутыми в силу истории и геополитики. Оба южных соседа хранят воспоминания как о своем имперском величии XVI в., так и о последующих потерях в войнах с Россией. Парадокс разве лишь в том, что исламская республика благосклонна к христианской Армении, потому что Азербайджан для Ирана исторически и культурно свой, но при этом стал протурецким. Турция же давний враг шиитов.

Армяне и азербайджанцы отказываются замечать свою порой удивительную похожесть. Впрочем, и это закономерно. Лидерами перестроечной интеллигенции в обеих республиках стали историки Левон Тер-Петросян и Абульфаз Эльчибей. Оба занимались средневековой поэзией своих народов.

Оба занимали в науке средние должности, которые было не жалко терять ради мгновенной популярности на митингах. Первыми постсоветскими министрами обороны стали физики Вазген Манукян и Рагим Газиев. Последнего в начале 1990-х гг. отдали под суд за утрату Шуши. Сегодня трибунал грозит ряду армянских военачальников за утрату тех же мест. Разница в том, что армянскими бойцами в первой карабахской войне двигала жажда отмщения за столетия гонений на свой народ, а также подражание подвигу советских отцов: взятие Шуши 9 мая 1992 г. армяне провозгласили Днем Победы. Тысячами добровольцев руководили сотни кадровых офицеров-армян бывшей Советской армии. В 2020 г. стороны поменялись местами, когда уже армян постигли политическое и организационное бессилие руководства и коррупция командного состава, несовместимая с доблестью. Азербайджанцами же двигали жажда реванша и турецкие командиры. Весной 1994 г. первая война закончилась фактическим присоединением Карабаха к Армении вместе с буферной зоной из семи прежде азербайджанских районов. Призывы с армянской стороны, что хотя бы курды могут оставаться, не имели воздействия. Запустили отвоеванные земли, на освоение которых у армян не было ни особо желающих, ни средств. Сомнительно, что требуемые громадные суммы и минимум полмиллиона переселенцев легко найдутся теперь в Азербайджане. Прилегающие к Карабаху районы давно стали и могут надолго остаться военным полигоном.

Всякие аналогии лишь частичны. В Армении режим перестроечных интеллигентов (быстро перерождавшихся, подобно их ельцинским собратьям в России) продлился дольше обычного благодаря победе в войне. И все-таки неминуемо в 1998 г. интеллигентов сместили силовики, вышедшие из карабахских командиров. Поскольку армянское воинство тех лет было в основном партизанским, то и новая элита Армении оказалась сродни «батькам» и ушлым снабженцам, ставшим местными олигархами. Наверх в ходе кровавых инцидентов прошли Роберт Кочарян и Серж Саргсян — не только уроженцы Карабаха, но и, главное, бывшие комсомольские работники, более способные к кабинетному управлению, нежели столичные ученые или тем более дворовые «авторитеты».

Нефти в Армении нет, однако были цветные металлы и вывоз металлолома с умерших заводов и из зоны карабахских боев. Плюс пожертвования диаспоры и переводы родственников, с которых можно снимать прибыли через банки-обменники и монопольные торговые сети. Отсюда концентрация богатства над массой деклассированного населения еще недавно научно-индустриальной Армении. Такой ход дел вызывал отчуждение и отчаяние, толкающее уехать из страны. В ситуации хронически низкой легитимности и угрозы протестов из-за любой искры руководители Армении предпочли отодвинуть карабахскую проблему на задний план. В их ненадежном положении избегание рисков выглядело рационально — до поры.

Почти то же самое со стороны Азербайджана. В 1993 г. Гейдар Алиев вернулся как спаситель развалившейся страны, откуда было изгнано до 400 тыс. в массе своей квалифицированных армян. Следом уехали многие русские, евреи, этнические немцы. Опустевшие квартиры в Баку и Кировабаде (Гяндже) достались, скорее всего, не беженцам из Армении и Карабаха, а тем, у кого были собственные силовые ресурсы (т. е. криминалу) либо связи (патронат) в крепнувшем режиме алиевской реставрации. Как горько шутили старые бакинцы, «золотые руки ушли, золотые зубы пришли». Кстати, это тоже имело свои, пусть не такие катастрофичные, аналогии в постсоветской Армении, откуда выехало до трети населения, нередко наиболее квалифицированного.

Гейдар Алиев остановил войну в мае 1994 г., но не ранее чем дал погибнуть или опозориться собственным боевикам и полевым командирам. Наиболее ретивых затем пересажали за измену. Однако Азербайджан был опустошен, а цены на нефть, напомним, оставались тогда на нижней отметке. Престижные проекты, виллы в Дубае и Лондоне, экстравагантные закупки вооружений придут уже после смерти Алиева-отца в 2003 г. По трезвом размышлении шумиха вокруг каспийской нефти, газа и трубопроводов через Грузию была обязана не столько реальным прибылям, сколько совпадению интересов западных финансовых игроков, самого Баку, а также вашингтонских политических операторов, делавших карьеры на выстраивании сложных схем одновременного обхода Ирана, России и арабских стран ОПЕК с привязкой Европы (и Израиля) к новым источникам энергии под опекой США.

Алиев-отец шумихе не поддавался и вел себя весьма осмотрительно. (Вот уж совсем не Саакашвили). Он консолидировал власть, постепенно вытесняя в эмиграцию конкурентов и диссидентов либо перекупая их сочетанием компромата и выгодных должностей. Угроза «цветной революции» была снята в Азербайджане в первые же годы воцарения его сына благодаря унаследованным семейным связям и придворным советникам. Передача власти по наследству есть опаснейший момент даже для легитимных монархий, тем более для режимов личной власти, да еще с нефтяными активами. Поглядите на Арабский Восток. Постсоветский Азербайджан на этом фоне являет несомненный успех, выросший из советской биографии своего основателя. Внешнеполитическое балансирование Алиева-отца вызывает восхищение. Не привязка к России, Америке, Ирану или Турции, а равноудаленное партнерство; не открытая поддержка чеченских сепаратистов, а скрытый канал для перемещений, позволявший их отслеживать. И ни мира, ни войны в отношениях с Арменией.

Именно в расчете Баку ключ к заморозке карабахского конфликта на долгие 26 лет. Заключение мира с победившей Арменией означало уступки, которые предлагали все державы-посредники. Но кто из них вступился бы за режим Алиева, если бы площади Баку опять забурлили в гнев? Война несла еще больше рисков. Новое поражение от армян спровоцировало бы бунт темной толпы

и бегство царедворцев. Даже победа несла риск появления национальных героев и победоносных военачальников, что недопустимо для режимов семейной власти. Заметим, как этого избегает сегодня Ильхам Алиев, чья пропаганда приписывает победу лично президенту и почти ничего не сообщает о героизме азербайджанских солдат и тем более генералов, которых продолжают чаще смещать, чем награждать.

Логически оставалась имитация деятельности: бесконечные раунды переговоров, широкий подкуп иностранных дипломатов и экспертов ради улучшения имиджа, не менее бесконечные провокации на линии соприкосновения с армянскими войсками, которые превратились в мишени на своих статичных позициях. И конечно, пышные парады в Баку. Однако заряженное оружие непременно выстрелит.

Заключение: промежуточная недопобеда

Война 2020 г. оставила множество загадок. В Баку умеют молчать. В Ереване, напротив, во все стороны летят разоблачения, но как их отличить от шума самооправдательной дезинформации?

Что означала четырехдневная вспышка апреля 2016 г.? Выпуск пара с азербайджанской стороны, пробу новых сил или неудачную попытку преодолеть позиционный тупик? Крупнейшей жертвой в результате пал по-своему тишайший Серж Саргсян, на смену которому явился гиперактивный оппозиционер Никол Пашинян. Довел ли он Ильхама Алиева до крайности? Или же наступление 27 сентября 2020 г. спровоцировали случившиеся несколькими месяцами ранее пограничные бои близ Тавуша (Товуза), неудачные для Баку? Выходит, Ильхам Алиев просто бросил ключи от машины старшему брату Эрдогану? Это может объяснить неожиданное упорство азербайджанского наступления, которое не закончилось, даже когда армянам, несмотря на чувствительные потери, удалось не допустить блицкрига и вынудить противника идти на существенный урон. Будь армянам куда отступать, Гадрут и Шуша могли стать тем же, чем стали Смоленск и Сталинград для вермахта. Можно вспомнить и две емкие фразы Сталина: «Просрали», сказанную в 1941 г., и «Доигрался» в ответ на донесение о самоубийстве Гитлера в 1945 г. Однако на карабахском фронте армяне не дотянули до своих 1943 и 1945 гг. Навсегда ли?

Откуда вдруг такая воля к срыву дипломатических усилий Москвы: из осторожного Баку или из Анкары, делающей дерзкие ставки одновременно на всех игровых досках своего района мира? Почему же тогда были приняты предложения Путина в момент, когда Карабах, казалось, превращался в котел для армян? Как Баку собирается теперь совмещать на своей территории четыре армии: свою собственную, турецких военспецов, российских миротворцев и остатки армянских формирований? Отдельный вопрос, что может предпринять Иран в

ответ на присутствие в Азербайджане израильтян (в сравнении с чем сирийские джихадисты есть непонятный, но все же курьез).

Наконец, российский военный вертолет, сбитый над Арменией ракетой из нахичеванского эксклава Азербайджана за считанные часы до окончания военных действий. За что Алиев тут же извинился. Однако реальные оплошности гораздо более принято отрицать, да и откуда бы такая ошибка при современных средствах наведения? Может, кто-то под конец ударил в сердцах? Чем Москва убедила азербайджано-турецких партнеров остановиться на грани победы? Почему те приняли весьма двусмысленную концовку? Откуда на первый взгляд не вяжущийся с капитуляцией пункт о возобновлении транспортных сообщений в регионе? Москва настаивает, Ереван сомневается, Баку упрямится, замер в напряжении Тбилиси — и вдруг вроде приветствует Анкара. Здесь есть над чем поломать голову даже в Вашингтоне, Париже, Лондоне и Берлине, тем более в Тегеране, Тель-Авиве и столицах Центральной Азии.

Ответы на эти вопросы будут проясняться со временем из наблюдения за дальнейшими действиями отныне многих сторон карабахской коллизии. Понятно пока лишь то, что в Закавказье произошел предсказуемый и в то же время внезапный пожар, в котором сгорела часть постсоветской конструкции на отдельно взятом, но стратегически важном участке. Несомненно, нас вскоре ждут неизменно внезапные новости о переменах во власти — возможно, в Москве или Баку, наверняка в Анкаре. Ждут их и внешние игроки, от Пекина до Вашингтона.

Наиболее предсказуемой здесь выглядит Армения, где любой режим будет зависеть от России и пытаться восстановить армию и эффективное госуправление. В этом армянская глобальная диаспора будет настолько пророссийской, насколько допустимо в политике их стран.

Несомненно в целом то, что на пространствах Евразии возобновилась Большая игра, или Восточный вопрос. Карабахский конфликт был последней стадией этнических обменов населением в Закавказье на протяжении последнего столетия. Отныне это уже новая стадия мирового противостояния.

Абу-Даби, июнь 2021 г.

«Осенняя война»: неоднозначные итоги для Кавказского региона

Осенью 2020 г. Кавказский регион, до этого в течение нескольких лет пребывавший в тени Украины и Ближнего Востока, снова напомнил о себе. На протяжении 44 дней мир пристально следил за армяно-азербайджанским военным противостоянием.

И в академической науке, и в прикладной политологии его принято называть нагорно-карабахским. Но такое определение выглядит неполным и неточным. Действительно, на протяжении многих лет Нагорный Карабах был сердцевиной армяно-азербайджанского конфликта. В сентябре — ноябре 2020 г. многое в отношениях между Ереваном и Баку решалось именно на карабахской земле. Но и в начале 1990-х гг., и в самый канун «осенней войны» Армения и Азербайджан сталкивались не только там. Стороны противостояли друг другу и на нахичеванском, и на товушско-тавузском направлениях. Наиболее масштабная военнополитическая эскалация перед «осенней войной» в июле 2020 г. произошла примерно в 200 км от карабахской линии соприкосновения конфликтующих сторон вдоль армяно-азербайджанской госграницы. После распада СССР этот рубеж не был демаркирован и делимитирован. Как следствие, военное противостояние затрагивало анклавы, которые в советские времена не были частью Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО), входили в состав непосредственно Азербайджанской или Армянской ССР. О своем участии в создании непризнанной Нагорно-Карабахской Республики в сентябре 1991 г. также заявили и армянские лидеры Шаумяновского района Азербайджана, также ранее не являвшегося частью оспариваемой автономии. Но менее чем через год власти самопровозглашенного образования утратили свой контроль над ним.

27 сентября 2020 г. с началом нового, самого масштабного после распада СССР военного противостояния между Баку и Ереваном, под ударом оказались армянские и азербайджанские населенные пункты за пределами Нагорного Карабаха. Достаточно вспомнить обстрелы Гянджи, Мингечевира, Вардениса.

Трехстороннее заявление Владимира Путина, Ильхама Алиева и Никола Пашиняна от 10 ноября 2020 г. остановило «осеннюю войну». Но окончательное решение конфликта договоренности, зафиксированные лидерами России, Азербайджана и Армении, не принесли. И не факт, что сильно его приблизили.

Они способствовали радикальному слому старого регионального статус-кво, но на место прежних проблем принесли новые.

Армяно-азербайджанский конфликт, ставший три с небольшим десятилетия назад одним из триггеров распада СССР, был интернационализирован. Сегодня его уже невозможно рассматривать исключительно как противостояние двух бывших союзных республик. И до «осенней войны» на его динамику влияли внешние игроки (та же Турция еще в начале 1990-х гг. стала последовательным союзником Азербайджана и закрыла сухопутную границу с Арменией). Но беспрецедентное военно-политическое вмешательство Анкары в события сентября — ноября 2020 г. резко повысило ее значение в процессах в Закавказье. Геополитическому лидерству Москвы в регионе был брошен решительный вызов. В то же самое время турецкому руководству не удалось произвести радикальную ревизию формата мирного урегулирования путем либо полной заморозки работы Минской группы ОБСЕ, либо ее полного вытеснения из процесса разрешения конфликта. Турции также не удалось стать главным медиатором в переговорах между Азербайджаном и Арменией, эта роль осталась за Россией. Как, впрочем, и монополия на проведение миротворческой операции на карабахской земле. При этом усиление Анкары вызывало опасения не только со стороны России, но и со стороны Ирана. Оно также создало определенные коллизии в ее отношениях с западными союзниками по НАТО (США и Францией, являющимися вместе с Россией сопредседателями Минской группы). Укрепление турецкого и российского влияния в Закавказье представляет серьезный вызов для Вашингтона. И скорее всего, США вместе с союзниками будут пытаться снизить риски от возможного появления различных евразийских коалиций (пускай даже ситуативных) без американского участия.

В то же самое время интернационализация армяно-азербайджанского конфликта не сделала менее острыми неразрешенные проблемы в отношениях между Ереваном и Баку в спектре от демаркации границы, установления дипотношений, разблокирования транспортных коммуникаций до уточнения финального статуса Карабаха.

Таким образом, события сентября — ноября 2020 г. подтвердили правильность формулы Карла Клаузевица о том, что «исход войны никогда не представляет чего-то абсолютного». Эти неоднозначные итоги и их множественные интерпретации дают основания говорить о том, что Закавказье в обозримой перспективе ожидает серьезная реконфигурация сил, а конфликтная динамика в регионе будет не упрощаться, а усложняться.

Азербайджан и Армения в условиях нового статус-кво

На первый взгляд военно-политический успех Азербайджана по итогам «осенней войны» выглядит бесспорным. За 30 лет после распада Советского Союза

Азербайджан стал вторым после России государством, пострадавшим от вооруженной сецессии, потерявшим контроль над рядом территорий, но сумевшим его вернуть. Принципиальным различием между двумя этими кейсами было то, что чеченские сепаратистские настроения не опирались на поддержку соседнего самостоятельного государства, тогда как в связке непризнанная НКР — Армения таковая присутствовала.

На протяжении 26 лет, с момента вступления в силу Соглашения о бессрочном прекращении огня 12 мая 1994 г. и до подписания трехстороннего заявления 10 ноября 2020 г., фактический суверенитет Армении распространялся на 13,4% территории, признаваемой на международном уровне как часть Азербайджана. Это включало 92,5% территории бывшей Нагорно-Карабахской автономной области, а также пять смежных с нею районов полностью (Лачинский, Кельбаджарский, Кубатлинский, Зангеланский и Джебраильский), а два района — частично (Агдамский и Физулинский). Подобная территориальная конфигурация делала армяно-азербайджанский конфликт во многом уникальным среди постсоветских противостояний. В данном случае речь шла не только о самоопределении армянской общины Нагорного Карабаха, не согласной быть частью суверенного Азербайджана, но и об оккупации части регионов сопредельной страны.

По итогам первой армяно-азербайджанской войны в мае 1994 г. военнополитический успех Еревана и Степанакерта был заморожен, после чего начались поиски мирного урегулирования на основе двух «корзин» — деокупации азербайджанских районов и определения статуса бывшей НКАО. При этом вторая «корзина» фактически делилась на две неравные секции в соотношении пять плюс два. Территории, являющиеся коридором между непризнанной республикой и Арменией (Лачинский и Кельбаджарский), рассматривались как особый пункт переговоров. На основе многочисленных компромиссных и не до конца проработанных процедурных формул конфликтующим сторонам сопредседателями Минской группы ОБСЕ были предложены так называемые базовые принципы. Они предполагали возвращение под азербайджанский контроль районов, примыкающих к бывшей автономии, и проведение юридически обязывающего референдума о статусе Карабаха.

В ноябре 2020 г. ряд «базовых принципов» по факту оказался выполненным. Районы вокруг бывшей НКАО вернулись под юрисдикцию Баку, но не в результате дипломатических усилий, а в ходе военных действий. Прежние переговорные схемы были опрокинуты. И новое территориальное размежевание прошло не в соответствии с линиями между НКАО и семью районами вокруг, а в том числе и по территории самой бывшей советской автономии. Шуша, а также некоторые населенные пункты Гадрутского, Мартунинского и Мардакертского районов перешли под контроль азербайджанских сил. Вдобавок к этому Азербайджан добился фиксации положения о необходимости установления

коридора между своими западными областями и эксклавом Нахичевань, который был отрезан от «материковой территории» прикаспийской республики по суше, из-за чего коммуникации осуществлялись через Иран. Одна из двух «корзин», таким образом, оказалась закрытой. Другую (статус) поспешило закрыть азербайджанское руководство. Налицо преодоление национального унижения, военно-политический реванш и катастрофический разгром Армении, невиданный за весь постсоветский период.

Однако в этой внешне безупречной схеме есть свои нюансы, требующие особого рассмотрения. Во-первых, Москва в отличие от Баку собирала территории без внешней военной или дипломатической помощи, установив свой суверенитет над всей Чечней, не оставляя некоторую ее часть под опекой иностранных миротворцев до последующего прояснения ее статуса. Отложенный статус для одного из своих северокавказских субъектов на пять лет Москва предлагала. Но сделала она это по собственной инициативе, а не из-за усилий международных посредников. Азербайджан же, с одной стороны, полагался на всестороннюю поддержку Турции, но с другой стороны, принял решение остановить массированное наступление на Степанакерт путем переговоров с Россией. Именно Москва, отправившая миротворцев в Карабах, по факту предотвратила повторение на Кавказе сценария «Сербская Краина» и ускоренную силовую интеграцию отколовшейся территории.

Как следствие, президент Азербайджана Ильхам Алиев, обязанный успехами своему турецкому коллеге Реджепу Эрдогану, вынужден предпринимать некоторые шаги, от которых раньше азербайджанское руководство аккуратно воздерживалось, — введение безвизового режима с Турцией, поддержка Анкары в ее спорах с Грецией и Францией, актуализация проблемы самоопределения Северного Кипра. Не слишком комфортна для Баку и жесткая привязка собственного внешнеполитического курса к позиции своего главного союзника по Сирии или к Пакистану (включая весь спектр противоречий между Дели и Исламабадом). В то же время, по справедливому замечанию Гии Нодии, влиятельного грузинского исследователя и политического деятеля, имеющего репутацию сторонника евро-атлантического выбора своей страны, «Москва остановила войну в тот момент, когда сочла нужным»: «Теперь конфликт вновь будет заморожен на условиях, которые контролирует Россия. Именно благодаря ей армяне смогут жить в оставшейся части Нагорного Карабаха, именно она будет обеспечивать функционирование крайне важных транспортных коридоров между Арменией и Карабахом, Азербайджаном и Нахичеванью. Теперь от нее зависят обе стороны». И именно Москва устали и Владимира Путина, и Сергея Лаврова говорит об определении статуса Карабаха как о задаче не настоящей, а будущей, ставя на первый план разблокирование транспортных коммуникаций в регионе и полноценную нормализацию армяно-азербайджанских отношений.

Во-вторых, на азербайджанской территории теперь будут размещаться иностранные войска, турецкие и российские. И хотя их цели, задачи, статус серьезно отличаются, а миротворческая миссия военных из России ограничена сроком пять лет, факт остается фактом. Такое присутствие создает как минимум непростые коллизии в отношениях как Москвы и Баку, так и Москвы и Анкары. Любой системный сбой в отношениях двух евразийских гигантов чреват превращением Азербайджана из страны, до сих пор самостоятельно определявшей свои международные приоритеты, в заложника региональной конфронтации.

Новый статус-кво для Армении является предельно дискомфортным. Резко возросли ее уязвимость и зависимость от внешних игроков. В ходе «осенней войны» утрачен так называемый пояс безопасности, который был не только буфером между непризнанной Нагорно-Карабахской Республикой и Азербайджаном и, напротив, облегчал коммуникации между Ереваном и Степанакертом, но и отделял южные рубежи страны от прямого соприкосновения с государством-противником. Установление контроля Баку над Кельбаджарским районом привело к возникновению новой линии соприкосновения Армении с азербайджанской стороной у своих двух южных марзов (областей) — Сюник и Гегаркуник. При отсутствии демаркированной и делимитированной межгосударственной границы актуализировался еще один узел противоречий.

Его распутывание чревато рисками не меньшими, чем урегулирование карабахской проблемы. Нагорный Карабах признавался и Россией, и двумя другими сопредседателями Минской группы ОБСЕ, и международным сообществом в целом частью Азербайджана, и поэтому все механизмы ОДКБ его не касались. Но любые угрозы собственно Армении, входящей в эту интеграционную структуру, по определению будут рассматриваться в контексте коллективной защиты ее интересов со стороны государств-союзников. Более того, Ереван и Москву связывает также двусторонний Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. С другой стороны, военно-политическим союзником Азербайджана является Турция, государство, обладающее второй по численности армией среди стран — членов НАТО. При всех имеющихся противоречиях с другими членами Североатлантического договора Анкара не заинтересована в выходе из него. Таким образом, потенциально имеются риски интернационализации урегулирования вопроса об определении армяно-азербайджанской границы.

Наряду с утратой военного буфера на своих южных рубежах Армения лишилась и другого пояса безопасности — дипломатического. До ноября 2020 г. вопросы деокупации азербайджанских районов тесно увязывались с проблемой статуса Нагорного Карабаха. Еревану долгое время удавалось уравнивать две эти переговорные «корзины». В настоящее время определение политико-правовых перспектив спорного региона оказалось в руках внешних игроков, на которых армянское руководство не может повлиять. Москва, заинтересованная

в сохранении своей миротворческой миссии, предпочитает не будировать тему статуса, выдвигая на первый план разблокирование транспортных коммуникаций, прагматизацию армяно-азербайджанских отношений, тогда как два других сопредседателя Минской группы — США и Франция настаивают на сохранении данного сюжета в переговорном меню, поскольку отмена «базовых принципов» мирного урегулирования по умолчанию поставит вопрос о правомочности самой этой структуры и ОБСЕ в целом. Вашингтон и Париж также не готовы признать монополию Москвы на осуществление мирного процесса. Турция и Азербайджан полагают, что вопрос о статусе в условиях новых военно-политических реалий более неактуален, а миротворческая миссия должна иметь временные рамки. Саму же миссию Анкара и Баку видят как инструмент для полной реинтеграции всех азербайджанских земель, к которым относят и ныне существующую в урезанном виде самопровозглашенную Нагорно-Карабахскую Республику. Как бы то ни было, сегодня у Еревана практически нет ресурсов для выстраивания выгодной для него конфигурации без внешне-го вмешательства. Отсюда и стремление армянских властей укрепить связку не только с Москвой, но также и с Парижем и Вашингтоном в надежде на то, что все эти силы будут так или иначе заинтересованы в укреплении Турции и стратегической спайки Анкара — Баку в Евразии.

Все описанные выше военно-политические трансформации оказывают прямое воздействие и на внутренние процессы в Азербайджане и в Армении. В первом случае общественное давление на власти ограничено, тогда как во втором в условиях парламентской модели любой вопрос, будь то открытие транспортных коридоров, уступки в вопросе о демаркации госграницы или в переговорах по Карабаху, автоматически становится проблемой избирательных кампаний и массовых протестов. Как бы то ни было, в Азербайджане есть представление о том, что война 2020 г. была приостановлена и не завершена полной победой Баку. Согласие Ильхама Алиева на присутствие российских миротворцев рассматривается определенной частью азербайджанского общества (что видно по социальным сетям и блогам, так как релевантных социологических исследований на эту тему не проводилось) как проявление слабости и непоследовательности. Между тем любой армянский лидер, идя на уступки по демаркации границы или открытию транспортных коридоров, наверняка столкнется с массовыми протестами, тогда как военно-дипломатическая ситуация вынудит любого возможного реваншиста снизить планку требований.

Первый президент Армении Левон Тер-Петросян в июне 2021 г., оценивая новый статус-кво на Кавказе, констатировал: «У нашей страны нет союзников в карабахском конфликте». Если понимать под союзом твердую поддержку максималистских планов (признание независимости НКР или ее интеграции, пусть и в урезанном виде, в состав армянского государства, игнорирование интересов Азербайджана и Турции внешними игроками), то с вышеприведенными

выводами придется согласиться. Но в обозримой перспективе с такими реалиями будет иметь дело любая глава правительства Армении.

Таким образом, налицо формирование новой повестки армяно-азербайджанского противостояния, в которой тема собственно Карабаха отойдет на второй план. Но это не означает, что рано или поздно коллизии вокруг российских миротворцев, турецкого военного присутствия в Азербайджане или внутренней дестабилизация в странах — участницах конфликта снова не актуализируют ее. Несмотря на то что миф о превосходстве армянской армии и неумении азербайджанцев воевать развеян, а Баку добился значительных успехов, появились новые факторы, позволяющие говорить о неоднозначных как минимум результатах «осенней войны» 2020 г.

Российско-турецкий кондоминиум на Кавказе: Сирия 2.0?

По справедливому замечанию российского востоковеда Виталия Наумкина, новый виток обострения в Нагорном Карабахе обозначил «тесную связь между Южным Кавказом и Левантом». В дни «осенней войны» многие журналисты, политические аналитики, представители разведывательных сообществ и государственные деятели из различных стран фокусировались на оценке возможного участия боевиков из региона Ближнего Востока в армяно-азербайджанском противостоянии. Баку и Ереван обвиняли друг друга в привлечении различных радикальных группировок в спектре от джихадистских организаций и протурецких прокси из Сирии и Ливии до формирований из курдской и армянской диаспор. Масштабы и степень реального воздействия ближневосточных боевиков на исход «осенней войны» 2020 г. еще предстоит адекватно изучить.

Между тем оценка связки Кавказ — Ближний Восток с точки зрения перспектив безопасности в Евразии выходит за рамки вопроса об экспорте террористических группировок в Нагорный Карабах. В первую очередь следует зафиксировать беспрецедентное вовлечение Турции — одного из главных ближневосточных бенефициаров — в постсоветский конфликт. Анкара в Ираке, Ливии, Сирии и в определенной степени в Катаре и Палестине продемонстрировала готовность применять силу и менять статус-кво без оглядки как на своих союзников по НАТО, ведущие региональные державы (Египет, Израиль, Саудовскую Аравию), так и на Россию. До 2020 г. ни одна держава не вмешивалась в противостояния на территории бывшего СССР столь масштабно. Даже США и их союзники по Североатлантическому альянсу в августе 2008 г. и феврале — марте 2014 г. ограничились санкционным давлением или военными демонстрациями. Свою роль в «осенней войне» на Кавказе Анкара символически закрепила во время парада победы в Баку 10 декабря 2020 г., когда рядом с Ильхамом Алиевым на трибуне стоял Реджеп Эрдоган. Выступая на пресс-конференции перед саммитом НАТО 13 июня 2021 г., президент Турции

назвал «турецко-азербайджанское братство основой для мира и благополучия на Кавказе». Через два дня после этого Алиев и Эрдоган подписали Шушинскую декларацию о союзничестве. Еще один символический акт — подписание стратегически значимого документа в бывшей столице Карабахского ханства, городе, который на протяжении 28 лет находился под армянским военно-политическим контролем.

Армяно-азербайджанский конфликт, актуализированный в процессе распада Советского Союза, как и проблемы Абхазии, Приднестровья и Южной Осетии, имел ряд принципиальных отличий от всех перечисленных выше кейсов. Если большая часть постсоветских противостояний, начавшись как этнополитические конфликты, уже к началу 2000-х гг. стали частью конфронтационной повестки в отношениях между Россией и Западом, то противостояние Армении и Азербайджана в эту логику не вписывалось. Как верно заметил известный российский дипломат, автор фундаментальной книги «Мир Карабаху» Владимир Казимиров, еще в 1990-е гг. «...сложилась весьма противоречивая картина: и взаимодействие России с Минской группой, и их соперничество»: «Не секрет, что ряд западных государств пытались не дать России, пользуясь ее ослаблением, сохранить влияние в Закавказье. Их общей задачей было противодействие более эффективному посредничеству России под внешне весьма благозвучным предлогом сведения воедино посреднических усилий в рамках Минской группы».

Однако по факту два других сопредседателя — США и Франция за весь 18-летний период функционирования данной структуры не выступали против всех наиболее важных инициатив Москвы, будь то Соглашения о бессрочном прекращении огня и об укреплении его режима 1994–1995 гг., Майендорфская декларация 2008 г. или договоренности о прекращении огня по итогам четырехдневной войны 2016 г. В истории мирного урегулирования бывали периоды, когда из «большой тройки» сопредседателей кто-то выдвигался на первый план, как это было на саммите в Ки-Уэсте с США в 2001 г. или с Россией в Казани десятью годами позже. Но жесткой конкуренции, которая наблюдалась между Москвой и Вашингтоном по Абхазии или Южной Осетии, на карабахском треке не было. Базовых причин для формирования такой уникальной ситуации, на наш взгляд, было три. Во-первых, ни Армения, ни Азербайджан не рассматривались Западом как кандидаты на вступление в ряды НАТО, как Грузия или Украина. Во-вторых, США и их союзники не видели в посреднических усилиях России проявлений пресловутого ревизионизма. Москва не просто не признавала независимости самопровозглашенного Нагорного Карабаха, а не рассматривала его как отдельную сторону конфликта (как в случае с Приднестровьем). Попыток пересмотра границ, сложившихся после распада СССР в этой части Кавказа, с российской стороны не предпринималось. В-третьих, сами участники конфликта не позиционировали себя

как силы, вовлеченные в конфронтацию Москвы и Вашингтона на чьей-либо стороне. Они также не требовали пересмотра особой роли России в мирном процессе. Напротив, и Баку, и Ереван официально поддерживали медиацию Москвы.

Осенью 2020 г. «геополитизация» армяно-азербайджанского конфликта все же произошла, но развивалась она не в форме противостояния России и Запада, а при активном военно-дипломатическом вовлечении Турции. Анкара не была новичком в кавказских процессах. После распада СССР она четко и недвусмысленно поддерживала территориальную целостность Азербайджана и Грузии, хотя во втором случае и не препятствовала экономическим контактам своих граждан адыго-абхазского происхождения с Сухуми. С 1993 г. Турция закрыла свою сухопутную границу с Арменией, а процесс нормализации отношений с Ереваном жестко увязывала с прогрессом в деле урегулирования ситуации в Карабахе. Однако в 2020 г. стратегическая связка Анкары и Баку переросла в новое качество. По факту, на фоне стратегических разногласий сопредседателей Минской группы, Турция превратилась в самостоятельный центр принятия решений по Карабаху и Кавказу в целом.

Отныне турецкое военное присутствие на Каспии открывает новые возможности для турецкой экспансии в Центральной Азии. Турецкие военные успешно применили в ходе армяно-азербайджанского конфликта беспилотники Bayraktar TB2 и тем самым вызвали интерес к своим разработкам со стороны других постсоветских стран. Речь прежде всего об Украине. Нагорно-карабахский сценарий 2020 г. видится в Киеве как успешный паттерн для Донбасса, не в последнюю очередь потому, что реальных переговоров с представителями Донецкой и Луганской народных республик не предполагается. Как следствие, расширение пространства сотрудничества между Анкарой и Киевом. Обе стороны также разделяют общий подход относительно непризнания Крыма российской территорией.

Но, пожалуй, самое важное — это то, что конфликт между Арменией и Азербайджаном после событий осени 2020 г. будет теснее связан с ближневосточной динамикой. По словам турецкого исследователя Керима Хаса, «Турция испытала Bayraktar TB2 в конце февраля и начале марта 2020 г. при проведении операции „Весенний щит“ против сирийских правительственных сил в Идлибе, а также во время предотвращения взятия Триполи силами маршала Хафтара весной 2020 г.»: «Военные беспилотники продемонстрировали свою эффективность и стали неотъемлемой частью последующих операций Турции. Географическое преимущество Армении в Нагорном Карабахе было нейтрализовано возможностями беспилотников, что, безусловно, является новой характеристикой конфликта». Впрочем, у конфликта помимо чисто военного появляются и другие новые характеристики. Речь идет о возможности использования протурецких прокси-сил с Ближнего Востока для оказания

давления как на Ереван, так и на Москву в случае обострения ситуации либо в Карабахе, либо вдоль армяно-азербайджанской границы и о действиях наступательного плана в сирийском Идлибе, где интересы Турции пересекаются с российскими. Разморозка одного конфликта для оказания влияния на динамику в другой горячей точке — вот главная опасность в условиях нового статус-кво.

Турецкий эксперт Бюлент Арас, характеризуя российско-турецкие отношения, назвал их соревновательным сотрудничеством. И действительно, по большей части вопросов международной повестки интересы Москвы и Анкары противоречат друг другу. Такова ситуация вокруг Крыма, Сирии, Ливии, Абхазии и Нагорного Карабаха. В 2020 г. Турция на кавказском театре взяла определенный реванш у России после того, как шестью годами раньше та не дала ей стать главным бенефициаром разрешения сирийского конфликта. И в первом, и во втором случае страны входили в сферу «ближнего зарубежья» друг друга, понимаемого как сфера особых, привилегированных интересов. Но укрепление турецких позиций на Кавказе сегодня не выглядит как полный и безоговорочный триумф Анкары и столь же очевидный провал Москвы. Прежде всего, турецкому руководству не удалось стать соавтором совместных заявлений о прекращении огня и экономического восстановления региона. Турецкие войска не стали участниками совместной миротворческой операции в Карабахе. Россия самостоятельно осуществляет свою миссию. И напротив, мониторинговый центр в Агдамском районе, за пределами редуцированной де-факто НКР, является двусторонним, а не исключительно турецким. При этом безопасность открываемых транспортных коридоров будет обеспечивать пограничная служба ФСБ России без всякого турецкого участия.

Если Анкара поддерживает исключительно Азербайджан, то Москва имеет разнообразные ресурсы влияния на обе стороны конфликта. И далеко не факт, что интересы Турции во всем будут тождественны азербайджанским, особенно в контексте сохранения суверенитета. Исламизирующаяся политически и постепенно отказывающаяся от идеалов Кемаля Ататюрка Турецкая Республика представляет определенный вызов для светской модели постсоветского Азербайджана, как и попытки Анкары втянуть Баку на своей стороне в сложный сирийский конфликт. Опасность представляет и расползание джихадистских группировок, которые и в режиме Ильхама Алиева видят угрозу «чистому исламу». Азербайджанские элитные группы заинтересованы в поддержании выгодных деловых отношений с Россией, как и совместных действий по сдерживанию радикалов в дагестанском пограничье. Стоит заметить, что в ходе «замороженного мира» в российско-турецких отношениях в 2015–2016 гг. Баку не сделал окончательного выбора в пользу Анкары или Москвы. И не факт, что в дальнейшем азербайджанское руководство захочет встать перед такой дилеммой.

При всех оговорках, турецкое доминирование вызывает опасения и у двух сопредседателей Минской группы ОБСЕ. Именно поэтому Москва не спешит хоронить этот формат, рассматривая его как возможный инструмент для сдерживания растущих амбиций Анкары. Фактор Запада, к слову сказать, удерживает Россию и Турцию от взаимной конфронтации. Для Москвы Анкара — это диссидент внутри НАТО, выгодная кооперация с которым подтачивает единство внутри альянса. Для Турции же диверсификация внешней политики, включая такие сферы, как атомная энергетика и военно-техническое сотрудничество, — это возможность повышения собственной международной капитализации. И в неменьшей степени средство снятия противоречий с США и другими западными союзниками. Фантом евразийского альянса Иран — Россия — Турция — надежное средство для сохранения евро-атлантической семьи, поскольку для Вашингтона выход Анкары из НАТО стал бы чрезвычайно опасным прецедентом. Но начини Турция и Россия жесткое противостояние на Кавказе, как раньше это уже имело место в Сирии, главным бенефициаром такого развития станет Запад. Как следствие, Анкара и Москва будут стремиться согласовывать возможные красные линии и удерживаться от демонстрации открытой враждебности.

Таким образом, в армяно-азербайджанском конфликте обозначился фактор российско-турецкого внешнего доминирования. Оно носит конкурентный характер, но не отрицает и взаимодействия. По многим параметрам это напоминает сирийский кондоминиум Анкары и Москвы. По итогам событий 2020 г. связка конфликтной динамики Кавказа и Ближнего Востока значительно выросла.

Запад на Кавказе: не прощается и не уходит

Американский эксперт из вашингтонского Университета национальной обороны Джеффри Манкофф следующим образом оценил нынешнюю ситуацию на Кавказе: «Локальные по характеру столкновения в Нагорном Карабахе провоцируют проблемы глобального характера». По факту мы наблюдаем усиление позиций Турции и России в регионе при определенном снижении влияния Запада. Попытки США и Франции в ходе «осенней войны» посадить представителей Баку и Еревана за стол переговоров не увенчались успехом. Вашингтон и Париж не сыграли значимой роли и при подписании совместного заявления о прекращении огня, хотя появление самого этого документа и встретило поддержку с их стороны. Американских и французских миротворцев нет на новой линии разделения конфликтующих сторон. Однако все эти факты, а также определенная активизация Ирана на кавказском направлении не должны создавать иллюзии относительно ухода Запада из одного из ключевых регионов Евразии.

В то же самое время необходимо адекватно представлять, что именно ищут на Кавказе США и их союзники и под каким углом они рассматривают новые реалии, сложившиеся там в ноябре 2020 г. По словам авторитетного эксперта Фонда Карнеги Пола Стронски (в недавнем прошлом он был аналитиком по Евразии в Госдепартаменте США), «Центральная Азия и Южный Кавказ никогда не были главными темами в американских спорах о внешней политике»: «Разве что новая эскалация в Карабахе заставила американских политиков вспомнить о проблемах в этой части мира». Эту формулу Пола Стронски с полным основанием можно применить и к оценке французских подходов. Ни для Вашингтона, ни для Парижа проблемы стран Закавказья не имеют самостоятельной ценности. Однако они вписываются в более широкие международные контексты. По словам Эндрю Качинса (до начала июня 2021 г. президента Американского университета в Центральной Азии), «США крайне скептически и критически отвечали на любые попытки продвижения евразийской интеграции без американского участия, не будучи в состоянии предложить привлекательную и убедительную альтернативу в эпоху после окончания холодной войны». Новый статус-кво в Карабахе с точки зрения его оценки парадоксален. Если ряд российских экспертов (Константин Макиенко) говорили об «осенней войне» как о поражении Москвы, то американские и британские специалисты, склонные скорее к критическим оценкам внешней политики России (Стивен Бланк, Томас де Ваал и Стивен Сестанович), делали акцент на появлении российских военных в той части Кавказа, где их ранее не было. Именно усиление военных позиций России и Турции в регионе вызывает опасения в американских дипломатическом и экспертном сообществах.

Есть, впрочем, и еще одна важная деталь. Иран, также испытывающий тревогу по поводу усиления позиций Анкары вблизи своих границ, предпочитает иметь дело с Россией и Турцией, а не с США, Францией и другими натовскими государствами. Исламскую Республику вполне устраивает ситуация, при которой Россия выходит на первый план, ослабляя свою связку с Минской группой ОБСЕ. И не случайно в связи с этим Тегеран поддержал миротворческую операцию в Карабахе под эгидой Москвы, а не на многосторонней основе. Возрастание турецкого влияния для Исламской Республики амбивалентно. Оно в принципе приемлемо как часть условно евразийского формата (совместные действия с Москвой и Анкарой). В то же время иранская сторона опасается, что вслед за Турцией на Кавказ, в северное пограничье страны, придут и турецкие прокси, а это опасно и с религиозной точки зрения (увеличение представителей суннитских течений), и с этнополитической (значительный процент населения Ирана составляют турки). Но даже в этом случае для Тегерана сирийская модель, когда три евразийских гиганта — Россия, Турция и сама Исламская Республика разрешают все текущие проблемы на местах без западного вмешательства, лучше, чем доминирование США и НАТО.

Следствием являются попытки США и Франции зацепиться за Кавказ. Вашингтон среди прочего сильно притягивает Грузия — страна, с которой еще в январе 2009 г. была подписана Хартия о стратегическом партнерстве. После «осенней войны» Тбилиси оказался в своеобразном геополитическом одиночестве в регионе. И Азербайджан, и Армения выстраивают свою внешнюю политику вне привязки к евро-атлантической солидарности. Первая ориентируется преимущественно на Турцию, а вторая — на Россию. Зависимость Грузии от Турции в экономическом плане высока. Но Тбилиси опасается, что в двусторонних и трехсторонних форматах (плюс Азербайджан) он является самым слабым из партнеров, критически зависимым в финансовом и инфраструктурном плане от более мощных соседей. Неменьшие опасения вызывает в Грузии и культурно-конфессиональная экспансия Турции, особенно в Аджарии. Эти факты все вместе и по отдельности каждый во многом объясняют сдержанность грузинского руководства по поводу итогов «осенней войны», его стремление подняться над схваткой, занять равноудаленную позицию. Грузия, имеющая неразрешенные проблемы в Абхазии и в Южной Осетии, в обозримой перспективе не имеет возможности вступить в НАТО, но двустороннему военному партнерству с США это существенным образом не мешает. Очевидно, что Вашингтон, среди прочего играющий и важную роль в урегулировании внутриполитических кризисов в Грузии, будет эксплуатировать тбилисские фобии относительно России и Турции.

В то же самое время мы видим, что американская дипломатия пытается проявлять публичную активность в тех сферах, где российская предпочитает традиционные кулуарные методы. Речь прежде всего о посредничестве при освобождении армянских военнопленных (по линии и Госдепа, и Конгресса США) или об инициативе по разминированию линии соприкосновения армянских и азербайджанских сил. США не выступили резко против инициативы Владимира Путина о подписании совместного заявления о прекращении огня, ибо в противном случае правомочность Минской группы ОБСЕ в целом была бы поставлена под сомнение. Однако Вашингтон тяготит российское лидерство в мирном процессе. И не исключено, что в среднесрочной перспективе США будут ставить вопрос об эффективности российской медиации и миротворческой миссии.

Свои особенности на Кавказе имеет и французская внешняя политика. Как и для Вашингтона, этот регион для Парижа не представляет самостоятельной ценности. Но Франция выступает оппонентом Турции на средиземноморском направлении. Это касается как всего комплекса греко-турецких и турецко-кипрских отношений, так и Ливии. В этот контекст попадает и армяно-азербайджанский конфликт. Учитывая фактор многочисленной армянской диаспоры (около полумиллиона человек, самая крупная община в ЕС) и ее влияния на внутреннюю политику, французское руководство предпринимает активные

шаги на кавказском направлении. В этом ряду и осуждение Турции за вмешательство в армяно-азербайджанский конфликт, и поддержка Армении в ее территориальных спорах на южных рубежах, и обещания военной помощи. Стоит иметь в виду и фактор президентских выборов, в ходе которых Эммануэль Макрон будет стремиться с помощью сдерживания «исламистской и пантюркистской угрозы» бороться против своего главного оппонента Марин Ле Пен. Две палаты парламента Франции — Сенат и Национальное собрание приняли резолюции с ходатайством о признании независимости самопровозглашенной Нагорно-Карабахской Республики, хотя президент и правительство Пятой республики и не поддержали обе эти законодательные инициативы. Париж опасается полного разрыва отношений с Турцией. И заявления французских официальных лиц о военной помощи Еревану выглядят скорее как популистская риторика. Однако на фоне массовой фрустрации в Армении, завышенных ожиданий от России и определенного разочарования в действиях Москвы во время «осенней войны» и после нее такие, казалось бы, оторванные от реальности лозунги могут иметь определенные последствия¹.

Следовательно, США и Франция как минимум, а также НАТО в целом останутся важными игроками на Кавказе и в условиях нового статус-кво в армяно-азербайджанском конфликте. Некоторое снижение их роли в конце 2020 г. не означает согласия Вашингтона, Парижа и Брюсселя на утрату влияния в Евразии.

Сорок четыре дня военного противостояния Армении и Азербайджана в сентябре — ноябре 2020 г. сломали статус-кво, существовавший в течение 26 лет. Поставлены под сомнение существующие форматы мирного урегулирования, а также сам предмет того, вокруг чего следует вести переговоры. Открылись новые вызовы, которые ранее не были столь актуальны. Речь прежде всего о демаркации и делимитации армяно-азербайджанской границы. При том, что и сегодня стороны не в точности повторяют политико-географические конфигурации, существовавшие во времена АзССР и АрмССР. Значительно усилился внешний фактор. Но в отличие от большинства постсоветских горячих точек основным форматом здесь не является конфронтация России и Запада, а роль Турции и в меньшей степени Ирана не вписывается ни в один из существующих сценариев в пространстве бывшего Советского Союза. В целом же укрепление позиций Анкары, но без тотального ослабления России на Кавказе укрепляет влияние ближневосточной динамики на кавказские процессы. Регион становится менее предсказуемым и, напротив, более турбулентным. Результаты военных действий осени 2020 г. слишком неоднозначны для того, чтобы говорить о скорой стабилизации.

Россия как главная проигравшая сторона во второй карабахской войне?

Вторая карабахская война, шедшая 44 дня, с 27 сентября по 10 ноября 2020 г., закончилась тяжелым, если не сказать сокрушительным, поражением армянской стороны. По результатам вооруженной борьбы власти Армении были вынуждены фактически капитулировать перед Азербайджаном под гарантии Российской Федерации. В итоге не только были оставлены все оккупированные на протяжении более 26 лет территории Азербайджана вокруг Нагорного Карабаха, но и утрачена значительная часть собственно Нагорно-Карабахской Республики в границах автономии советского периода, включая второй по значению город Карабаха Шушу.

Оставшаяся по итогам войны под контролем армянской стороны часть НКР откровенно маложизнеспособна, зависит от коммуникаций, проходящих по азербайджанской территории, и ее выживание и существование обеспечивается исключительно введенными в регион российскими миротворческими силами, мандат которых официально ограничен пятилетним сроком. Фактически Москве пришлось пригрозить вооруженным вмешательством, чтобы вынудить Баку пойти на перемирие и спасти для армян хоть что-то в Карабахе. Еревану пришлось пойти на целый ряд унижительных условий, включая готовность предоставить Азербайджану транспортный коридор в Нахичевань.

При этом азербайджанская сторона откровенно упивается своей победой, делая многочисленные намеки на временность создавшегося статус-кво в Карабахе, удерживая армянских пленных, постоянно задирая и провоцируя армянскую сторону и начав уже в ходе пограничного «урегулирования» посягать кое-где на территорию собственно Армении.

Мир не для России

Можно ли согласиться с выводом, что геополитические последствия второй карабахской войны стали катастрофическими не только для Армении, но и для России? В практическом отношении азербайджанская военная кампания против Карабаха опрокинула длительно выстраивавшуюся российскую линию на поддержание статус-кво в Закавказье и на балансирование между Арменией и Азербайджаном.

И можно ли сказать, что в более общем смысле фактически эта война подвела черту в попытках России сохранить свое доминирующее влияние на постсоветском пространстве? Когда-то императрица Екатерина Великая вывела формулу великодержавной гегемонии лаконичным требованием «чтобы без нашего ведома ни одна пушка в Европе не выстрелила». В данном случае пушки выстрелили, и совершенно без ведома России. Сам факт того, что Баку пошел на широкомасштабную войну против формального союзника России по ОДКБ, полностью игнорируя многочисленные призывы Москвы к прекращению огня, стал неприкрытым вызовом в адрес российского руководства.

И российское руководство обнаружило себя на полях событий, в течение 44 дней наблюдая, как «интегрированные» с российскими вооруженные силы Армении фактически громятся азербайджанцами. Российским СМИ пришлось вертеться ужом, всячески доказывая, что-де обязательства по ОДКБ не распространяются на Нагорный Карабах, поэтому Россия как лидер ОДКБ как бы ни при чем в этой войне и не обязана заступаться за Армению. Но, как любил говорить Владимир Ленин, это было «формально правильно, а по сути издевательство». Достаточно очевидно, что Армения вступала в ОДКБ и поддерживала тесное оборонное сотрудничество прежде всего именно из соображений, что Россия через механизмы ОДКБ будет сдерживать турецко-азербайджанский тандем в военном отношении. И в итоге главный мотив участия Армении в ОДКБ оказался неработающим, российский военный протекторат оказался неполноценным.

Стали/станут ли эти события моральным и политическим крахом для ОДКБ и для всей российской конструкции оборонного лидерства на территории бывшего СССР? Для всех в ОДКБ и за его пределами прояснилось, что российское выступление в защиту формальных союзников по ОДКБ будет не автоматическим, а достаточно жестко обусловленным московской политической конъюнктурой. Налицо репутационный ущерб, нанесенный и без того многими считавшемуся формальным оборонному союзу, плюс подорванная вера участников ОДКБ в могущество Москвы.

Порой звучит тезис, что именно наличие механизмов ОДКБ защитило Армению от действий вооруженных сил Азербайджана по ее территории. Однако, как представляется, вторжение азербайджанских вооруженных сил на территорию Армении было маловероятным из-за очевидно негативной в этом случае позиции международного сообщества (несмотря на степень заслуженной девальвированности самого понятия «сообщество», переоценившая (ие) себя «одна нация — два государства» очутилась бы перед реалиями вполне консолидированного фронта большинства государств-тяжеловесов и Запада, и Востока). При этом, как известно, азербайджанская сторона не стеснялась наносить удары беспилотными средствами по армянским зенитным ракетным системам и оперативно-тактическим ракетным комплексам на территории

собственно Армении, и это не вызвало никакого «задействования механизмов ОДКБ».

Наконец, показательно, что Азербайджан пошел на эту войну в союзе с Турцией и с активным применением в боевых действиях турецкой пилотируемой и беспилотной авиации с азербайджанской территории. Это стало первым и уникальным случаем прямой военной интервенции внешней военной державы на постсоветском пространстве со времен распада СССР. При этом Москва, традиционно крайне резко реагирующая на любую тень вмешательства западных стран на территории бывшего Советского Союза, в данном случае прямую турецкую военную интервенцию предпочла не заметить. Не стала Россия официально высказываться и по поводу ставшего фактически постоянным размещения турецких вооруженных сил на территории Азербайджана. Опять возникает вопрос: не станет ли это переломным пунктом для всего бывшего СССР/СНГ и не подтолкнет ли западные страны усилить вмешательство в дела бывших союзных республик?

Это уже оживило все антирусские силы в бывшем СССР, и в том числе в том же Азербайджане, тон высказываний деятелей которого стал дерзким и напористым, как и стиль азербайджанской послевоенной политики. В сущности, зачем теперь Баку продолжать взвешенную политику балансирования между тремя имперскими нациями — Россией, Турцией и Ираном, которые последние три века были здесь главными игроками? Главная национальная задача — возвращение основной части потерянных в 1994 г. территорий — решена, прямое сообщение с Турцией обеспечено, и в диалоге с Москвой дозволительна иная тональность.

В результате общее влияние Москвы в Закавказье снизилось и, напротив, подскочил престиж удачливой и задиристой Анкары, причем не только на Кавказе, но и в тюркоязычных республиках Центральной Азии. Клиент и союзник русских оказался проигравшим. Турецкий союзник убедительно победил. Не повод ли это задуматься, какой проект — постсоветской интеграции или пантюркистского возрождения — перспективнее? В обывательском мнении престиж турецкой модели модернизации и политического, экономического и военного строительства взлетел на небывалую высоту, а победоносные турецкие беспилотники стали символом невиданного со времен Средневековья военного и технологического успеха мусульманской нации. И хотя неожиданно быстрый успех талибов в Афганистане вновь заставил страны Центральной Азии обратиться за поддержкой не к кому иному, как к Москве, однако соблазн младотюркского хотя бы серебряного века вполне способен возобладать над бесстрашной калькуляцией неизбежных, эвфемистически выражаясь, издержек.

Также вызывает опасения и откровенно вдохновляющий пример успешной азербайджанской войны с «сепаратистами», увиденный Киевом: характерно, что именно с осени 2020 г. по инициативе украинской стороны прервался едва

начатый ограниченный мирный процесс в Донбассе. Уже весной 2021 г. дело там дошло до «военной тревоги», вынудившей Россию произвести сосредоточение на приграничье с Украиной крупной группировки войск, чтобы охладить снова разгоревшийся воинственный пыл Киева. Украина резко активизировала сотрудничество с Турцией и нарастила закупки турецких вооружений, включая пресловутые разведывательно-ударные БЛА Bayraktar TB2. Не вызывает сомнений, что на Украине рассматривают осуществленный Азербайджаном военный сценарий в качестве образца для возможного нападения на Донбасс при первом же удобном случае.

Номинально Россия стала главным медиатором и посредником в деле прекращения второй карабахской войны, однако здесь также пришлось звать в коспонсоры мирного процесса Турцию, создавая очередной неприятный прецедент для постсоветского пространства и конституируя процесс турецкого вмешательства в Закавказье. Технически же Россия получила под свой протекторат еще один регион с замороженным конфликтом наряду с Приднестровьем, Абхазией и Южной Осетией, где мир и стабильность поддерживаются только штыками военного контингента России. Общим для этих конфликтов является то, что российское военное присутствие во всех случаях направлено прежде всего на предотвращение вооруженного захвата данных территорий считающими их своей частью бывшими союзными республиками-метрополиями. Однако кардинальное отличие карабахской ситуации в том, что в отличие от Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии, где метрополии в лице Молдавии и Грузии слабы и вряд ли отважатся на военный реванш, в Нагорном Карабахе на возвращение региона претендует более сильный и самоуверенный после победы Азербайджан, а самое главное, маячащая за ним набравшая мускулы Турция. И существует весьма значительный шанс того, что по истечении обусловленного мирными соглашениями пятилетнего периода Анкара и Баку могут попытаться добиться устранения российских войск и завершения захвата Нагорного Карабаха. Проигнорировать их, как Москва фактически игнорирует притязания Молдавии и Грузии, не удастся, и тем самым в результате нынешнего карабахского «мирного урегулирования» заложен потенциальный конфликт большой разрушительной силы. Даже если Азербайджан и Турция и не пойдут на прямую конфронтацию с Москвой из-за Карабаха, совершенно очевидно, что временный статус урегулирования и присутствия российских миротворческих сил предоставил им рычаг для оказания давления и шантажа России по широкому кругу вопросов и вымогания у Москвы разнообразных уступок. Вдобавок российские силы в Карабахе отрезаны от российской территории и находятся в зависимости от коммуникаций через территорию Азербайджана, по сути, в некоторой степени являясь заложниками Баку.

Сама же оставшаяся часть Нагорного Карабаха в своем нынешнем состоянии перешла под полный протекторат России — и фактически на русское

содержание. При этом для России данная территория практически незначима и является лишь источником возможных потенциальных конфликтов с Турцией и Азербайджаном.

Оказавшись в роли гаранта карабахского урегулирования и фактического сохранения оставшейся под армянским контролем части Карабаха как армянской анклавной автономии, Россия, предположительно, будет стремиться создавать политику фактов, всячески уклоняясь от неудобного пока что для всех сторон вопроса о статусе Карабаха. Разумеется, фактическое существование армянского анклава под русским контролем азербайджанскую сторону будет тяготить чем дальше, тем больше. Проблем добавят вопросы гражданства армянского населения Карабаха и коммуникаций анклава с Арменией. Дополнительную негативную роль будет играть присутствие турок, которые с высокой степенью вероятности будут подогревать азербайджанцев, тем более что Анкара может себе позволить выступать в качестве безответственной силы и действовать в чисто негативистском ключе. Оказав масштабную поддержку Азербайджану в войне, Турция в целом получила от карабахского кризиса явно меньше, чем рассчитывала, и вполне может выступить в качестве ревизиониста. Все это создает России большой потенциал для возможных осложнений, купировать которые Москве, видимо, придется только за счет все новых уступок Анкаре и Баку. Возможность будирования темы вывода из Карабаха российских войск по истечении пятилетнего периода, особенно со стороны западных стран, которые также могут занять выгодную для них позицию безответственных подстрекателей, может создать для России дополнительную точку политической конфронтации.

Исход второй карабахской войны в долгосрочном плане очевидно осложнил отношения России с Арменией. Безусловно, армянское общество было глубоко разочаровано нейтралистской позицией Москвы, противоречащей по крайней мере духу обязательств в рамках ОДКБ. Сама же Россия по итогам войны парадоксальным образом оказалась вынуждена поддерживать в Армении правительство премьер-министра Никола Пашиняна, прежде с подозрением считавшегося Москвой прозападным и не вполне лояльным лидером. Теперь режим Пашиняна превратился для России в главного гаранта мирных соглашений с армянской стороны и в итоге получил возможность не только выживания, но и усиления своих позиций по отношению к Москве. Прошедшие в Армении в 2021 г. выборы подтвердили, несмотря на военный разгром, поддержку большинством армянского общества курса Пашиняна и продемонстрировали слабость более прорусских элементов на армянской политической сцене. Таким образом, можно говорить, что в морально-политическом отношении влияние России в армянском обществе ослабло, и, видимо, это рано или поздно найдет свое политическое выражение.

При этом складывается ощущение, что армянское общество и элитные круги не сделали никаких сколь-либо серьезных выводов из военной катастрофы 2020 г., по-прежнему пребывая преимущественно в состоянии причудливой смеси безответственности, легкомыслия и самовлюбленного шовинизма, направленного в том числе и против России. Рассчитывать же на армян как на серьезную военную силу в Закавказье России больше не приходится.

Военные аспекты неудачного для России исхода в Закавказье

Вторая карабахская война развеяла сложившийся по итогам карабахской войны 1991–1994 гг. и удивительно долго державшийся миф о высоких боевых качествах армянской армии и армян как бойцов — миф, в который отчасти уверовали и азербайджанцы. Второго Израиля из Армении в военном отношении не получилось. Разрекламированные армянские системы фортификаций в Нагорном Карабахе оказались откровенно устаревшими, и, глядя ретроспективно, остается удивляться, как мало было в этом отношении сделано армянами за 26 лет. Также армянские вооруженные силы не продемонстрировали эффективной маневренной войны ни на равнинных, ни в горных районах.

Однако главной причиной поражения армянских вооруженных сил стала не их слабость сама по себе, а эффективные действия азербайджано-турецкой стороны. В отличие от всех предшествовавших боестолкновений (в особенности июльской стычки двумя месяцами ранее) военная кампания была проведена азербайджанской стороной весьма грамотно, со вскрытием и задействованием слабых мест армянской обороны.

Важнейшей предпосылкой успеха азербайджано-турецких сил во второй карабахской войне стало установление результативного господства в воздухе, причем достигнуто оно было средствами не пилотируемой, а беспилотной авиации. Впервые беспилотные ударные средства продемонстрировали способность решать задачи оперативного уровня. Таким образом, с узкой военнотехнической точки зрения мы стали свидетелями если не очередного переворота, то по крайней мере очередной протореволюции в военном деле.

Говорить именно об азербайджано-турецких силах здесь наиболее уместно, поскольку, как мы можем судить, наиболее масштабно и эффективно использовавшиеся в конфликте турецкие разведывательно-ударные БЛА Bayraktar TB2 были предоставлены Азербайджану турецкой стороной непосредственно перед конфликтом и управлялись турецкими операторами. Именно турецкая сторона смогла предложить и обеспечить новаторское широкое применение БЛА, с одной стороны, как относительного недорогого способа установления господства в воздухе с целью изоляции района боевых действий, а с другой — как высокоэффективного средства разведки и целеуказания.

Успех широкого применения азербайджано-турецкой стороной во второй карабахской войне разведывательно-ударных беспилотных летательных аппаратов и барражирующих боеприпасов (БЛА-камикадзе) стал широко очевидным, но он логически проистекал из продемонстрированных ранее, в 2019–2020 гг., в первую очередь теми же турецкими БЛА Bayraktar TB2 успешных действий против сил фельдмаршала Халифы Хафтара в Ливии и при отражении наступления сирийской армии в Идлибе. При этом БЛА Bayraktar TB2 в ряде случаев успешно поражали и средства ПВО, включая такие современные, как зенитные ракетно-пушечные комплексы «Панцирь-С1». Но в обоих случаях как минимум одна (а в ливийском случае — обе) из сторон конфликта была представлена субгосударственными акторами, а БЛА действовали почти в полигонных с точки зрения рельефа местности и плотности ПВО противника условиях.

Теперь же, во второй карабахской войне, мы стали свидетелями масштабного задействования БЛА и барражирующих боеприпасов в войне двух регулярных армий и в условиях в том числе горно-лесистой местности. Несмотря на то что армянская сторона имела элементы системы ПВО, включая достаточно современные (зенитные ракетные системы С-300П и «Тор-М2Э»), они не только не смогли эффективно защитить войска, но и сами успешно подавлялись и поражались скоординированными действиями ударных БЛА и барражирующих боеприпасов. Фактически армянские вооруженные силы оказались не способны противостоять системному воздействию беспилотных средств противника. В результате уже к концу второй недели войны азербайджано-турецкие беспилотные средства вели охоту буквально за каждым огневым средством, каждой единицей бронетехники и за каждой группой армянских бойцов. Это привело не только к тяжелейшим потерям армянской стороны, но и к значительной деморализации ее личного состава.

Очевидно, что столь массированное и результативное применение противником беспилотных средств стало полной неожиданностью не только для армянской стороны. Многочисленные видеоролики поражения беспилотными средствами армянской боевой техники и вооружения советских и российских образцов сыграли огромную роль в психологической войне сторон, вдобавок оказавшись мощнейшим рекламным средством для турецких разработчиков ударных БЛА и новых корректируемых РСЗО, а также израильских производителей разведывательных и барражирующих беспилотников.

В техническом отношении вторая карабахская война продемонстрировала дальнейшую эволюцию в сторону перехода к высокоточному управляемому оружию (ВТО) как главному средству поражения в боевых действиях. Очевидно, что ВТО в качестве основного средства поражения доступно и масштабно применено уже государствами третьего мира. В перспективе речь может идти уже о полном отмирании неуправляемого оружия, причем не только авиационного (как это, по сути, уже произошло на Западе), но и наземного

ракетно-артиллерийского. По сути, применение ВТО по соотношению «стоимость — эффективность» и по затратам на требуемый для его применения наряд сил и средств уже стало более экономичным, чем расходование масс неуправляемых боеприпасов. Снижение стоимости ведения военных действий с применением ВТО при дальнейшей их миниатюризации и опять же удешевлении становится вопросом времени, а не технологий.

В результате Азербайджан (а фактически Турция) смог нарядом БЛА в качестве носителей малогабаритных образцов ВТО установить эффективное господство в воздухе в районе боевых действий. Применение пилотируемых боевых самолетов тактической авиации со средствами ВТО теоретически дало бы тот же эффект, но потребовало бы куда больших ресурсов и затрат. В сравнении с пилотируемыми боевыми самолетами БЛА не только дешевле в цене и в эксплуатации, но и представляют собой почти идеальный расходный материал, потери которого политически и оперативно малочувствительны. При этом в силу своих меньших размеров и характеристик БЛА зачастую гораздо более трудноуязвимы перед ПВО, чем пилотируемые боевые самолеты. Барражирующие боеприпасы демонстрируют это еще более наглядно, представляя собой образец недорогого и скрытного ВТО, что и обуславливает их стремительное распространение.

Второй важный элемент распространения беспилотных средств, продемонстрированный во второй карабахской войне, — это совершенный с их помощью прорыв в сфере разведки и целеуказания, в первую очередь на тактическом уровне. Возможность длительного и, по сути, постоянного нахождения БЛА в качестве разведывательного средства над полем боя резко меняет всю картину и темп ведения боевых действий, позволяя уже на уровне современных технологий организовать управление боевыми действиями, целеуказание и нанесение огневого поражения противнику практически в реальном масштабе времени, в том числе и централизованно. Возникающий в итоге синергический эффект позволяет заложить основы для рывка и на оперативном уровне.

Наглядный урок второй карабахской войны высветил дотоле не расценивавшиеся магистральными аспекты и возможности применения связи БЛА — ВТО — целеуказание в современной войне. Очевидными стали проблемы с приоритизацией перспективных направлений развития военной техники, причем определение перспектив в военно-технической сфере является слабым местом не только полагавшихся на традиционные средства малых стран, таких как Армения, но и большинства вполне геополитически тяжеловесных государств. Надеемся, что принимаемые в настоящее время российской стороной меры подтвердят известную поговорку, что «русские медленно запрягают, но быстро едут».

Подытоживая, можно сказать, что главный урок, который должна для себя извлечь Москва из конфликта, происшедшего в Закавказье осенью 2020 г.

Россия как главная проигравшая сторона во второй карабахской войне?

и приведшего к серьезному ущербу для российских военно-политических интересов, заключается в недопущении недооценки противника и пренебрежения к нему, в том числе это в первую очередь касается наших противников в постсоветском пространстве.

Сорок четыре дня второй карабахской

«Железный кулак»

Около шести утра 27 сентября 2020 г. прозвучали первые выстрелы второй карабахской войны. По официальной версии азербайджанской стороны, в ночь на воскресенье армянские войска якобы открыли огонь по всей линии соприкосновения, в результате чего были ранены 14 мирных жителей. Азербайджанская армия немедленно начала антитеррористическую операцию для пресечения обстрелов².

Операция, получившая название «Железный кулак», проводилась одновременно на нескольких территориально разнесенных направлениях. Механизированные группировки поддерживали артиллерия и беспилотные летательные аппараты. Наступление не было похоже на импровизацию либо внезапное эмоциональное решение руководства страны: в 2020 г. трижды проводились совместные учения вооруженных сил Азербайджана и Турции (причем последние в июле — августе)³, дважды инспекции Генштаба ВС Турции проверяли боеготовность азербайджанских войск, а 22 сентября началось открытое изъятие автотранспорта повышенной проходимости у частных владельцев⁴. Впоследствии доказательства того, что конфликт начали именно армянская сторона или силы непризнанной Нагорно-Карабахской Республики, так и не были представлены.

Азербайджанская армия в первые же часы конфликта провела успешную операцию по подавлению ПВО переднего края противника. Сильно устаревшие ЗРК «Оса-АК» и другие средства войсковой противовоздушной обороны оказались беспомощны против новой угрозы — массового применения ударных и разведывательных БЛА, действующих в связке с барражирующими боеприпасами и дальнебойными РСЗО.

По словам секретаря Совета безопасности Нагорного Карабаха Самвела Бабаяна, в первые же минуты конфликта Армия обороны НКР потеряла половину средств ПВО (по данным ЦАСТ, 60 %) и 40 % матчасти артиллерии⁵. Сам Азербайджан опубликовал снятые с беспилотников кадры уничтожения лишь нескольких ЗРК «Оса». Часть заранее разведанных позиций противовоздушной обороны и других военных объектов НКР были поражены огнем дальнебойной артиллерии и ракетных установок во время артподготовки.

Несмотря на то что ПВО первой линии Карабаха была значительно ослаблена, Азербайджан не стал массированно вводить в бой свои вертолеты и самолеты. Сведения об их действиях остаются крайне скудными, как и кадры боевого применения.

В первый же день Азербайджан потерял вертолет Ми-8, выполнявший задачу высадки тактического десанта в горной местности. Известно также, что в боях приняли участие поставленные Россией ударные вертолеты Ми-35М и штурмовики Су-25, модернизированные для применения авиабомб с лазерным наведением. Всего же за 44 дня конфликта азербайджанская пилотируемая авиация выполнила лишь около 600 вылетов⁶, что является достаточно невысоким показателем для боев такого размаха (по данным армянской стороны, 1000 вылетов, 3000 вылетов БЛА, а также 700 — вертолетов и 300 — самолетов ВТА).

На второй день конфликта утром 29 сентября на боевом вылете был потерян Су-25 ВВС Армении, погиб летчик — майор Валерий Данелин (скорее всего, самолет врезался в горный склон при полете на сверхмалых высотах).

В отличие от пилотируемой авиации настоящими звездами второй карабахской войны стали израильские барражирующие боеприпасы Нагор и турецкие разведывательно-ударные беспилотники Bayraktar TB2. В общей сложности в распоряжении Азербайджана насчитывалось до 120 БЛА и свыше 400 барражирующих боеприпасов⁷. В отсутствие у ПВО НКР эффективных средств для борьбы с малоразмерными низкоскоростными целями беспилотники оказались доминирующей силой в воздухе и важнейшим инструментом не только для разведки и корректировки огня, но и непосредственно для уничтожения армянской военной техники. На их действия приходится больше подтвержденных ее потерь, чем на огонь артиллерии или же непосредственно бои наземных войск.

Одним из сюрпризов войны стало использование Азербайджаном с первых же дней самолетов Ан-2. За время боевых действий средства ПВО НКР сбили до десяти единиц этих устаревших бипланов характерной белой раскраски. Ни разу в их обломках не обнаружили пилотов. В то же время в одном из них были найдены авиационные бомбы. По одной из версий, Ан-2 использовались в дистанционно управляемом варианте в роли больших БЛА-камикадзе. По другой — они поднимались в воздух пилотами, которые устанавливали самолет в прямой полет по направлению к территории НКР и покидали его с парашютом. При этом более совершенные беспилотники отслеживали поражение бипланов, вскрывали позиции ПВО НКР и затем наносили по ним удары.

Направления ударов

В первоначальной фазе операции Азербайджан бросил в бой на земле почти все, что имел в своем распоряжении. На разных участках фронта в первые же

дни были замечены как современные Т-90 в сопровождении БМП-3 и БТР-82, так и гораздо более ранние танки Т-72, в том числе без динамической защиты, вместе с безнадежно устаревшими БМП-1.

С самого начала определились два главных направления, по которым атаковала азербайджанская армия, и два вспомогательных. Лобового удара на центральные, наиболее укрепленные районы Нагорного Карабаха и его столицу Степанакерт не последовало (получение после войны карт минных полей Агдамского района подтверждает верность подобного решения)⁸, хотя прорывание армянской обороны проводилось достаточно активно.

На северо-восточном участке границы с Нагорным Карабахом наступление 1-го армейского корпуса началось по ущелью в направлении поселка Талыш и райцентра Мардакерт. Но в условиях горной местности оно не увенчалось серьезными успехами. При попытке прорыва линии обороны НКР азербайджанские войска потеряли несколько единиц БМП, БТР и танков⁹.

Ключевым и наиболее перспективным направлением стало южное. Здесь азербайджанскому 2-му армейскому корпусу предстояло прорвать линию обороны в Горадизском коридоре — узком, почти равнинном участке плодородной долины шириной 4–5 км между пограничной с Ираном рекой Аракс и предгорьями НКР.

Преодоление этого хорошо укрепленного оборонительного района НКР предоставляло возможность продвижения дальше по Геянской степи вдоль реки. Только этот участок фронта давал возможность эффективно задействовать бронетехнику. Поэтому здесь сосредоточили лучшие тяжелые части 4-го армейского корпуса (штаб в Баку) из внутренних районов страны, оснащенные Т-90, БМП-3, БТР-82 и современными колесными бронемашинами класса MRAP (Matador, Marauder, др.).

Параллельно вспомогательный удар на юге наносился на город Физули. Его взятие могло разблокировать дорогу для наступления в глубь горной территории центральных районов НКР.

Именно в операциях на юге использовали основные силы сирийских наемников, которых азербайджанское командование задействовало в роли пушечного мяса в первой линии наступления¹⁰. Сюда же нацелили помимо беспилотников и немногочисленные вылеты ударной авиации Азербайджана. Самолеты Су-25 с лазерными и неуправляемыми бомбами атаковали цели в районе городов Джебраил и Физули¹¹.

4 октября при вылете под Джебраилом огнем мобильного армянского ЗРК один из штурмовиков Су-25 был сбит, погиб полковник Заур Нудиралиев¹². Потеря заставила Баку на две недели сократить применение пилотируемой авиации в боях, что дополнительно повысило роль беспилотной.

Еще одним вспомогательным направлением стало северное. Там азербайджанское командование попробовало силами частей специального назначения

и подразделений 3-го корпуса овладеть позициями на высокогорном хребте Муровдаг. В случае успеха оказалась бы перерезанной дорога Варденис — Сотк — Степанакерт — одна из всего двух трасс, связывающих Армению и НКР. Бои за хребет и перевалы на нем остались вялотекущими и до самого конца конфликта не увенчались продвижением азербайджанских войск. Тем не менее гражданский трафик по трассе несколько раз приходилось перекрывать из-за ее обстрелов. По некоторым данным, попытки наступления здесь обошлись Азербайджану в несколько сотен человек ранеными и убитыми из-за попадания пехоты в засады в покрытых растительностью горах.

Прорыв фронта

За первые дни боев потеснить оборону НКР удалось только на южном участке фронта, в районе Горадизского коридора. Но и там быстрого успеха у Азербайджана не вышло из-за необходимости прокладывать проходы через минные поля. Несмотря на оборудование танков минными тралами и использование систем дистанционного разминирования, с ходу этого сделать не удалось. Терявшие темп штурмовые группы попадали под огонь ПТРК с укрепленных линии обороны и удары армянской артиллерии из тыла. На юге армянским силам удалось даже захватить два танка Т-90¹³.

На других направлениях результаты оказались еще хуже. Так, только в районе села Мадагиз Азербайджан потерял около 15 единиц бронетехники¹⁴. Общие потери по всему фронту были еще значительнее.

Ситуация начала меняться на пятый-шестой день боев: начали сказываться результаты азербайджанских ударов по ПВО и артиллерии НКР, но главное — одномоментно и повсеместно подскочил качественный уровень управления пехотными подразделениями. Быстрота и согласованность их действий в связке с самого начала находившимися под фактическим управлением турецких советников и инструкторов авиацией и артиллерией ВС Азербайджана подтверждает передачу под непосредственное командование турок и сухопутной составляющей. Результат не замедлил проявиться.

2–3 октября Азербайджану удалось взять Талыш и Мадагиз и продвинуться на несколько километров на северо-восточном направлении (хотя затем фронт там стабилизировался до конца конфликта).

Главными предвестниками будущих побед Азербайджана стали первые, ограниченные успехи на танкодоступном южном участке. Восстановить там утраченные позиции армянским силам так и не удалось, в том числе и из-за господства пилотируемой и беспилотной авиации противника в воздухе, препятствовавшего переброске и сосредоточению войск.

3–4 октября Азербайджану удалось продавить оборону противника в Горадизском коридоре и занять село Беюк Марджанлы¹⁵. Теперь наступление вдоль

Аракса становилось несравненно более легкой задачей: занятых войсками оборонительных позиций дальше уже не было. Вместо укрепленного района шириной несколько километров у группировки НКР оказался обнаженный фланг протяженностью в десятки километров, удерживать который теперь было гораздо сложнее.

Армия обороны НКР попыталась собрать крупную бронегруппу из танков и БМП и контратаковать силами двух бригад на южном направлении. Им следовало отрезать наступающую группировку Азербайджана в долине Аракса от тылов. Но при господстве противника в воздухе и его гораздо лучшей ситуационной осведомленности последняя серьезная контратака армянской стороны оказалась сорванной, еще не начавшись. Днем 8 октября Минобороны Азербайджана продемонстрировало видео точного поражения колонны бронетехники армянских войск при помощи реактивных установок залпового огня. На следующий день появились дополнительные видеозаписи ударов по этой колонне уже беспилотниками.

С первых же дней войны конфликт не ограничился передовой. Азербайджан подверг воздушным и артиллерийским ударам столицу НКР Степанакерт, районные центры Мартуни, Мардакерт и Шушу¹⁶. Одним из первых прицельных ударов по ключевым тыловым объектам стал обстрел Азербайджаном стратегически важного моста в Лачинском коридоре утром 2 октября. Его уничтожение прервало бы движение по одной из двух трасс, соединяющих Армению и Нагорный Карабах, и резко осложнило бы военную и гуманитарную обстановку в НКР. Для удара была использована баллистическая ракета LORA израильского производства, продемонстрировавшая прекрасную точность, поразив малоразмерный объект с расстояния не менее сотни километров. Но, пробив полотно моста, боеприпас взорвался под ним, и одна из двух полос осталась пригодной для движения транспорта. Удары РСЗО «Смерч» наносились и по северной трассе Сотк — Мардакерт. Однако, затруднив переброску подкреплений и снабжения и сделав оборону непризнанной республики еще более сложной задачей, Азербайджан не стал доводить начатое дело до конца и в дальнейшем не предпринимал попыток полностью отрезать НКР от Армении. Стоит также отметить исчерпывающую осведомленность азербайджанской стороны об обстановке в Армении и НКР. В масштабе реального времени общую картину предоставлял действовавший вдоль турецко-армянской границы самолет дальнего радиолокационного обнаружения и управления ВВС Турции E7-T, а с восточного направления обстановку непосредственно над районом боевых действий отслеживали оснащенные контейнерами с разведаппаратурой турецкие F-16.

Удары по тылам противника стала наносить и армянская сторона. Утром 4 октября власти НКР объявили о намерении атаковать военные цели в глубине территории Азербайджана. В тот же день они заявили об уничтожении

аэродрома в городе Гянджа в 60 км от линии фронта¹⁷. На самом деле ракета попала по жилому району города. В последующие дни баллистические ракеты еще дважды падали на Гянджу, убив более 30 ее жителей. Подтверждений того, что удалось нанести какой-то ущерб военным объектам, нет. Обмен обстрелами из ОТРК и дальнебойных РСЗО стал рутинной.

ВС Армении активно поддерживали НКР огнем своей дальнебойной артиллерии и баллистических ракет, но старались делать это не со своей территории. Так, установки 300-мм РСЗО «Смерч» вели огонь из одного и того же района в долине реки Хачинчай, к западу от села Алиагалы. Там они находились до последних дней войны, где часть и была уничтожена ударами БЛА противника¹⁸.

Несмотря на очевидность решительных намерений Азербайджана, Армения замешкалась с ответной военной реакцией. В первый день конфликта был запрещен выезд из страны мужчин от 18 до 55 лет¹⁹. Но всеобщая мобилизация так и не была объявлена, как и не было принято решение открыто ввести в Нагорный Карабах крупные силы армянской регулярной армии. Первоначально руководство страны попыталось обойтись полумерами, видимо в надежде, что основную тяжесть боев вынесут на себе силы НКР.

Сам Нагорный Карабах быстро мобилизовал 90% из 8000 резерва первой очереди. Армения предоставила еще до 7000 человек, не всегда хорошо экипированных²⁰. Такое скромное пополнение не меняло ситуацию принципиально и не особо увеличивало оборонительные возможности НКР.

Трудно установить, какое количество добровольцев дополнительно прибыло в зону конфликта неорганизованно, как из Армении, так и из зарубежной армянской диаспоры. Они поступали поодиночке или мелкими группами, имели самый разный уровень подготовки и плохо учитывались. Такое усиление также было не слишком эффективно.

Пока не раскрыта система принятия военных решений и управления в целом группировкой НКР и Армении во время конфликта. В любом случае, по большинству оценок, как качество принимаемых высшим руководством решений, так и их взаимодействие было организовано не на надлежащем уровне, как и взаимодействие штабов разных уровней²¹.

Первой серьезной попыткой остановить конфликт стали переговоры глав МИД Армении, Азербайджана и России 7 октября в Москве. Они продолжались с семи часов вечера до глубокой ночи. По итогам стороны договорились о гуманитарном перемирии с полудня 8 октября. При этом обмен ударами так и не затих. Утром 8 октября, за два часа до вступления в силу перемирия, азербайджанские БЛА-камикадзе уничтожили две радиолокационные станции СТ-68 и пусковую установку 5П58С ЗРС С-300ПС на территории поселка Кахнут непосредственно на территории Армении²². Понятно, что в такой обстановке настоящего прекращения огня добиться не удалось. Стороны уже днем обвинили друг друга в его срыве, и боевые действия продолжились²³.

Наиболее ожесточенные бои к этому времени шли в направлении Гадрут — Джебраил на южном фронте. Здесь азербайджанская группировка продолжала продвигаться вдоль Аракса и начала проверять на прочность спешно организованную оборону НКР в предгорьях вдоль дорог, ведущих в эти населенные пункты.

Бои за предгорья

Командование Азербайджана безошибочно определило наиболее перспективное направление для дальнейшего удара и стало дополнительно усиливать группировку на южном направлении. Но чтобы развить успех в предгорьях, а затем в горах, требовался не бронированный кулак, а легкая пехота.

10 октября из состава Отдельной общевойсковой армии Нахичевани самолетами перебросили часть бригады специального назначения. В первый день в зону боев на юге прибыли два батальона общей численностью около 300 человек, затем еще два. С 12 октября бригаду в полном составе ввели в дело из захваченного к тому времени Гадрута — важного узла дорог. Вообще с обозначившимся успехом на южном направлении туда стали перебрасываться подразделения как специального назначения (внутренних войск МВД, Госпогранслужбы и др.), так и общевойсковые с других, менее перспективных направлений. Крайне эффективной оказалась турецкая новинка с посменным введением подразделений в бой: после суток боевых действий подразделение отводилось в непосредственный тыл на двухсуточный отдых. Это было куда эффективнее уставшего двух-трехдневного роздыха после двух недель боев армянских сил, не успевавших полноценно восстанавливать боеспособность.

Двенадцать азербайджанских отрядов специального назначения начали оттуда наступление в сторону Шуши, еще столько же по дороге на райцентр Физули. Они занимали стратегические высоты и поселки, а за ними двигались две мотострелковые бригады, обеспечивающие фланги и консолидирующие контроль территории²⁴. Именно успехи в этих двух наступлениях определили весь дальнейший ход событий.

На 14–15 октября основные боевые действия развернулись вокруг Физули. Ранее фронтальное наступление на него провалилось. Теперь азербайджанские войска вышли к нему с тыла. Им удалось отрезать часть оборонявшихся на подступах к городу²⁵. Отступавшие по направлению к нему остатки армянских подразделений попадали в огневые засады спецназа, несли потери и частично сдавались в плен. 17 октября президент Азербайджана Алиев заявил об установлении полного контроля над этим населенным пунктом. Событие имело важное символическое значение, так как до первой карабахской войны он был районным центром Азербайджана.

Сразу же после этого успеха азербайджанский спецназ планировали перенацелить на новую стратегическую задачу. Ему предстояло пройти 40 км

по горам от Джебраила до Лачина, взять Лачинский хребет и перекрыть одну из двух дорог, ведущую из Армении в НКР, — Лачинский коридор²⁶. Но команда на эту авантюрную атаку так и не была дана.

Кроме боев на земле не стихала активность азербайджанских БЛА в воздухе. С уменьшением количества бронетехники противника на передовой они переключились на действия против артиллерийских позиций и скоплений пехоты. Устроили они и настоящую охоту за грузовиками на узких горных дорогах, парализуя снабжение и доставку подкреплений. В итоге подсчитанные потери автотехники НКР и Армении оцениваются более чем в 600 единиц²⁷.

В ночь на 17 октября стороны вновь обменялись ударами тяжелых ракет по городам. В азербайджанскую Гянджу попала по крайней мере одна ракета ОТРК «Эльбрус», вызвавшая значительные разрушения в малоэтажной застройке. Генпрокуратура Азербайджана заявила о гибели 14 мирных жителей. Через считанные часы в карабахском Степанакерте был полностью разрушен двухэтажный жилой дом после попадания неидентифицированного азербайджанского боеприпаса.

Неясно, что было целью подобных ударов. Нет надежных подтверждений, что армянским баллистическим ракетам удалось достигнуть сколь-либо заметных успехов в поражении военных или экономических целей противника, но попытки этого определенно были. 18 октября Азербайджан заявил о падении ракет в 250 м от стратегически важного нефтепровода Баку — Новороссийск к северо-западу от столицы страны. Туда могли дотянуться только дальнобойные «Эльбрусы» Армении. 22 октября официальный Баку сообщил также о попытке удара по водопроводу Огуз — Габала — Баку, обеспечивающему питьевой водой Апшеронский полуостров. Были предъявлены лежавшие неподалеку обломки²⁸.

Для противоракетной обороны Азербайджан активно применял свои системы ПВО российского производства. Минобороны заявило о нескольких успешных перехватах армянских баллистических ракет системами С-300ПМУ-2. Есть видеозаписи применения также вполне современных ЗРК «Бук-М2». Но надежных подтверждений этих успехов нет.

Начавшееся с утра 18 октября очередное гуманитарное перемирие вновь не принесло результата. Стороны придерживались его только на словах. Продвижение азербайджанских войск продолжилось, как и обстрелы со стороны Армении территории противника.

20 октября армия Азербайджана, наступая на южном направлении вдоль реки Аракс, прошла через контролируемые НКР территории и вышла к границе собственно Армении. При продолжении наступления это создавало угрозу пробития коридора до Нахичеванской Автономной Республики. Но азербайджанские войска не стали переходить границу, занявшись зачисткой предгорий НКР и долины реки. Еще через два дня, 22 октября президент Алиев заявил о полном

взятии под контроль всей границы с Ираном, что стало очередным крупным и зримым успехом операции «Железный кулак».

Продолжающееся разрастание масштабов конфликта вызвало новую попытку примирить противников, теперь при лидерстве США. 23 октября президент Армении Саркисян был принят в Елисейском дворце президентом Франции Макроном. Двумя днями позднее главы МИД Армении и Азербайджана поочередно встретились с госсекретарем США Помпео. По итогам Дональд Трамп сделал заявление о хорошем прогрессе к договору о прекращении огня²⁹. Начало нового гуманитарного перемирия назначили на 7 часов утра 26 октября.

В первые же часы нового перемирия стороны начали обвинять друг друга в его нарушении. Днем 26 октября появились сообщения о продолжении серьезных боев на юго-востоке НКР, в районе основного наступления азербайджанской армии. К вечеру бои активизировались уже по всему фронту, и организованное при посредничестве США прекращение огня полностью сорвалось.

Уже в первые дни после неудачного перемирия стороны вновь активизировали обмен ракетными ударами по городам. Около полудня 29 октября от атаки «Смерчами» в кассетном снаряжении в азербайджанском городе Барда погиб 21 и было ранено более 70 мирных жителей³⁰. Это стало крупнейшей одновременной потерей нонкомбатантов за все время войны. Продолжались и запуски оперативно-тактических ракет. Всего, по данным Азербайджана, с начала войны по его территории было выпущено 13 ракет «Эльбрус» и одна «Точка-У».

Президент Алиев пообещал отомстить за удар по Барде. В то же день и в следующие сутки авиаудар был нанесен по Степанакерту, ракетные — по Степанакерту, Шуше и Мардакерту. БЛА возобновили охоту за пусковыми установками дальнобойных систем залпового огня Армении.

30 октября после непродолжительной охоты при помощи БЛА Bayraktar азербайджанскому командованию удалось обнаружить и затем поразить по крайней мере две РСЗО «Смерч» в Кельбаджарском районе³¹. Они не менее 20 дней действовали с позиций у села Алиагалы. Этот успех позволил парализовать один из немногих оставшихся у Еревана инструментов дальней огневой поддержки, способный маневрировать огнем по всему району боевых действий.

Завершение в 20-х числах октября зачистки мотострелками и спецназом долины Аракса и предгорий на южном направлении позволило азербайджанцам начать оттуда мощное наступление в глубь горных районов, в самый центр Нагорного Карабаха — на его столицу Степанакерт. Операция развернулась вдоль дороги, ведущей от Гадрута на Физули, Лачин и Шушу. При этом продвижение в других горных районах на севере и северо-востоке оставалось крайне незначительным, хотя силы Армении и НКР и там постепенно подтачивались непрерывными ударами БЛА, авиации и артиллерии.

Наступление по горным дорогам стало бы тяжелым испытанием для механизированных частей, которые обеспечили ранее успех в долине Аракса. Поэтому основную роль на новом направлении вновь стала играть легкая пехота. Части специального назначения Азербайджана по горно-лесистой местности смогли успешно просочиться в обход узлов обороны НКР даже при том, что им не всегда могла помочь авиация, так как в эти дни ухудшилась погода.

Уже 29 октября власти Нагорного Карабаха были вынуждены признать, что тяжелые бои идут непосредственно на подступах к Шуше, в 5 км от нее, за села Аветараноц, Схнах и Акнахбюр³². Удар по Шуше не только угрожал столице НКР городу Степанакерту, но и должен был перерезать главную к тому времени артерию снабжения непризнанной республики из Армении — дорогу Горис — Лачин — Шуша — Степанакерт и так называемый Лачинский коридор. Было понятно, что в случае успеха там Азербайджана война для Армении будет проиграна.

Военное поражение

К началу ноября Азербайджан полностью владел стратегической инициативой. Президент Алиев 1 ноября заявил, что его войскам удалось освободить уже около 200 населенных пунктов, ранее принадлежавших его стране³³. В то же время он отметил, что в планах нет проведения военных операций на территории самой Армении. Оборона НКР и армянских войск распалась на несколько несвязанных участков в горах, подвоз подкреплений и снабжения к которым был затруднен или вовсе невозможен. Вся граница НКР с Ираном, долина Аракса и предгорья на юге были потеряны.

Даже в таких условиях с начала боевых действий неизменными остались позиции армян на центральном направлении от Мардакерта и южнее Агдама. Прорвать оборону НКР и Армении на горных участках на севере и северо-востоке фронта также не удалось. Несмотря на взятие поселков Талыш и Мадагиз, продвинуться у азербайджанской группировки дальше на райцентр Мардакерт не получилось. Не переломило ситуацию даже введение в бой здесь штурмовиков Су-25 Азербайджана, оснащенных авиабомбами с лазерным наведением. Но и на этих направлениях армянские силы были измотаны постоянными ударами дронов и понесли серьезные потери в технике и людях. Ежедневно минообороны отчитывалось о гибели свыше 50 военнослужащих.

Несмотря на успехи Азербайджана под райцентром Мартуни, полностью взять под контроль прямую дорогу, ведущую к Степанакерту, не получилось. Продвижение было остановлено на горной оборонительной позиции НКР. Основным успех азербайджанской армии был достигнут при ударе со стороны долины Аракса по гораздо менее укрепленной объездной 30-километровой дороге, ведущей из Гадрута к Шуше.

Несмотря на ставшее очевидным полное военное преимущество, продвижение по горным ущельям Азербайджану по-прежнему давалось непросто. Так, 2 или 3 ноября попала в засаду и была разгромлена бронегруппа, наступавшая на второстепенном направлении на Лачин, чтобы перерезать Лачинский коридор. Фото- и видеоматериалы подтвердили уничтожение тут одного танка Т-72, четырех БМП-2 и пяти броневедомостей³⁴.

С 5 ноября развернулись ожесточенные бои непосредственно за Шушу. Азербайджан задействовал практически все силы спецназа силовых структур и легкую пехоту. Поскольку артиллерия еще не была подтянута к месту боев и не могла эффективно поддерживать их огнем, удары наносились дальнебойными РСЗО и БЛА. Состояние противника к тому времени было таково, что противостоять даже пехоте с легкими минометами и современными ПТРК армяне под Степанакертом уже были не способны.

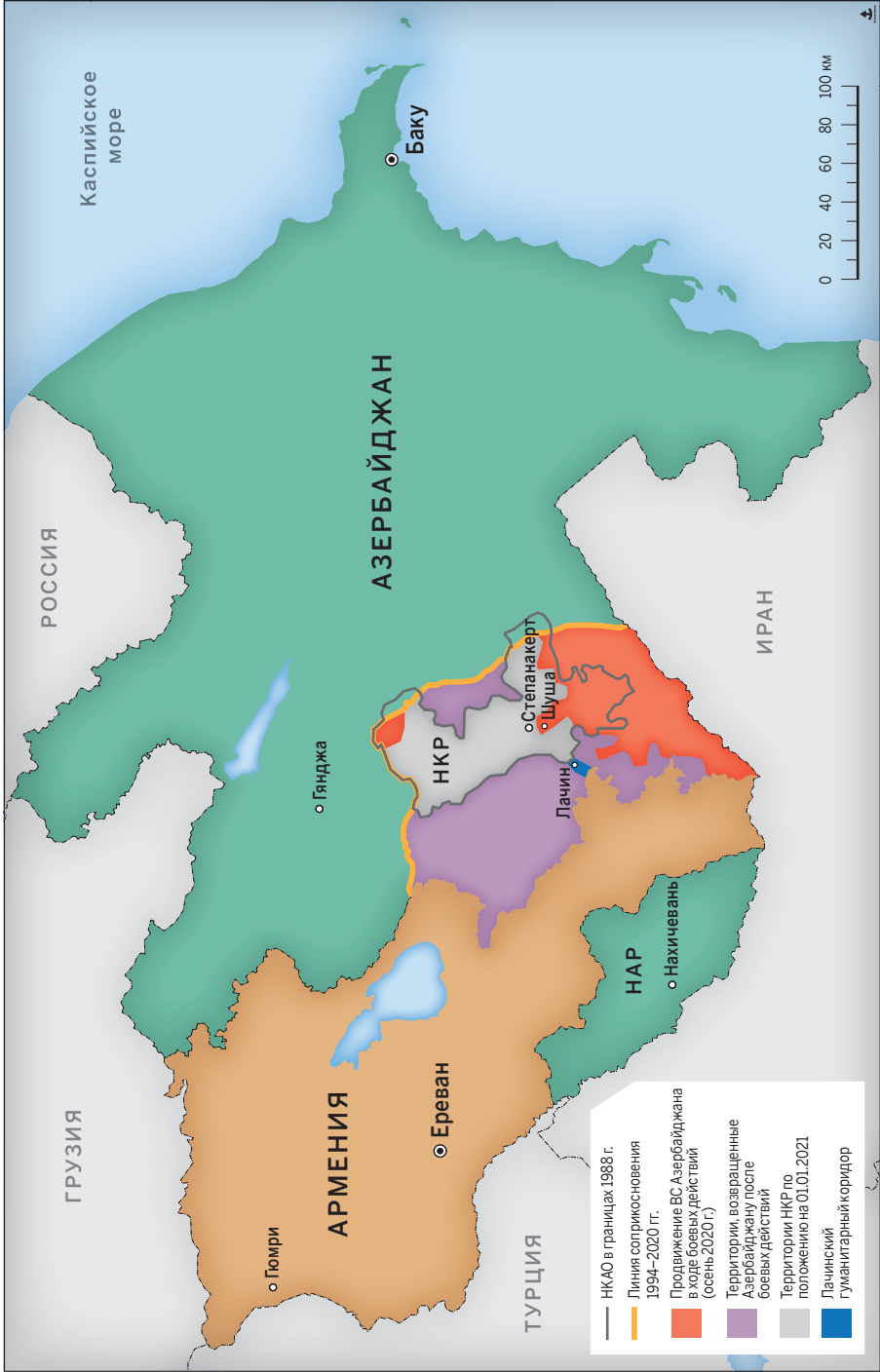
Примечательно, что перед лицом очевидной угрозы армянская сторона не попыталась перебросить для защиты ключевого населенного пункта НКР два-три батальона и предотвратить падение Шуши. Взамен заградительный огонь вели собранные под Степанакертом остатки артиллерии, включая самоходные 122-мм САУ 2С1 «Гвоздика», пытавшиеся перекрыть Адское ущелье на дороге Гадрут — Шуша³⁵. Через него прорывались бронемашины Азербайджана, подвизавшие боеприпасы и снабжение для групп пехоты, штурмующих город.

В боях за Шушу армяне применили даже ТОС-1А «Буратино» из района Степанакерта³⁶. Азербайджан сообщил о пуске по окраинам города не менее двух баллистических ракет в кассетном снаряжении. Их обломки были обнаружены на окраине Шуши³⁷. О каких-то военных результатах этих ударов неизвестно. Маловероятно, что в условиях развала фронта армянской стороне удалось собрать надежную развединформацию для целеуказания этим комплексам по мобильной группировке спецназа Азербайджана, штурмующей город.

К 7 ноября Шуша оказалась под полным контролем азербайджанских войск, попытки контрударов сводных армянских отрядов провалились. Финальным аккордом сражения стал разгром одной из таких колонн на дороге Шуша — Лачин. Собранная наспех группа пехоты и полиции пыталась прорваться к городу и деблокировать остатки его гарнизона, в качестве транспорта задействовав даже несколько броневедомостей инкассации. Группа попала на горной дороге в засаду азербайджанского спецназа и была расстреляна в упор. Видеокадры с телами многих десятков военных в армянской форме стали мощным психологическим ударом и символом военного поражения. Всего в районе Шуши погибло несколько сотен армянских военных³⁸.

Взятие находившейся на возвышенности Шуши делало невозможной оборону расположенного в низине Степанакерта. Для этого у НКР не было уже ни людей, ни боеприпасов. Успешно защитить столицу под ударами артиллерии, беспилотников и авиации не представлялось возможным.

Трансформация территории Нагорного Карабаха в 1988–2020 гг.

Кроме того, захват узла дорог под Шушей отрезал от снабжения несколько крупных группировок сил НКР и Армении в горах, а также перекрыл им пути для отступления. Как позднее заявил премьер-министр Пашинян, всего под угрозой окружения оказались 25 тыс. военных³⁹.

К концу 9 ноября усилиями российской дипломатии удалось экстренно согласовать текст совместного заявления лидеров сторон о прекращении огня с 00:00 часов 10 ноября, фактической капитуляции НКР и вводе в зону конфликта миротворцев России. Лишь это соглашение действительно положило конец боевым действиям.

Итоги и выводы

Стартовавшие в Москве 10 ноября очные переговоры глав МИД Армении, Азербайджана и России шли на фоне чрезвычайно неблагоприятной для Армении и НКР обстановки на фронтах. За несколько предыдущих дней военное поражение под Шушей переросло в развал. Управление военными группировками там было окончательно потеряно, отступление превратилось в бегство. Об этом ярко свидетельствует как количество взятой Азербайджаном трофейной техники, исчисляемое сотнями единиц, так и около 1600 тел погибших, оставленных армянами на поле боя⁴⁰. Только в Шуше, по данным армянской стороны, осталось более 300 тел погибших, которые удалось вывезти лишь спустя неделю⁴¹.

Нависшая угроза потери Степанакерта и потери еще тысяч военных стала мощным побудительным фактором для быстрого согласия Армении на перемирие и фактическую капитуляцию с крупными территориальными уступками. Ереван согласился передать своему противнику семь районов, включая те, которые еще не были под контролем азербайджанских войск. Согласовано было также установление транспортной связи между основной территорией Азербайджана и его эксклавом — Нахичеванской Автономной Республикой⁴².

Азербайджан не потребовал полной и окончательной капитуляции с установкой контроля над всей территорией НКР. По всей видимости, это было связано не только с политическими соображениями, но и с высокой ценой победы. Частично истощены были запасы беспилотников и боеприпасов.

Данные о потерях военнослужащих Азербайджана были объявлены лишь через месяц после окончания войны и оказались неожиданно серьезными. На июнь 2021 г. в официальном списке значилось 2900 погибших и 14 пропавших без вести⁴³, однако кратно большие потери показывает сравнительное изучение спутниковых снимков кладбищ Азербайджана до и после начала войны. По всей видимости, большинство из них пришлось на первоначальный период и безуспешные попытки штурмовать подготовленную оборону в горных районах. В объявленное число не вошли погибшие сирийские наемники. Точное количество их неизвестно, но оценивается в 200–500 человек.

Армения признала гибель 3705 своих военнослужащих, пропажу без вести более 260 и нахождение в плену еще нескольких десятков⁴⁴. Скорее всего, в это число не вошли ополченцы, прибывшие самостоятельно из зарубежной диаспоры. Но вряд ли их количество сколь-либо повлияло на общий итог.

Все существующие оценки потерь боевой техники на основании фото- и видеоматериалов демонстрируют, что у НКР и Армении они оказались гораздо более тяжелыми, чем у Азербайджана. Но необходимо учитывать, что такие оценки заведомо неполны. Армяне практически не располагали средствами документирования результатов своих ударов по тылам противника, включая артиллерийские позиции, аэродромы и районы расположения ЗРК, а также в местах, откуда им пришлось отступить.

На переговорах в Москве стороны согласились на пятилетнее присутствие в зоне конфликта российского миротворческого контингента в количестве 1960 военнослужащих со стрелковым оружием, 90 бронетранспортеров, 380 единиц автомобильной и специальной техники с возможностью продления на последующие пятилетние периоды⁴⁵.

Таблица 1.

**Подтвержденные потери боевой техники сторон
(уничтоженной и захваченной)⁴⁶**

	Армения	Азербайджан
Танки	250	55
Легкая бронетехника	155	90
Буксируемая артиллерия	231	н/д
Самоходная артиллерия	29	н/д
РСЗО	78	2
ЗРК	36	н/д
БЛА	5	37

Источник: посчитано по *The Fight For Nagorno-Karabakh: Documenting Losses On The Sides Of Armenia And Azerbaijan*, <https://www.oryxspioenkop.com/2020/09/the-fight-for-nagorno-karabakh.html>.

Еще до официального оглашения результатов переговоров в Москве, 9 ноября началось разворачивание российских военных в зоне конфликта для разъединения сторон. Первыми пришли в движение колонны из состава российской 102-й военной базы в Армении. При их сопровождении был потерян вертолет Ми-24, который, по утверждению азербайджанской стороны, был принят за армянский и был сбит зенитной ракетой с территории Нахичеванской Автономной Республики Азербайджана. Погибли командир экипажа майор Юрий Ищук и старший лейтенант Роман Федин. Штурман получил ранения⁴⁷. Инцидент не воспрепятствовал выполнению мирных соглашений.

Уже 10 ноября, в день подписания мирного соглашения в Армению, начали прибывать самолеты военно-транспортной авиации России с солдатами и техникой 15-й отдельной мотострелковой бригады (миротворческой). При их участии удалось успешно разделить враждующие стороны и заморозить конфликт по крайней мере на несколько месяцев.

По итогам войны Азербайджан радикально увеличил свое военное превосходство над противником. Страна получила ценнейший практический опыт стратегической общевойсковой наступательной операции. Армения и НКР лишились сотен единиц тяжелой техники, восполнить которые они уже не в состоянии. Утратили они и создававшиеся десятилетиями оборонительные линии и минные поля, а также так называемую буферную зону из оккупированных ранее азербайджанских районов.

Не заверченный полностью вопрос с территорией всего Нагорного Карабаха может побудить руководство Азербайджана к окончательному его решению военным путем уже в ближайшие годы. В сложившихся новых условиях нельзя гарантировать, что хорошо организованная двусторонняя демаркация границ и создание в регионе транспортных коридоров, которые были оговорены в мирных соглашениях, окажутся способны исключить возможность начала третьей карабахской войны. Ведь именно исполнение этих пунктов перемирия вызвало наибольшие сложности в послевоенные месяцы и до сих пор остается под вопросом.

Исход на суше, определенный в воздухе

Карабахская война 2020 г. преподавала ряд уроков, и, если потребуется назвать лишь один из них, важнейший, так это то, что даже у самых стойких сухопутных войск в обороне мало надежд на успех в условиях, когда у противника развязаны руки в воздухе.

Этот урок совершенно очевиден во многих отношениях: бо́льшая часть военной мысли как Запада, так и Востока времен холодной войны и последующих лет была направлена на наиболее действенные способы установления превосходства в воздухе или же, наоборот, его предотвращения. В случае карабахского конфликта невозможно провести надлежащий анализ наземных боевых действий без учета фактора доминирования Азербайджана в воздухе. Таким образом, данное рассмотрение войны на земле в основном обусловлено рамками вопросов противовоздушной обороны.

Во многих послевоенных исследованиях карабахского конфликта внимание аналитиков фокусировалось на технологии беспилотных летательных аппаратов и барражирующих боеприпасов как важнейшем определяющем компоненте в нарративе победы Азербайджана. Это привело к распространению чрезмерно упрощенного представления о БЛА и барражирующих боеприпасах, которым фактически приписывалась победа азербайджанской стороны. Хотя, несомненно, эти системы и возымели решающее значение в выполнении отведенных им задач, они не представляли революционной новой угрозы — аналогичные результаты могли быть достигнуты силами больших и современных пилотируемых ВВС, хотя и не столь низкой ценой. Именно этому последнему пункту при планировании будущих конфликтов следует уделять наибольшее внимание, поскольку технологии БЛА обладают огромным потенциалом к распространению в современном мире — потенциалом, который только начинает проявляться.

В прошлом создание условий превосходства в воздухе требовало значительных капиталовложений и эксплуатационных затрат на закупку и поддержание в боеготовом состоянии истребителей, штурмовиков, бомбардировщиков, самолетов-разведчиков (часто и вертолетов), которым также требовались хорошо подготовленные летчики, обучение которых обходится дорого. Однако с развитием беспилотной авиации резко понизился экономический порог для

обретения возможностей, предоставляемых воздушными разведывательными средствами и высокоточными ударными комплексами. Азербайджан наглядно продемонстрировал, что современные точные, относительно дешевые одно-разовые, но эффективные и высокоточные ударные и разведывательные системы в настоящее время доступны странам с умеренно развитой экономикой и могут быть использованы крайне действенно, когда у противника нет адекватных ответов на этот вызов. Подобное развитие событий более не позволяет военным пренебрегать областью противовоздушной обороны. Отсутствие прогресса у Армении в этой сфере — тогда как ее военный соперник большую часть десятилетия закупал современные беспилотные системы — было чрезвычайно дорогостоящей стратегической ошибкой.

После второй карабахской войны многие задавались вопросом, почему наличествовавших средств ПВО Армении оказалось недостаточно для отражения угрозы азербайджанских беспилотников и барражирующих боеприпасов. Вкратце, ответ на этот вопрос имеет две основные составляющие. Первая заключается в том, что подавляющее большинство средств ПВО Армении были недостаточно современными, чтобы справиться с угрозой. Во-вторых, беспечность, недостаточная подготовленность и отсутствие координации армянских сил сделали средства ПВО относительно легкоуязвимыми для примененных азербайджанской стороной тактических приемов; в результате у армян в строю осталось боеготовых зенитных ракетных комплексов гораздо меньше, чем требовалось для прикрытия сложной для организации противовоздушной обороны местности в ходе остальной части войны. Иначе говоря, во время войны Азербайджан оказался способен поддерживать свое преимущество в воздухе, чтобы влиять на наземные бои, используя воздушные удары для уничтожения ключевых целей, усугубляя проблемы низкого морального духа и нехватки снабжения среди армянских войск, что лишило армянскую сторону возможности организации эффективного противодействия.

Царство ржавчины

Пожалуй, самым очевидным из двух вышеупомянутых является фактор современности: многие системы ПВО Армении, за исключением «Тор-М2КМ», были разработаны для предшествовавшей эпохи, когда БЛА еще не были явлением столь обычным, и оптимизированы для борьбы с более распространенными угрозами своего времени — истребителями, штурмовиками, бомбардировщиками и вертолетами. Список включает ЗРК большой дальности С-300ПТ-1А и С-300ПС, средней дальности — С-125М1, «Круг», «Куб»/«Квадрат» и малой дальности — «Стрела-10М», «Оса-АК/АКМ» и «Тор-М2КМ», подкрепленные ПЗРК «Стрела-2М», «Игла» и «Верба»; ствольная артиллерия представлена самоходной зенитной установкой ЗУ-23-4 «Шилка», буксируемые АЗП-57 и ЗУ-23-2⁴⁸.

Хотя список и кажется довольно длинным, следует помнить, что большинство указанных систем родом из 1960-х или 1970-х гг., которые предназначены для реалий середины — конца холодной войны, как правило, используют старые РЛС обнаружения и сопровождения больших, скоростных целей, а не разработанных в течение последнего десятилетия современных тихоходных беспилотных летательных аппаратов. Задача серьезно усложняется значительными качественными различиями между самолетами времен холодной войны и современными БЛА. Например, современные БЛА, как правило, имеют гораздо меньшую эффективную площадь рассеяния, чем их пилотируемые аналоги, как из-за меньших габаритов, так и из-за более интенсивного использования радиопрозрачных пластмасс, стекловолокна или композитных материалов, сопровождающегося сокращением доли отражающих сигнал РЛС металлических компонентов, используемых в конструкции пилотируемых летательных аппаратов. Это снижает дистанцию их гарантированного обнаружения и отслеживания, тем самым уменьшая эффективную дальность наведения и поражения со стороны ЗРК, что, в свою очередь, сужает площадь прикрываемой последними территории. Это также означает большую вероятность, что, прежде чем быть обнаруженными, БЛА уже войдут в зону досягаемости носимых ими вооружений, тем самым угрожая непосредственно расчетам ПВО. Кроме того, низкоскоростные БЛА будут генерировать меньший доплеровский сдвиг, чем, например, реактивные истребители, и вполне вероятно, что многие старые радары либо были недостаточно чувствительны для обнаружения тихоходных целей, либо просто никогда не настраивались для обнаружения целей с низкой радиолокационной сигнатурой. Следует также учитывать фактор износа: старые системы (в зависимости от уровня обслуживания пользователем) могут содержать неисправные электронные или механические составные, что снижает их надежность в целом.

Несмотря на эти проблемы, некоторым старым системам, таким как «Оса-АК/АКМ»⁴⁹, в ходе войны удавалось достичь определенных успехов, но в основном такие случаи были, по-видимому, относительно редкими и чаще всего эти ЗРК поражались БЛА⁵⁰, которые должны были сбивать⁵¹. Учитывая сложность задачи, результат не является неожиданным, однако подобные проблемы следовало предвидеть и решить за много лет до начала боевых действий. По данным источников в Армии обороны Нагорного Карабаха, в течение 44 дней войны было уничтожено около 90 % стоявших на вооружении ЗРК «Оса». С учетом поставок из Армении на момент прекращения боевых действий парк «Ос» сократился примерно на 50 %. Кроме того, по словам одного из источников в войсках ПВО Нагорного Карабаха, «Осы» в нескольких ситуациях достаточно эффективно подавлялись средствами РЭБ противника, причем однозначно определить источник помех не удалось.

Неприспособленность для борьбы с малоразмерными малоскоростными целями типа БЛА является общей проблемой для многих не прошедших модернизацию для борьбы с такими угрозами радиолокационных систем прежних поколений. Это ранее убедительно продемонстрировал налет в сентябре 2019 г. на нефтеперерабатывающий завод Saudi Aramco в Абкайке и нефтяное месторождение Хурайс, когда запущенные повстанцами-хуситами барражирующие боеприпасы и крылатые ракеты нанесли значительный ущерб обоим объектам⁵². Объект в Абкайке прикрывали⁵³ три-четыре батареи спаренных 35-мм автоматических пушек Skyguard GDF-005 и минимум одна батарея Shahine (саудовская версия ЗПК Crotale), а нефтяное месторождение Хурайс — три батареи Skyguard GDF-005 и по одной батарее ЗПК Shahine и Patriot (в модификации либо PAC-2, либо PAC-3)⁵⁴. К моменту нападения GDF-005 и Shahine оказались относительно устаревшими, а Patriot — плохо оптимизированным для борьбы с барражирующими боеприпасами хуситов. Для Армении этот инцидент должен был стать серьезным тревожным звонком относительно уязвимости собственных систем ПВО, особенно учитывая приводимый открытыми источниками многолетний перечень⁵⁵ закупок вооружений Азербайджаном⁵⁶.

Из систем ПВО Армении только ПЗРК «Верба», ЗПК «Бук-М1-2» и «Тор-М2КМ» были разработаны после середины 1990-х гг. По меркам 2020 г. даже «Бук-М1-2» был не особенно современной системой, поскольку поступил на вооружение в 1998 г. в качестве промежуточной системы в линейке модернизации семейства «Буков». По своим возможностям система значительно уступает поступившим на вооружение в 2008 г. «Бук-М2» и в 2016 г. «Бук-М3», получившим более современные радары и усовершенствованные ракеты. Кроме того, остаются определенные сомнения относительно сроков закупки систем Арменией. Различные⁵⁷ источники⁵⁸ приписывают Армении обладание системами «Бук-М1-2» до начала конфликта 2020 г., основываясь на их участии в параде⁵⁹ в 2017 г. Однако действительность может оказаться несколько запутаннее: по словам местного источника, до начала второй карабахской войны Армения фактически не обладала этими системами. Продемонстрированные ЗПК были позаимствованы с российской военной базы в Гюмри и перекрашены в камуфляжную расцветку ВС Армении, а после парада были возвращены⁶⁰. По словам источника, после начала войны Россия предложила эти системы Армении, но они требовали ремонта и не могли быть немедленно использованы. Из официальных источников — в интервью 13 декабря 2020 г. бывший секретарь Совета безопасности НКР Самвел Бабаян заявил⁶¹, что на момент начала войны только одна из шести армянских пусковых установок «Бук-М1-2» находилась в рабочем состоянии, а остальные пять ожидали прибытия ремонтной команды из России⁶². В результате эта система ПВО не смогла внести свой вклад в оборону Карабаха на критическом начальном этапе войны, и имеются определенные сомнения относительно того, были ли они развернуты в ходе конфликта⁶³.

Есть также сомнения относительно эксплуатации ПЗРК «Верба» вооруженными силами Армении. Сообщалось, что после апрельского четырехдневного конфликта в Карабахе 2016 г. в 2017 г. Армения заказала в России большую партию этих ПЗРК, а также ПЗРК «Игла-С»⁶⁴, однако местный источник заявил, что на момент начала войны 2020 г. поставки систем «Верба» еще не осуществлялись. Но даже если бы Армения ими и располагала, вряд ли этого оказалось бы достаточно для отражения азербайджанских БЛА. «Верба» обладает такими возможностями, но, как и все ПЗРК, способна поражать цели только на очень малых дальностях: ее ракета 9М336⁶⁵ имеет максимальную дальность около 6,5 км и максимальную высоту 4,5 км⁶⁶, что значительно меньше, чем дальность малых боеприпасов с лазерным наведением (8 км у МАМ-С⁶⁷ и до 14 км у МАМ-L⁶⁸), активно используемых ударными БЛА Азербайджана во время войны⁶⁹. Опять — в некоторых оборонительных сценариях дальность действия ПЗРК могла быть достаточной для поражения беспилотных летательных аппаратов, но идеальным решением этой проблемы они не были.

Из всех систем, имевшихся у ВС Армении, только «Тор-М2КМ» был относительно пригоден для борьбы с современными БЛА; по-видимому, у Армении он также был единственной современной системой в боеготовом состоянии. Однако главной проблемой здесь была крайняя малочисленность этих немногих имевшихся образцов современного вооружения. Местный источник указывает общее число «Тор-М2КМ» — шесть ПУ (полторы батареи), и в начале войны все они были развернуты в Нагорном Карабахе. В итоге армянская сторона в начале войны имела шесть ПУ «Тор-М2КМ» для прикрытия линии фронта в 280 км, быстро увеличивавшейся и после прорыва линии Оганяна⁷⁰ растянувшейся в конце октября до 470 км⁷¹. Учитывая, что ракеты 9М331 ЗРК «Тор-М2КМ» имеют максимальную дальность 15 км, прикрытия всей территории с таким количеством ПУ ни в какой из периодов времени не было возможно.

Несмотря на сложность задачи, сообщалось, что системы «Тор-М2КМ» с относительным успехом⁷² боролись⁷³ с БЛА⁷⁴, причем некоторые источники приписывают им до 60 сбитых в ходе войны воздушных целей, включая по крайней мере шесть Bayraktar TB2⁷⁵. Однако их успехи не обошлись без потерь. Источник в Армии обороны Нагорного Карабаха отметил, что четыре из шести «Тор-М2КМ», которые были развернуты на территории Нагорного Карабаха, были потеряны в течение первых 15 дней боевых действий. Не все эти потери были подтверждены, поскольку Азербайджан опубликовал лишь кадры с БЛА, на которых видно поражение ПУ после того, как по гражданскому строению, в которое она заехала, был нанесен удар боеприпасами «воздух–земля»⁷⁶. На восполнение этих потерь Армения направила еще четыре ПУ, однако местный источник заявил, что эти ЗРК были скорее более ранними модификациями «Тор-М1», которые были закуплены в России по срочной оперативной потребности после начала войны. Система «Тор-М1» была разработана в 1990-х гг.

и прошла модернизацию в 2000-х гг.; она гораздо старше и ограниченнее в возможностях, чем «Тор-М2». Как и следовало ожидать, этого оказалось недостаточно для обеспечения прикрытия нуждавшейся в нем территории, и, следовательно, эти ПУ вряд ли могли оспорить фактическое господство Азербайджана в воздухе.

Помимо «Торов» в поражении воздушных целей участвовали и ЗРК С-300ПС, которые смогли с приграничной территории Армении сбить несколько БЛА Bayraktar TB2⁷⁷. Но и эта система ПВО не могла переломить ситуацию как по количественным, так и по качественным причинам. В целом, по информации источника в ПВО Армии обороны Нагорного Карабаха, в небе над НКР было сбито около 180 воздушных целей, семь из которых были турецкими ударными БЛА Bayraktar TB2, с высокой эффективностью действовавшими в роли как носителя малоразмерных управляемых боеприпасов, так и средства целеуказания и подсветки для новых турецких ракет TRLG-230⁷⁸.

Малое количество современного вооружения армянской стороны также не позволило ей восполнить потери техникой аналогичного качества. Во время любого современного конфликта воюющей стороне следует ожидать определенных потерь и она должна быть в состоянии быстро восстановить их. Однако когда доля современной техники в арсенале, например, ПВО страны крайне низка, все вооруженные силы в целом становятся чрезмерно зависимыми от потенциала одной крайне малой составляющей. Кроме того, с каждой потерянной единицей современного вооружения возрастает кумулятивный эффект уязвимости вооруженных сил в целом, потому что готовой альтернативы для замены потерянной техники нет. В случае с ПВО Армении это означало, что потеря каждой ПУ «Тор-М2КМ» представляла собой крупный ущерб общей способности Армении к обороне воздушного пространства. С другой стороны, парк БЛА Азербайджана оказался более устойчивым к потерям, потому что до войны было приобретено достаточное количество беспилотников для сохранения своих возможностей даже в условиях потерь, а во время войны закупка их продолжалась.

Что еще хуже, похоже, что во время конфликта между армянскими ВВС и ПВО было мало координации. По данным Центра АСТ, огнем армянской стороны было сбито до пяти летательных аппаратов — четыре штурмовика Су-25 и один вертолет Ми-8 (из которых два Су-25 были сбиты ЗРК С-125 над Варденисским районом в Армении при возвращении с боевого задания и один — из ПЗРК над Карабахом). Эти потери составляют примерно 25% общего числа Су-25 и 10% Ми-8 ВВС Армении⁷⁹. Данные предотвратимые потери являются, пожалуй, наиболее показательным индикатором отсутствия у Армении современной, интегрированной сети командования и управления, возможности определения своих сил и недостаточного уровня подготовленности войск ПВО.

Единственным, по признанию источников из ПВО Армии обороны Нагорного Карабаха и армянской военной промышленности, светлым пятном стала разведка воздушного пространства. Она осуществлялась достаточно неплохо за счет применения большой сети двухкоординатных радиолокационных станций метрового диапазона МJ-25 собственного производства. Антенный пост этой РЛС статичен и имеет очень низкую стоимость, а все остальное оборудование смонтировано на автомобилях повышенной проходимости, которые могут подсоединяться к антеннам, при этом находясь от них на достаточно большом расстоянии⁸⁰. Однако, как было отмечено выше, наблюдалась серьезная нехватка современных огневых средств.

Слабость ПВО Армении была и остается глубоко укоренившейся, долговременной системной проблемой. Ее решение требует продолжительного и устойчивого процесса вложений как в сложные современные РЛС, оптико-электронные инфракрасные прицелы и пеленгаторы, так и в современную сеть командования и управления, новое вооружение и обучение. К сожалению, в то время, как Азербайджану удалось найти достаточно экономичный путь к созданию современных разведывательных и высокоточных ударных средств, у Армении пока не имеется простых и малозатратных путей к созданию современной и эффективной сети ПВО, и поэтому разработка таких средств, вероятно, окажется значительно дороже, чем просто закупка БЛА. Однако такие затраты необходимы: как показала война 2020 г., Армении серьезно не доставало необходимого количества современных средств для защиты неба Нагорного Карабаха, и эта задача осложнялась горным рельефом, в котором задействовались уже в значительной степени устаревшие системы ПВО.

Что касается оценки работы ПВО Азербайджана, сделать это достаточно сложно, учитывая малое количество доступной информации, а также очень низкую интенсивность полетов армянской авиации. Так, известно всего о пяти сбитых армянских БЛА⁸¹. При этом надо отметить, что источники в армянской военной промышленности говорят о том, что помеховая ситуация над азербайджанской территорией была очень тяжелой и крайне усложняла возможность управления БЛА по радиоканалу и проведение разведки в масштабе реального времени. С другой стороны, потери армянской пилотируемой авиации обусловлены огнем своих войск, а не работой азербайджанской ПВО, которая, вероятно, не всегда была эффективна на занятых в ходе боев территориях.

Неподготовленная сила идет на войну

План обороны Нагорно-Карабахской Республики строился вокруг основной линии обороны, известной как линия Оганяна, — серии укреплений, построенных в 1990-х гг., после первой нагорно-карабахской войны⁸². Они состояли из заграждений из мин и колючей проволоки, бетонных огневых точек, других долговременных укреплений, которые с 1990-х гг. не были заметно

усовершенствованы⁸³. Схожим образом почти без изменений с момента их создания в 1990-х гг. остались опорные пункты на подступах к Степанакерту и Шуше, а также ряд других укреплений, командных пунктов и др.⁸⁴ Это значительно упростило азербайджанским планировщикам определение основных целей и использование точечных ударов для поражения ключевых оборонительных позиций. Кроме того, сообщалось, что в течение первых недель боевых действий армяне не предпринимали серьезных усилий по маскировке своей техники от воздушных ударов⁸⁵.

Эта самоуспокоенность карабахских сил дорого им обошлась: по некоторым данным, в течение 27 сентября, первого дня интенсивных действий, Азербайджану удалось уничтожить 60 % средств ПВО Нагорно-Карабахской Республики и 40 % ее артиллерии. Этот молниеносный удар фактически подорвал большую часть оборонительных возможностей Армении на самой ранней стадии войны и создал условия, в которых разворачивались остальные боевые действия. Не последнюю роль в этой ситуации сыграла и беспечность военнополитического руководства Армении: согласно анализу как открытых данных, так и информации от разных источников в Армии обороны Нагорного Карабаха, приказа о приведении войск в полную боевую готовность не поступало. Фактически первый азербайджанский удар был нанесен по целям с давно известными координатами.

Азербайджан сделал приоритетным уничтожение систем противовоздушной обороны, в частности, для того, чтобы открыть небо своей авиации и достичь господства в воздухе⁸⁶. Для этого азербайджанская сторона использовала самолеты-приманки — около 60 старых Ан-2 в беспилотной версии, огонь по которым вскрывал позиции ПВО НКР для ударов БЛА и артиллерии⁸⁷.

После падения южной части линии Оганяна и утери большей части армянских ПВО азербайджанским войскам стало легче точными ударами выбивать обороняющихся, которым становилось все труднее защищаться от угроз с воздуха. Оборонявшиеся были вынуждены отступать все глубже в горы, и, следовательно, уцелевшие средства ПВО уже не могли контролировать с господствующих высот равнины Азербайджана, а со всех сторон оказались в окружении гор. На такой местности перспективы успешной противовоздушной обороны еще более снижались в силу ряда причин. Начнем с того, что в крутых лесистых горах сравнительно немного открытых пространств для маневра колонн автомобилей или систем ПВО, что привязывало их к заранее определенным позициям либо вынуждало использовать предсказуемые маршруты, находившиеся под прицелом азербайджанских разведывательных и ударных беспилотников. Эти лишало армянскую сторону свободы маневра, ограничивая ее гибкость на поле боя, способность проецировать силу в нужном месте и принуждая ее к более статичной оборонительной тактике. Хотя горная местность затрудняла действия и азербайджанских сухопутных войск, они сохранили за собой свободу

маневра в небе, предоставлявшую им большое преимущество в ситуационной осведомленности и потенциал для нанесения удара по армянским силам.

Еще одной проблемой для ПВО в глубине территории Карабаха было блокирующее радиолокационные лучи воздействие гор, искусственно повышающее эффективный радиолокационный горизонт. В итоге обнаружение на малых высотах могло выполняться лишь в довольно небольших секторах по азимуту, где это позволяла местность, что делало радиолокационные мертвые зоны гораздо более предсказуемыми и, следовательно, более простыми для использования азербайджанскими войсками. Еще одной проблемой для работы старых радаров на малых высотах являются создаваемые горами помехи, которые затрудняют распознавание относительно медленно летящих беспилотных летательных аппаратов. Эти факторы значительно сократили практическую дальность, на которой от армянских РЛС можно было ожидать выполнения задач обнаружения и сопровождения целей, а также снизили их общую эффективность. В условиях горной местности это облегчило работу беспилотников, поскольку подавляющее большинство азербайджанских БЛА имело потолок ниже 9 км⁸⁸. Сочетание маскирующего фактора местности с вышеупомянутой низкой ЭПР азербайджанских беспилотников и возрастом армянской техники предоставляло БЛА возможность упреждающего обнаружения и поражения средств ПВО, прежде чем самим быть обнаруженными.

Совокупным эффектом к тому времени, когда армянские войска отошли в глубь гор, стал почти уже проигранный конфликт. К этому моменту они потеряли слишком много средств ПВО, что делало невозможным прикрытие остальных наземных сил. В горах тем приходилось опираться на ограниченную сеть известных противнику дорог, что облегчало их обнаружение и поражение азербайджанскими беспилотниками. В целом, по данным открытых источников⁸⁹, подтвержденное армянской стороной число потерянных наземных транспортных средств составило не менее 1495 единиц: по крайней мере 249 танков, 110 БТР и БМП, 343 артиллерийские установки, 112 компонентов ПВО, 178 внедорожников и 475 грузовых автомобилей⁹⁰. Из этого общего числа на БЛА и барражирующие боеприпасы приходится непропорционально высокая доля подтвержденных потерь техники многих типов: по меньшей мере 101 танк, 18 БТР и БМП, 212 артиллерийских орудий, 52 компонента ПВО, 46 внедорожников и 153 грузовиков⁹¹, что составляет более 39% подтвержденных утерянных транспортных средств. Еще больше техники, по-видимому, было брошено в исправном или поврежденном состоянии: по меньшей мере 103 танка, 70 БТР и БМП, 110 артиллерийских орудий, 49 компонентов ПВО, 93 внедорожника и 249 грузовиков⁹². Захваченные противником машины составляют более 46% всех подтвержденных потерь транспортных средств. В какой-то степени эти данные завышены, поскольку, вероятно, многие потерянные в ходе непосредственных боестолкновений или от артиллерийского огня транспортные средства не были

занесены в список подтвержденных потерь (так, в частности, большое количество потерь армянской стороне нанесла дальнобойная артиллерия)⁹³. Тем не менее даже с учетом этого число брошенных или захваченных машин остается довольно высоким. Кроме того, некоторые из уничтоженных машин были макетами, что особенно актуально в отношении систем ПВО.

Основными факторами, способными объяснить большое количество брошенных машин, являются низкий моральный дух, потеря командования и управления войсками и нехватка снабжения. Но эта ситуация возникла не на пустом месте. Следует отдать должное азербайджанским войскам, сумевшим во время боевых действий обратить ситуацию в свою пользу. Как отмечалось, их беспилотники уничтожили множество перевозивших личный состав, боеприпасы и снаряжение транспортных средств⁹⁴, что, несомненно, ухудшило снабжение армянских войск и, в свою очередь, помогло сломить их боевой дух.

На счет армянской стороны следует записать применение грамотной и относительно недорогой оборонительной тактики размещения скрытых камер по всему полю боя. Эта сеть наблюдения использовалась для обнаружения наступающих азербайджанских войск, а затем для нанесения по ним артиллерийских ударов⁹⁵. Подобная форма статической, неподвижной разведки хорошо работает, когда силы пытаются разменять пространство на время. Однако проблема заключалась в том, что любое время, которое армянам удавалось выиграть при помощи этой тактики, обнулялось их неспособностью достаточного снабжения своих сил, тем самым ограничивая любой последующий ответ и оставляя мало вариантов использования выигранного времени.

Однако даже во всех вышеуказанных условиях победа Азербайджана могла быть значительно осложнена армянской стороной, которая упустила ряд возможностей изменить ход боевых действий в свою пользу. Во-первых, Армения фактически растратила удары своих оперативно-тактических ракет на мало значимые в стратегическом отношении цели — Гянджу⁹⁶ или Шушу после ее захвата азербайджанскими силами⁹⁷. Имевшиеся в арсенале Армении ракеты 9М723⁹⁸ систем «Искандер» имели достаточную дальность для поражения любой точки на территории Азербайджана и могли бы быть использованы против более стратегически значимых целей, например авиабаз, где размещались азербайджанские беспилотники и штурмовики⁹⁹. Удары по ним не решили бы проблему БЛА малой дальности, но могли бы повредить или уничтожить некоторые БЛА средней/большой дальности или, при менее оптимистичном сценарии, по крайней мере задержать их запуск из-за повреждения инфраструктуры. Взамен «Искандер» в конфликте был использован слишком поздно¹⁰⁰.

В заключение — кажется маловероятным, что армяне могли бы выиграть войну с учетом сложившихся против них обстоятельств. Они столкнулись с более хорошо вооруженными, превосходящими в технологическом отношении силами, обладавшими большим количеством современного оборудования.

Согласно открытым источникам, общее число погибших армянских военнослужащих составило 3705 человек, а азербайджанских — 2904¹⁰¹, что свидетельствует, что армянским войскам удалось взysкать определенную цену за победу Азербайджана. Однако следует признать, что при более качественной организации и подготовке армянская сторона, возможно, смогла бы потребовать за эту территорию гораздо более высокую цену. Как отмечалось ранее, причины этой неудачи видятся системными, и, вероятно, пройдет много лет, прежде чем они будут устранены и разрешены. В то же время конфликт служит горьким напоминанием о том, что происходит, когда страна впадает в самодовольство и не готовится к войне должным образом. Это напоминает нам старый афоризм: «Вы можете не интересоваться войной, но война обязательно заинтересует вас».

Воздух vs воздух во второй карабахской войне

Воздушная кампания в войне между Азербайджаном и Арменией в сентябре — ноябре 2020 г. уже была рассмотрена в значительном числе статей и высказываний, причем далекоидущие утверждения порой делались на основе частичных доказательств. Однако на долю авиации такое бремя выпадает излишне часто, поскольку причиной ее успехов или неудач указываются одни лишь технологии. Когда речь заходит о последней нагорно-карабахской войне, это мифологизирование фокусируется на беспилотных летательных аппаратах как единственном механизме, принесшем успех Азербайджану. Однако подобное сведение к одной простой причине обманчиво и ведет к неверным суждениям об этой короткой, хотя и кровавой войне.

Большая часть популярных дискуссий о роли БЛА в целом и ударных БЛА в частности гласит (отражая многолетнее представление о воздушной мощи как независимом потенциале победы в войне), что решающая роль принадлежит им одним. Аналогично упрощающим является вывод, что война в Нагорном Карабахе знаменует собой конечную точку в истории пилотируемых боевых самолетов и что единственным будущим для авиации является беспилотное. Даже если это верно (а есть достаточные основания полагать, что это не так), основанные на одной небольшой войне продолжительностью шесть недель утверждения подобного размаха могут служить броским заголовком, но не обязательно взвешенным анализом. Это не отрицает значительного воздействия разведывательных, ударных и барражирующих БЛА, но свою роль сыграли также наземные силы. Аналогичным образом происходит сдвиг в соотношении между пилотируемыми и беспилотными платформами в арсенале боевой авиации: беспилотные системы будут во все большей степени выполнять боевые функции, что зачастую будет сопровождаться соответствующим сокращением доли пилотируемых боевых самолетов, но маловероятно, что они полностью заменят их, по крайней мере в течение большей части оставшихся десятилетий этого столетия. Выдающийся военный историк Колин Грей в 2009 г. в книге «Понимание воздушной мощи: костер заблуждений» (Understanding Airpower: Bonfire of the Fallacies) отметил: «Новый век явно будет благоприятным для беспилотных летательных аппаратов, но это условие не означает, что пилотируемые самолеты ждет участь технологии прошедших дней или они уже стоят

перед подобным фактом. Просто пилотируемый самолет слишком полезен, слишком приспособляем и гибок, чтобы от него отказываться. Будущее пилотируемой авиации совершенно надежно, даже несмотря на то, что некоторые ее роли в некоторых политических и военных контекстах все чаще будут брать на себя БЛА».

Тогда как Азербайджан уже по меньшей мере десять лет эксплуатирует различные БЛА для наблюдения и разведки, приобретение ударных БЛА произошло сравнительно недавно. Хотя Израиль давно эксплуатирует БЛА наблюдения и разведки, различные ударные БЛА, барражирующие боеприпасы и БЛА-камикадзе, именно Турция, по всей видимости, предоставила Азербайджану все ударные БЛА. Отсутствие в открытом доступе информации об экспорте израильских ударных БЛА, возможно, отражает осторожность Израиля с учетом степени ограничений политики его ближайшего союзника в области обороны — США.

Это не значит, что применение различных классов БЛА в различных ролях не заслуживает внимания, поскольку это именно так, но одни лишь БЛА сами по себе не поднесли того успешного результата, к которому стремился Азербайджан. Скорее это было правильное тактическое использование технологии в рамках плана кампании, которое позволило Баку достичь некоторых из своих целей.

Не следует также рассматривать эту одну короткую войну в качестве сигнала об окончательном превосходстве БЛА над наземными системами и, в частности, бронетехникой. Шестинедельная война стала первым межгосударственным конфликтом, в котором ударные БЛА широко использовались для поражения наземных систем. В ее ходе ударные БЛА Азербайджана действовали лучше, чем сухопутные войска Армении. Однако результаты кампании БЛА не делают бронетехнику излишеством. Что действительно высветилось, так это уязвимость противостоящих грамотно проводимой воздушной кампании сухопутных войск и их техники без адекватной противовоздушной обороны, дополненной рассредоточением и современной маскировкой. Вряд ли это должно быть откровением для любого, даже не особенно серьезно интересующегося применением воздушных сил. Неподвижная наземная цель просто приглашает обладающего высокоточным оружием противника, независимо от средств доставки, применить его с вероятным разрушительным результатом. Насколько способствовал успеху Азербайджана фактор эффективного применения БЛА, настолько же важным было отсутствие адекватной обороны и способности к противостоянию у армянских сил. И несмотря на значительный вклад в кампанию Азербайджана, БЛА так же, как и боевые самолеты с экипажем, не способны удерживать территорию. Хотя БЛА обладают большей устойчивостью, они не заменяют присутствия на земле, если целью является устойчивое территориальное завоевание.

Сравнительная воздушная мощь

Ни Азербайджан, ни Армения не располагают значительным количеством боевых самолетов, и в некоторых отношениях они одинаково ограничены, хотя у Баку их больше. Армянские ВВС и силы ПВО вступили в войну с парком самолетов, насчитывающим около 35 единиц, наиболее заметными из которых были многоцелевые истребители Су-30СМ и штурмовики Су-25. Сравнительно недавно были поставлены только четыре самолета Су-30СМ, ни разу не примененные в ходе боевых действий. Су-25 было больше — около 12 единиц в начале войны. Список самолетов ВВС Азербайджана был больше — около 55 единиц. У азербайджанцев было по одному полку штурмовиков Су-25 и истребителей МиГ-29.

Однако Азербайджан проявил гораздо большую изобретательность в дополнении своих платформ с экипажем беспилотными системами и в интеграции их возможностей в рамки общевойсковой кампании. Вдобавок вооруженные силы Азербайджана продуманно отнеслись не только к приобретению оборудования, но и к поиску адекватных обучения и обеспечения со стороны стран-поставщиков — Израиля, а затем Турции. С 2015 г. летчики самолетов и вертолетов ВВС Азербайджана также ежегодно тренировались совместно с турецкими подразделениями под знаменем учений «ТурАз Карталы». В 2020 г. «ТурАз Карталы» начались в конце июля и продлились две недели, до 10 августа. Передавая гласности элементы учений совместной боевой подготовки пилотируемой авиации, министерства обороны Азербайджана и Турции меньше раскрывали другие возможные элементы, например применение и интеграцию ударных и разведывательных БЛА в рамках более широкой воздушной кампании. Азербайджанские военнослужащие также наблюдали за организованными Турцией многонациональными учениями «Анадолу Карталы — 2019», а в учениях «Анадолу Карталы — 2021» приняли участие по два азербайджанских Су-25 и МиГ-29.

В результате распада Советского Союза ВВС Азербайджана унаследовали множество боевых самолетов. Вначале парк состоял из истребителей МиГ-25 и МиГ-21, штурмовиков Су-25 и фронтовых бомбардировщиков Су-24. К моменту поступления на вооружение ВВС Азербайджана МиГ-21 и МиГ-25 были уже устаревшими моделями, и Баку нужно было либо искать им замену, либо признать, что с их выводом из строя ВВС лишатся истребительной составляющей. Однако, учитывая сохраняющуюся напряженность в отношениях с Арменией, это было неприемлемо. МиГ-21 и МиГ-25 были заменены на МиГ-29: поддержанные самолеты, как сообщается, были приобретены на Украине. Число эксплуатируемых МиГ-25, по-видимому, начало сокращаться не позднее 2004 г., когда было списано не менее 16 самолетов этого типа. Пара самолетов в последний раз была видна на стоянке еще в 2010 г., а еще 27 — на площадке хранения. К началу последних боевых действий с Арменией в строю находилась по меньшей мере одна эскадрилья МиГ-29. Полк штурмовиков Су-25 принял участие в

последних боях, причем Армения неоднократно и неподтвержденно заявляла, что некоторые из них были сбиты. Истребители МиГ-29 предназначались для противовоздушной борьбы, однако количество выполненных боевых вылетов неизвестно.

Элемент сдерживания, по крайней мере противовоздушной обороны, вероятно, был обеспечен близким союзником Азербайджана — Турцией, которая также является источником военной техники и подготовки. Небольшое подразделение турецких F-16 было развернуто в аэропорту Гянджи для проведения совместных учений в июле 2020 г., причем утверждалось, что по крайней мере часть самолетов осталась. На спутниковых снимках 3 октября 2020 г. видны два F-16 в аэропорту Гянджи. Армения также возлагала на турецкий F-16 ответственность за сбитый Су-25, что отрицали и Азербайджан, и Турция.

Номинально самыми мощными боевыми самолетами в арсенале обеих стран являются Су-30СМ Армении. Однако с декабря 2019 г. ВВС получили лишь четыре таких самолета. Основным типом в парке малой боевой авиации остается штурмовик Су-25. ВВС России присутствуют в Армении с 1995 г., когда была создана 426-я авиационная группа, в 2001 г. переименованная в 3624-ю авиационную базу. С 1998 г. в Эрбуни дислоцированы 18 единиц российских истребителей МиГ-29. В 2019 г. российские источники указывали, что МиГ-29 будут заменены Су-30СМ.

Интерес Армении к Су-30СМ можно проследить с 2012 г., когда, как сообщалось, Ереван вел переговоры с Москвой о приобретении 12 самолетов. Сделка сорвалась якобы из-за неспособности Армении расплатиться. Интерес к Су-30СМ возродился не раньше 2018 г., а контракт был подписан примерно к концу того же года. Тогда министр обороны Давид Тоноян заявил, что целью было возможно скорейшее получение самолетов. В августе 2020 г. он сообщил, что последующий заказ минимум на четыре Су-30СМ в середине 2020 г. находился на стадии обсуждения. Однако в ноябре 2020 г., после поражения Армении, Тоноян подал в отставку.

Хотя на момент начала военных действий между Арменией и Азербайджаном первые четыре Су-30СМ номинально находились в строю, остается вопрос о наличии у ВВС достаточного числа удовлетворительно подготовленного летного состава. Даже если бы некоторые из летчиков Су-25 прошли курс переобучения на управление боевым самолетом совершенно иного класса, а другие переквалифицировались в операторов систем вооружения, недостаток летных часов и опыта оставался бы заметным. Су-30СМ, по-видимому, не были развернуты во время боевых действий. Сообщается, что премьер-министр Армении Никол Пашинян заявил парламенту страны, что пакет вооружений для этого самолета не был своевременно установлен. Однако спутниковые снимки аэродрома Гюмри от октября 2020 г. показывают Су-30СМ на стоянке

(возможно, с вооружением), тогда как другие снимки показывают то, что выглядит как армянский самолет, несущий ракеты класса «воздух – воздух» Р-73 и Р-27Р.

Р-73 — это ИК-управляемая ракета «воздух – воздух» малой дальности, а Р-27Р — ракета с пассивной радиолокационной головкой самонаведения средней дальности. В совокупности, несмотря на зрелый возраст, обе они все еще представляют реальную угрозу при умелом использовании. Те же ракеты составляют основное противовоздушное вооружение азербайджанских истребителей МиГ-29.

Война в воздухе

Традиционная, пилотируемая авиация в ходе войны, по-видимому, применялась лишь в сравнительно ограниченном объеме. Отчасти это могло быть связано с малочисленностью противостоящих военно-воздушных сил, когда ни одна из сторон не желала полностью задействовать скудные средства. В случае с армянскими Су-30СМ сдерживающим фактором, вероятно, выступали уровень боеготовности, обусловленный лишь недавним поступлением на вооружение, и пропагандистское значение потери одного или нескольких самолетов. Сдерживающим фактором, возможно, выступило и присутствие в Армении и Азербайджане самолетов государства-патрона. Российское присутствие в Эрбуни было отзеркалено размещением турецких истребителей F-16, в июле 2020 г. развернутых для проведения совместных учений в Азербайджане. Первоначально эти самолеты находились в Гяндже, а затем, вполне возможно, были переброшены в Габалу. После попытки нанесения армянской стороной удара с применением двух ракет Р-17 22 октября они перебазировались из Габалы на авиабазу Ленкорань.

Однако азербайджанская кампания была сосредоточена на непреходящем принципе воздушной мощи — контроле над воздушным пространством. Не подвергшись проверке в воздушных боях, он включал в себя уничтожение или сокращение армянской наземной ПВО для обеспечения большей свободы действий азербайджанских ВВС.

Обе страны предъявляли претензии и опровержения относительно потерь самолетов, часто без подтверждающих материалов, в рамках более широких пропагандистских кампаний в традиционных СМИ и социальных сетях. Азербайджан, однако, оказался более умелым в том, что иногда называют битвой за нарратив.

29 сентября Армения потеряла Су-25, а министерство обороны Армении заявило, что тот был сбит турецким F-16. Азербайджан и Турция немедленно опровергли эту информацию, а некоторые предположили, что в бою использовался азербайджанский МиГ-29, а не самолет турецких ВВС. Прямое участие турецкой боевой авиации в войне способно было привести к эскалации, что могло

бы еще больше втянуть Россию в конфликт в поддержку Армении. Воздушные схватки в прошлом усилили напряженность между Анкарой и Москвой. В ноябре 2015 г. российский Су-24 был сбит турецким истребителем F-16 на турецко-сирийской границе, причем утверждалось, что Су-24 находился в воздушном пространстве Турции. Армения и Азербайджан потеряли по меньшей мере по одному Су-25 — 4 октября был сбит азербайджанский Су-25.

Стороны, похоже, приняли различную тактику задействования Су-25. По имеющимся сведениям, азербайджанские ВВС использовали Су-25 на средней и большой высотах, в то время как по крайней мере некоторые армянские боевые вылеты выполнялись на очень низкой высоте, для чего изначально и был разработан этот самолет. Возможно, отчасти это было связано с имеющимися у каждой из сторон типами вооружения класса «воздух — земля» Су-25 и создаваемыми противоборствующими силами угрозами противовоздушной обороны. Азербайджанцы могли использовать как неуправляемые, так и управляемые бомбы, причем, по-видимому, использовались неуправляемые бетонобойные БЕТАБ-500 и управляемый вариант ОФАБ-250. Обе являются российскими боеприпасами, однако последняя была оснащена разработанным Турцией полуактивным комплексом лазерного наведения и хвостовым оперением, значительно улучшившими точность и позволившими Су-25 летать на средних высотах. Как сообщается, лазерное целеуказание включало применение БЛА Bayraktar TB2. Утверждается, что за время боевых действий азербайджанские ВВС совершили 600 боевых вылетов на Су-25. Су-25 ВВС Армении оказались ограничены очевидным отсутствием управляемых боеприпасов, имея на вооружении неуправляемые бомбы и подвесные контейнеры с НУРСами.

Вероятно, повлияли на воздушные действия армянской стороны также более мощные азербайджанские системы ПВО малой, средней и большой дальности. Наряду с БЛА и баллистическими ракетами ближнего радиуса действия Израиль снабдил азербайджанцев ЗРК малой дальности ABISR (Barak). Баку также развернул российский ЗРК большой дальности С-300ПМ/С-300ПМУ-2 — более совершенный вариант семейства С-300, чем имеющийся на вооружении Армении. На тактику азербайджанской стороны относительно применения Су-25 также мог повлиять учет фактора эксплуатации Су-25 обеими сторонами, а также риск поражения огнем своих войск. Возможность точечного бомбометания со средних высот боеприпасами с лазерным наведением отменяла необходимость действий на малых высотах. Армяне таких возможностей не имели, что делало более вероятным полет на малых высотах. Таким образом, любой действующий на сверхмалой высоте Су-25 над полем боя вполне мог расцениваться азербайджанской наземной ПВО в качестве армянского. Риски эксплуатации одних платформ несколькими акторами проявились 9 ноября, когда азербайджанским подразделением ПВО был сбит российский Ми-24.

Российский вертолет был принят за армянский — Ми-24 находится на вооружении России, Армении и Азербайджана.

Задача подавления и уничтожения вражеской ПВО (SEAD/DEAD) также включала участие великовозрастного Ан-2, хотя и в новой роли. По состоянию на август 2020 г. спутниковые снимки показали почти 60 винтовых бипланов Ан-2 на аэродроме в Евлахе, используемом государственной пограничной службой. К 11 октября 2020 г. их там осталось меньше половины. По совпадению или как-то иначе Азербайджан, по-видимому, переоборудовал некоторые Ан-2 в беспилотные в качестве приманки для армянской наземной ПВО. Неясно, насколько успешной оказалась эта тактика для обнаружения армянских систем ПВО, но Ан-2 могли эксплуатироваться совместно с разведывательными или ударными БЛА. В первом случае местоположение пусковых установок ЗРК определялось для поражения, а во втором ударный БЛА мог быть применен для определения и нанесения удара непосредственно после любого запуска ракеты по Ан-2.

Несмотря на малый парк боевых самолетов обеих воюющих сторон, количество потерянных самолетов было частью пропагандистской кампании. Армения и Азербайджан подтвердили потерю Су-25 29 сентября и 4 октября соответственно. Заявление о сбитии 17 октября подразделениями ПВО армянского Су-25, как сообщается, было опровергнуто министерством обороны Армении.

Применение беспилотных летательных аппаратов

Применение Азербайджаном БЛА в войне по понятным причинам привлекло большое внимание. Оно оправданно, хотя отчасти было также результатом использования Баку социальных сетей для распространения своего взгляда на войну и зачастую акцентированной подачи популярными комментаторами одной лишь технологии БЛА, а не тактики, методов и процедур, которые позволяли задействовать их в рамках более широкой кампании. Очевидно, что БЛА как в разведывательных, так и ударных целях были применены в значительной степени для поддержки сухопутных войск Азербайджана и способствования нанесению тяжелых потерь армянской стороне. Президент Азербайджана Ильхам Алиев особо отметил вклад БЛА и, в частности, турецких систем в недавней войне, в том числе во время визита высшего руководства турецкой компании Baykar (производитель БЛА) в апреле 2021 г.

Располагая БЛА, Армения и Азербайджан использовали свои системы в ходе войны, причем последний с гораздо большим успехом. Азербайджанский арсенал включал в себя более широкий спектр БЛА, причем все они обладали большими возможностями, чем выставленные в ходе войны Арменией. С приобретением среднего БЛА AeroStar Баку в 2008–2009 гг. начал принимать на вооружение разведывательные БЛА. В течение следующего десятилетия для этой

роли были приобретены средний БЛА Hermes 450, тяжелые БЛА Hermes 900 и Heron. Эксплуатируют аппараты ВВС и пограничная служба, причем первые имеют на вооружении также барражирующие боеприпасы Nagor и Sky Striker. Армянские силы использовали для разведки небольшое количество легких БЛА X-55, сообщалось также о применении нескольких БЛА «Орлан-10» российского производства. Армения не выставила на поле боя ударные БЛА, и ее применение БЛА в разведывательных целях было гораздо менее эффективным, чем у азербайджанских войск.

В течение последнего десятилетия стала очевидной угроза, которую для сухопутных войск представляют разведывательные БЛА, задействуемые для поддержки ствольной и реактивной артиллерии или пилотируемых боевых самолетов, будь то в Ливии, Сирии или на Украине. Следует оговориться, что эта эффективность слишком часто была результатом отсутствия пассивных и активных контрмер. Уроки, преподанные некоторым участникам (по крайней мере, с атакующей стороны), по всей видимости, повлияли на применение азербайджанскими войсками ударных и разведывательных БЛА во время недавней шестинедельной войны. Однако армянские военные, по-видимому, не уделяли этому особого внимания, несмотря на то что Баку наращивал арсенал БЛА и барражирующих боеприпасов. В то время как ввиду растущей трудности обнаружения малых и сверхмалых БЛА на эффективных дальностях активные контрмеры становятся делом сложным, хотя и не невозможным, пассивные контрмеры легкодоступны. Камуфляж и маскировка — вот извечный подход к усложнению обнаружения наземных сил, а рассредоточение и дезинформирование предлагают способы снижения потерь. Контроль электромагнитного излучения с целью минимизации риска обнаружения и определения местоположения с помощью радиочастотной пеленгации является более поздним дополнением к комплексу пассивных защитных мер. Общей чертой для большей части опубликованных Азербайджаном снимков подвергшихся обстрелу армянских наземных систем было их расположение на открытой местности, в неглубоких окопах или с невысокой обваловкой, без маскировки.

В то время как разведывательные БЛА и барражирующие боеприпасы были приобретены азербайджанской стороной у Израиля, ударный БЛА, который привлек столь большое внимание, — турецкий Bayraktar TB2 производства компании Baykar был получен лишь незадолго до начала боевых действий. Еще в июне 2020 г. о приобретении Bayraktar TB2 сообщалось только как о находящемся на стадии обсуждения. Этот ударный БЛА, по-видимому, использовался с самого начала войны, что ставит вопрос о том, какого рода и объема поддержку получали при применении Bayraktar TB2 азербайджанцы. То, что Турция оказывала поддержку Азербайджану в преддверии и во время короткой войны, не обсуждается, неясен лишь объем этой помощи. Турецкий опыт применения Bayraktar TB2 в Ливии и Сирии, а также методы координации наземного огня

почти наверняка повлияли на применение азербайджанцами этой системы, ее интеграцию в тактические операции и общий план кампании.

Bayraktar TB2 — это средний БЛА и как летательный аппарат ничем не примечателен, обладая сравнительно скромными характеристиками, как и многие БЛА этого класса. Его разработка началась в 2007 г., и он поступил на вооружение турецких вооруженных сил в 2014 г. Его сенсорная турель включает в себя электрооптическую и ИК-систему с лазерным наведением и целеуказанием. Для подвески вооружения используются четыре подкрыльевые жесткие точки. Продемонстрированные на параде победы 10 декабря 2020 г. Bayraktar TB2 были показаны с МАМ-L производства компании Roketsan. Это 22-кг полуактивная планирующая бомба с лазерным наведением, максимальная дальность полета которой составляет 8 км при сбросе с большой высоты. Ее можно использовать как против неподвижных, так и против движущихся целей. Количество примененных в ходе боевых действий Bayraktar TB2 и использованных боеприпасов МАМ-L неизвестно, хотя из видеозаписей министерства обороны Азербайджана следует его широкое применение, что означает расход значительного количества боеприпасов.

Хотя нет никаких свидетельств того, что Израиль поставлял Азербайджану ударные БЛА, он предоставил несколько типов барражирующих боеприпасов, включая Nagor, Sky Striker и Orbiter 1K. Они также со значительной действенностью были применены против различных целей во время войны.

Следствия?

Бесспорно, ударные БЛА и барражирующие боеприпасы даже более чем доказали свою ценность для азербайджанских военных. Однако признание этого факта не то же, что восхваление ударных БЛА как единственного автора подобного исхода, и никакие уроки войны не отправляют тяжелую бронетехнику или пилотируемые боевые самолеты на свалку истории. Все войны имеют свои особые обстоятельства, и эта не является исключением. За последние десять лет Азербайджан потратил средств значительно больше и гораздо разумнее, чем Армения. Он также получил ценную поддержку от своего ближайшего военного союзника Турции, причем таким образом, повторить который Армения не смогла.

Поскольку разведывательные и ударные БЛА продолжают распространяться (что несомненно), это, в свою очередь, только подстегнет большие усилия по разработке активных контрмер. В то время как подобные Bayraktar TB2 системы хорошо зарекомендовали себя в воздушном пространстве, в котором у них не было соперников и которое не защищалось должным образом, этот класс БЛА будет все чаще становиться приоритетной целью для боевой авиации и наземной противовоздушной обороны любого вероятного противника. Вспомогательная инфраструктура и наземные станции БЛА также станут

целью ударов — физических, электромагнитных или же обоих одновременно. То же относится и к барражирующим боеприпасам. Полностью загруженный и несущий девять барражирующих боеприпасов Нагор транспортёр будет представлять собой особенно привлекательную цель, если его можно будет обнаружить и поразить до осуществления пусков, например при обеспечении постоянного наблюдения разведывательными БЛА и ударными БЛА, предоставляющими возможность поражения с одной атаки.

Четвертьвековой путь к реваншу

Февраль 1998 г. стал в истории армяно-азербайджанского конфликта вокруг Нагорного Карабаха тем Рубиконом, после которого мирное урегулирование проблемы оказалось невозможным, а ее военное решение стало лишь вопросом времени. Весьма вероятно, что к подобному выводу пришел еще Гейдар Алиев, сделав реконкисту стержневой идеей своего политического завещания сыну и преемнику во главе государства Ильхаму Алиеву.

Действующий президент Азербайджанской Республики подошел к решению вопроса со всей обстоятельностью и без неоправданной поспешности. Верховный главнокомандующий целенаправленно и планомерно решал три блока проблем — военное строительство, его внешнеполитическое и экономическое обеспечение.

В области военного строительства были реализованы масштабные мероприятия по реформированию военной организации азербайджанского государства, включая вооруженные силы и формирования других силовых структур, предназначенные для выполнения задач военными методами, а также органы управления ими. На протяжении 17 лет, с 2003 по 2020 гг., в соответствии с задачами обеспечения национальной безопасности и с учетом экономических возможностей страны совершенствовались организационная структура, состав и численность вооруженных сил и других войск, их техническое оснащение, комплектование и всестороннее обеспечение. Под это была подведена соответствующая нормативно-правовая и военно-теоретическая база: принят целый ряд новых законодательных актов (законы «О национальной безопасности», «О воинской обязанности и военной службе», «О вооруженных силах» и др.) и внесены изменения в действующее законодательство (законы «Об обороне», «О государственной границе», «О статусе военнослужащих» и др.), разработаны концептуальные и доктринальные документы (Военная доктрина, Концепция национальной безопасности, Стратегия морской безопасности и др.).

В области внешней политики Азербайджанская Республика сумела развернуть нарратив международного сообщества вокруг проблемы Нагорного Карабаха в свою пользу и сообразно выстроила баланс интересов крупнейших региональных и внерегиональных акторов — России, Турции и Ирана, а также США, Китая и Европейского союза. В области экономики был совершен

инфраструктурно-логистический рынок: страна превратилась в региональный хаб на пересечении международных транспортных коридоров, получила дальнейшее развитие добыча и переработка углеводородного сырья на шельфе Каспийского моря. Это, в свою очередь, позволило наполнить бюджет необходимыми финансовыми ресурсами и обеспечить благоприятный внешнеполитический фон для успешной трансформации военной организации государства.

С учетом того что ход военного строительства в Азербайджанской Республике в период до 2017 г. подробно разобран в предыдущей монографии Центра анализа стратегий и технологий¹⁰², в настоящем издании мы остановимся на вопросах оперативной и боевой подготовки войск (сил), комплектования и всестороннего обеспечения вооруженных сил и других войск в 2018–2020 гг.

В исследуемый период общая численность и группировка вооруженных сил и других войск Азербайджанской Республики формально оставалась неизменной: регулярный компонент вооруженных сил насчитывал в своем составе около 67 тыс. человек, в том числе в сухопутных войсках — около 57 тыс., в военно-воздушных силах — около 8 тыс., в военно-морских силах — свыше 2 тыс.; еще 15 тыс. человек числилось по линии других силовых ведомств — 10 тыс. во внутренних войсках министерства внутренних дел и 5 тыс. в пограничных войсках и береговой охране государственной пограничной службы¹⁰³. Стратегическое построение вооруженных сил включало общевойсковую армию и три армейских корпуса в первом стратегическом эшелоне и один армейский корпус во втором стратегическом эшелоне: всего 31 соединение, включая четыре механизированные (тяжелые) и 19 моторизованных (легких) бригад, бригаду охраны, две артиллерийские (в том числе одну учебную), реактивную артиллерийскую и противотанковую бригады, инженерную бригаду и бригаду связи, а также бригаду материально-технического обеспечения. В составе ВВС — два полка и три отдельные эскадрильи; в составе ВМС — две бригады боевых надводных кораблей, отдельные отряды вспомогательных судов и батальон морской пехоты¹⁰⁴. Силы специального назначения включали, оценочно, соединение бригадного состава (в составе общевойсковой армии), до четырех (пяти) отдельных отрядов (по одному на каждый армейский корпус), морской разведывательный пункт и объединенный учебный центр.

Новым элементом указанного построения стало появление во втором стратегическом эшелоне еще одного, пятого (резервного) корпуса, развертываемого по мобилизации. Это развертывание было обеспечено наличием внушительного мобилизационного ресурса, оценочно, составляющего до 300 тыс. человек¹⁰⁵, запасов вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ), ранее выведенных на хранение по мере поступления в войска новых образцов, а также эффективной работой центральных органов военного управления, в первую очередь организационно-мобилизационного управления генерального штаба вооруженных сил и территориальных органов государственной службы по мобилизации

и призыву на военную службу, выделенного в 2012 г. из структуры министерства внутренних дел в самостоятельное ведомство.

Военные расходы Азербайджана в предвоенные 2018 и 2019 гг. варьировались в пределах 10–11% расходной части бюджета и не превышали 4% ВВП, что в абсолютном выражении составляло 1,7–1,8 млрд долл. В военном 2020 г. они кратковременно выросли до 2,2 млрд долл., что составило 14% расходной части бюджета, или 5,4% ВВП¹⁰⁶. При этом Азербайджан мог позволить себе, не перенапрягая национальный бюджет избыточно высокими военными расходами, осуществлять масштабные закупки современных систем высокоточного оружия. Тем самым к началу осени 2020 г. был создан необходимый запас средств поражения и боеприпасов, которые затем массированно применялись на всем протяжении военных действий, обеспечив общее огневое превосходство вооруженных сил Азербайджана над Армией обороны НКР. В военно-технической политике ставка была сделана на беспилотные авиационные комплексы и барражирующие боеприпасы, а также на дальнобойные огневые средства войсковой артиллерии (см. таблицу 2).

Инвестиции в закупки вышеперечисленных и иных образцов ВВСТ Азербайджан окупил с лихвой: уже на первом этапе операции ими была уничтожена и выведена из строя значительная доля боевых бронированных машин, огневых средств войсковой артиллерии и войсковой ПВО противника, что позволило размягчить его оборону настолько, что стал возможен ее прорыв. Более того, эффективное применение разведывательно-огневых (разведывательно-ударных) контуров существенно затруднило армянскому командованию маневр силами и средствами в глубине обороны, а с известного времени, по-видимому, стало сказываться и на морально-психологическом состоянии армянских войск. Столь же эффективными оказались и инвестиции в бронетехнику, обеспечившую прогрызание основной полосы обороны противника и развитие тактического успеха в оперативный.

Важной составляющей подготовки к предстоящей масштабной наступательной операции с целью освобождения занятой армянскими сепаратистами территории Нагорно-Карабахской автономии и прилежащих семи районов страны стала интенсивная оперативная и боевая подготовка объединений, соединений и частей вооруженных сил Азербайджана. На протяжении четырех с половиной лет, с мая 2016 г. по сентябрь 2020 г., ежегодно проводилось от двух до четырех крупномасштабных (оперативно-тактических, оперативных и стратегических двусторонних многостепенных) учений с войсками объединений и соединений сухопутных войск, к которым привлекались соединения и части других видов вооруженных сил и силовых ведомств. В ходе всех указанных учений практические действия войск (сил) сопровождалась боевой стрельбой. Важным элементом оперативной и боевой подготовки как минимум с 2017 г. стала отработка мероприятий мобилизационного развертывания вооруженных сил¹⁰⁷.

Таблица 2.

Импорт вооружения Азербайджаном в 2018–2020 гг.

Экспортер	Год размещения заказа	Годы поставки	Образец ВВСТ	Количество
Белоруссия	2017	2018	Самоходная пусковая установка 301-мм реактивной системы залпового огня В-200 «Полонез»	6
	2017	2018	301-мм управляемая ракета А200 реактивной системы залпового огня В-200 «Полонез»	300
	2016	2017	152-мм буксируемая пушка 2А36 «Гиацинт-Б»	26
Израиль	2017	2018	Самоходная пусковая установка оперативно-тактического ракетного комплекса LORA	4
	2017	2018	Баллистическая ракета оперативно-тактического ракетного комплекса LORA	50
	2017	2017–2018	Беспилотный летательный аппарат Hermes 900	2
	2016	2018–2020	Барражирующий боеприпас SkyStriker	250
	2019	2019–2020	Управляемая ракета многоцелевого ракетного комплекса Spike-NLOS	100
Турция	2017	2018–2019	Авиационная крылатая ракета SOM-B1	10
	2020	2020	Беспилотный летательный аппарат Bayraktar TB2	5
	2020	2020	Управляемая бомба MAM-L для беспилотного летательного аппарата Bayraktar TB-2	50
Испания	2018	2019	Обзорная радиолокационная станция Lanza-LTR	1
Н/д	2018	2018	Многоцелевой вертолет Bell 412EP	2

Источник: SIPRI Arms Transfers Database.

Основными комплексными целями крупномасштабных учений стали повышение слаженности органов военного управления; совершенствование оперативной совместимости штабов различных уровней; сопряжение перспективных систем управления войсками и оружием; апробация замысла будущей фронтовой наступательной операции; получение командирами всех степеней практики планирования мероприятий по организации боя (операции) и управления войсками; повышение полевой, воздушной и морской выучки соединений и частей.

Так, в 2016 г. были проведены оперативно-тактические учения (19–24 июня) с войсками (силами) 1-го и 2-го армейских корпусов, а также отдельной общевойсковой армии, к которым привлекалось до 25 тыс. человек, свыше 300 боевых бронированных машин (ББМ) различных классов, более 100 систем ствольной и реактивной артиллерии, более 30 систем ПВО, до 40 пилотируемых и беспилотных летательных аппаратов фронтовой и армейской авиации. За ними последовали стратегические учения (12–18 ноября) с объединениями, соединениями и частями всех видов вооруженных сил и родов войск, к которым было привлечено до 60 тыс. человек, свыше 150 ББМ различных классов, более 700 систем ствольной и реактивной артиллерии, более 50 пилотируемых и беспилотных ЛА фронтовой, армейской и морской авиации. Примечательно, что пункт управления, на котором разместился штаб руководства указанным учением, был расположен на передовой линии на территории Физулинского района (где развернутся основные события осени 2020 г.).

В 2017 г. было проведено уже два оперативно-тактических учения (16–21 апреля и 19–24 июня) с войсками (силами) 1-го и 2-го армейских корпусов соответственно. К указанным учениям привлекалось от 20 тыс. до 30 тыс. человек, от 120 до 250 ББМ различных классов, от 180 до 200 систем ствольной и реактивной артиллерии, от 25 до 30 пилотируемых и беспилотных ЛА фронтовой и армейской авиации. В конце года (16–20 ноября) к ним добавились командно-штабные военные игры с органами стратегического, оперативного, оперативно-тактического и тактического звеньев управления видов вооруженных сил, родов войск и специальных войск. На определенном этапе игр к ним привлекались войска (силы) для розыгрыша тактических эпизодов.

В 2018 г. количество оперативно-тактических учений увеличилось до трех (12–17 марта, 2–6 июля, 17–22 сентября); к ним привлекались войска (силы) 1-го, 2-го и 3-го армейских корпусов в количестве от 20 тыс. до 25 тыс. человек, от 120 до 250 ББМ различных классов, от 200 до 1000 систем ствольной и реактивной артиллерии, а также оперативно-тактических ракетных комплексов, от 30 до 50 пилотируемых и беспилотных ЛА фронтовой и армейской авиации. В конце года (12 ноября), как и в году предшествующем, были проведены командно-штабные военные игры с органами стратегического, оперативного, оперативно-тактического и тактического звеньев управления видов вооруженных сил,

родов войск и специальных войск. Штаб руководства играми расположился во вновь созданном центре боевого управления вооруженных сил Азербайджана.

В 2019 г. было проведено три оперативно-тактических учения с войсками (силами) 1-го, 2-го и 4-го армейских корпусов (11–15 марта, 20–24 мая и 16–20 сентября), к которым привлекалось до 10 тыс. человек, от 100 до 150 ББМ различных классов, от 120 до 300 систем ствольной и реактивной артиллерии, а также оперативно-тактических ракетных комплексов, от 20 до 35 пилотируемых и беспилотных ЛА фронтовой и армейской авиации. Год завершился проведением оперативного учения (12–15 ноября) с объединениями, соединениями и частями всех видов вооруженных сил и родов войск. При этом впервые не был указан состав привлекаемых сил и средств для столь масштабного мероприятия оперативной подготовки.

Наконец, в первой половине военного 2020 г. было проведено три оперативно-тактических учения: с войсками (силами) 1-го армейского корпуса (2–6 марта), с войсками (силами) 2-го армейского корпуса и также отдельной общевойсковой армии (проходили одновременно 18–22 мая), к которым привлекалось от 5 тыс. до 10 тыс. человек, до 120 ББМ различных классов, до 120 систем ствольной и реактивной артиллерии, а также оперативно-тактических ракетных комплексов, до 30 пилотируемых и беспилотных ЛА фронтовой и армейской авиации. Непосредственно накануне начала военных действий в период с 6 по 7 сентября 2020 г. прошли широкомасштабные совместные азербайджано-турецкие двусторонние учения с боевой стрельбой — тактическое и летно-тактическое — с привлечением контингентов сухопутных войск и военно-воздушных сил численностью до 5 тыс. человек, более (в том числе 2,6 тыс. в активной фазе), более 200 ББМ различных классов, около 180 систем ствольной и реактивной артиллерии, более 30 систем ПВО, 18 пилотируемых и беспилотных ЛА фронтовой и армейской авиации.

Следует отметить, что проведение совместных мероприятий оперативной и боевой подготовки вооруженными силами обоих государств предусмотрено договором о стратегическом партнерстве и взаимопомощи между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой, подписанным 16 августа 2010 г. В рамках указанного договора в период 2016–2020 гг. в Азербайджане были проведены совместные азербайджано-турецкие тактические учения серии «Мустафа Кемал Ататюрк» и «Сарсылмаз Кардешлик» в 2019 г., «Хайдар Алиев» в 2020 г., совместные азербайджано-турецкие летно-тактические учения серии «ТурАз Карталы» в Азербайджане в 2017, 2019 и 2020 гг. В свою очередь, азербайджанские войсковые контингенты приняли участие в совместных мероприятиях боевой подготовки на территории Турции: в международных тактических и тактико-специальных учениях серии «Эфес» в 2016 и 2018 гг., «Кыш», «Эрджиес» и «Анадолу Анкасы» в 2019 г., в совместных азербайджано-турецких летно-тактических учениях серии «ТурАз Шахини» в 2016 и 2018 гг.

Помимо двустороннего азербайджано-турецкого формата военного сотрудничества Азербайджана с государствами региона развивалось и в формате трехстороннем: с 2006 г. проводятся трехсторонние азербайджано-турецко-грузинские командно-штабные учения с компьютерной поддержкой серии Eternity, а с 2012 г. — трехсторонние азербайджано-турецко-грузинские учения сил специальных операций серии «Кавкас Карталы». Главная цель указанных учений состоит в отработке практических аспектов обеспечения безопасности нефтегазотранспортной и железнодорожной инфраструктуры на территории Азербайджана, Турции и Грузии. Учения проходят на ротационной основе на территории трех перечисленных государств: в 2012 и 2015 гг. — в Турции, в 2013 и 2019 гг. — в Азербайджане, в 2014 и 2017 гг. — в Грузии. В значительной степени трехсторонний формат военного сотрудничества Азербайджана, Турции и Грузии способствовал политической изоляции Армении и обеспечил связность пространства театра военных действий в интересах азербайджано-турецкого альянса¹⁰⁸.

Активное участие Азербайджана в программе «Партнерство ради мира» (Partnership for Peace, PfP) НАТО также в немалой степени способствовало формированию благожелательного нейтралитета альянса в отношении Баку. В исследуемый период азербайджанская армия на плановой основе реализовывала мероприятия концепции оперативных возможностей вооруженных сил государств — участников указанной программы в операциях, проводимых под эгидой НАТО (Operational Capabilities Concept for NATO-led PfP Operations, OCC). Были проведены оценочные учения с заявленными от Азербайджана к участию в многонациональных силах НАТО согласно упомянутой концепции мотострелковым батальоном (июнь 2017 г.), разведывательной ротой (май 2018 г., сентябрь 2019 г.) и звеном многоцелевых вертолетов Ми-17-1В (сентябрь 2018 г., сентябрь 2019 г.)¹⁰⁹. В рамках программы «Партнерство ради мира» Азербайджан также участвует в механизмах индивидуальной программы партнерства и сотрудничества (Individual Partnership and Cooperation Programme, IPCP), процесса планирования и анализа (Planning and Review Process, PARP), индивидуального плана действий партнерства (Individual Partnership Action Plan, IPAP) и соглашения о статусе сил (Status of Forces Agreement, SOFA). В практическом аспекте военное сотрудничество вооруженных сил Азербайджана и НАТО в исследуемый период было реализовано в рамках миссии НАТО в Афганистане по обучению и оказанию помощи правительственным силам (Operation Resolute Support): в стране находился азербайджанский миротворческий контингент ротного состава (90 человек до января 2018 г., до 120 человек — после). Азербайджанское подразделение было включено в состав турецкого формирования и обеспечивало охрану и оборону международного аэропорта в Кабуле¹¹⁰.

Оценивая направленность оперативной и боевой подготовки вооруженных сил Азербайджана в исследуемый период, следует отметить, что она была нацелена на отработку вопросов организации и проведения широкомасштабной наступательной операции с целью освобождения оккупированной территории по типовому сценарию: пресечение вооруженной провокации (как вариант — отражение наступления) противника, нанесение ему огневого поражения, восстановление исходного положения с дальнейшим переходом в контрнаступление на нескольких операционных направлениях. В сентябре — октябре 2020 г. все это было реализовано на практике.

Важную роль в военных приготовлениях Азербайджана сыграло обустройство войск, развитие военной инфраструктуры и повышение престижа военной службы. Обустройство войск, находившихся с середины 90-х годов минувшего столетия вплоть до середины 10-х годов столетия нынешнего, скажем прямо, в чистом поле, в условиях непосредственного соприкосновения с противником, стало особенно значимым событием. И это напрямую связано с приходом к руководству военным ведомством Закира Гасанова: с конца 2013 г. и до середины 2018 г. в прифронтовой полосе было возведено более четырех десятков военных городков. Было отстроено заново или капитально отремонтировано 80% казарменно-жилищного фонда. Как результат, 85% личного состава вооруженных сил оказалось расквартировано в современных условиях. Радикально улучшилось социально-бытовое и продовольственное обеспечение военнослужащих воинских формирований в прифронтовой полосе, были решены вопросы газификации военных городков и полевого водоснабжения. Одновременно существенно улучшились и бытовые условия жизни семей военнослужащих в целом по стране: решением президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева военнослужащим, безупречно прослужившим 20 лет, государство предоставляет бесплатное жилье¹¹.

В 2016–2020 гг. были сданы в эксплуатацию центр управления полетами и технического контроля ВВС, объединенный командный пункт авиационной базы ВВС, учебный центр подготовки летного состава пилотируемой боевой авиации, учебный центр подготовки специалистов беспилотной авиации, пункт управления радиотехническими подразделениями ВВС, пункт управления штаба материально-технического обеспечения вооруженных сил, центр технического обслуживания и ремонта средств связи, реконструированный учебный водолазный полигон, военные госпитали и другие объекты военной инфраструктуры. В целом процесс обновления всей армейской инфраструктуры должен полностью завершиться в 2021 г.

Существенным элементом повышения престижа военной службы и движения в сторону профессиональной армии стал переход к политике аутсорсинга, что позволило высвободить от выполнения хозяйственных задач более 20 тыс. военнослужащих и заменить их гражданскими лицами. Кроме того, в январе

2020 г. министерство обороны, министерство труда и социальной защиты населения, министерство молодежи и спорта, министерство образования, министерство культуры, а также государственная служба по мобилизации и призыву на военную службу Азербайджанской Республики подписали межведомственный план совместных мероприятий на 2020–2023 гг. по повышению престижа военной службы в обществе в целом и среди молодого поколения в частности¹¹².

Важным событием в вопросе социальной мобилизации азербайджанского общества в поддержку военных приготовлений, направленных на освобождение оккупированной территории страны, стало создание на основании указа президента Азербайджанской Республики от 17 августа 2002 г. Фонда помощи вооруженным силам. В исследуемый период его средства выросли с 74,2 млн азербайджанских манатов, 212,4 тыс. долл., 3,3 тыс. евро и 5 тыс. руб. на 2 июля 2016 г. до 113,4 млн азербайджанских манатов, 213,6 тыс. долл., 18,3 тыс. евро, 5 тыс. руб. на 1 сентября 2020 г.¹¹³ Понятно, что эти средства не идут ни в какое сравнение с бюджетными ассигнованиями на эти же цели, но в данном случае важна сопричастность граждан государства и азербайджанской диаспоры к реализации поставленной государством цели восстановления территориальной целостности страны.

И наконец, весьма немаловажный аспект — кадровая политика. Если принятие политического решения о проведении военной операции по освобождению оккупированной территории страны состоялось еще в 1998 г. и было подтверждено в 2003 г., массированные закупки ВВСТ пришлось на 2008–2014 гг. (после введения в эксплуатацию основных объектов экспортно ориентированной нефтегазовой инфраструктуры), то подбор и расстановка кадров, призванных выполнить поставленные главой государства политические задачи военным способом, растянулись на период 2014–2020 гг. и шли параллельно процессу повышения боевой выучки войск (сил). Поворотным моментом стало назначение в октябре 2013 г. на должность министра обороны Закира Гасанова: новый глава военного ведомства, по-видимому, получил карт-бланш от высшего руководства страны на проведение радикальной военной реформы с целью подготовки вооруженных сил к применению по предназначению — для вооруженной защиты целостности и неприкосновенности территории Азербайджанской Республики. С 2014 г. резко изменились содержание, направленность и интенсивность оперативной и боевой подготовки вооруженных сил: застоявшаяся в 20-летней позиционной войне (и, чего греха таить, морально разлагавшаяся) армия перешла к планомерной и целенаправленной подготовке к предстоящим масштабным военным действиям с целью восстановления территориальной целостности страны.

Параллельно реализации ежегодных планов оперативной и боевой подготовки шел отбор командных кадров; при этом принятые кадровые решения регулярно подтверждались или пересматривались по итогам частных

операций, которые так или иначе затронули все операционные направления на Южно-Кавказском театре военных действий: в апреле 2016 г. — Агдеринское, Физулинское и Джебраильское, в мае 2018 г. — Нахичеванское, в июле 2020 г. — Товузское. В итоге к сентябрю 2020 г. усилиями тандема министра обороны генерал-полковника Закира Гасанова и его заместителя — начальника главного управления личного состава генерал-лейтенанта Керима Велиева (с июля 2021 г. возглавил генеральный штаб вооруженных сил) был сформирован костяк руководящих военных кадров, успешно реализовавших стратегический замысел военно-политического руководства Азербайджанской Республики по освобождению отторгнутой территории страны¹¹⁴.

На наш взгляд, особенно удачными кадровыми решениями стали назначение полковника (с апреля 2016 г. — генерал-майора) Маиса Бархударова командиром 2-го армейского корпуса, полковника (с июня 2019 г. — генерал-майора) Мюнасиба Бабаева заместителем командира — начальником штаба 2-го армейского корпуса, полковника (с июня 2019 г. — генерал-майора) Полада Гашимова заместителем командира — начальником штаба 3-го армейского корпуса (с прицелом на командира объединения; погиб в июльских боях 2020 г.), полковника (с июня 2019 г. — генерал-майора) Ильгара Лятифова заместителем командира — начальником штаба 4-го армейского корпуса (а в дальнейшем — командиром указанного объединения), генерал-майора Энвера Эфендиева командиром 6-го армейского корпуса резерва главного командования (в июле 2021 г. назначен на вновь учрежденную должность командующего сухопутными войсками), генерал-майора Захида Гусейнова командующим ракетными войсками и артиллерией, полковника (с декабря 2020 г. — генерал-майора) Анара Керимова начальником управления инженерных войск, полковника (с декабря 2020 г. — генерал-майора) Намига Исламзаде заместителем командующего — начальником авиации ВВС, генерал-майора (с октября 2020 г. — генерал-лейтенанта) Хикмета Мирзоева командующим силами специального назначения и полковника (с ноября 2020 г. — генерал-майора) Кенана Сеидова первым заместителем командующего — начальником штаба сил специального назначения (в июле 2021 г. возглавил вновь сформированный 5-й армейский корпус). Важную, хотя и не столь заметную на первый взгляд роль в подготовке и проведении сентябрьско-октябрьской стратегической наступательной операции в Нагорном Карабахе также сыграли назначенные заместителем начальника генерального штаба вооруженных сил — начальником главного управления боевой подготовки и военного образования генерал-лейтенант Низами Османов (с июля 2020 г. исполнял обязанности заместителя министра обороны по материально-техническому обеспечению — начальника главного управления материально-технического обеспечения, а в июле 2021 г. официально назначен на указанную должность) и заместителем министра обороны — командующим отдельной общевойсковой армией генерал-лейтенант (с июня 2020 г. — генерал-полковник)

Керим Мустафаев. Эта звездная команда вооруженных сил, а также командно-начальствующий состав государственной пограничной службы и внутренних войск министерства внутренних дел привели Азербайджан к победе в кампании, получившей в стране официальное название Отечественной войны.

В заключение перечислим основные слагаемые победы Азербайджана в военной операции по восстановлению территориальной целостности страны осенью 2020 г. Это, во-первых, эффективное целеполагание как ключевой элемент стратегического планирования по линии политического и военного руководства страны: с первых дней пребывания во главе азербайджанского государства президент Ильхам Алиев взял курс на военное строительство как залог успешного решения в будущем карабахской проблемы, политическое урегулирование которой зашло в тупик. Это, во-вторых, эффективное расходование ограниченных (хотя и достаточных) финансовых, материальных и людских ресурсов и столь же эффективное управление временным ресурсом: закупки основной массы ВВСТ были произведены на пике доходов казны от реализации на внешнем рынке углеводородного сырья; планомерно реализовывался комплекс мер по совершенствованию организационно-штатной структуры вооруженных сил, повышению качества боевой выучки войск (сил) в системе оперативной и боевой подготовки, развитию военной инфраструктуры; своевременно принимались кадровые решения и, наконец, был удачно выбран момент проведения военной операции (приход к власти в Армении правительства во главе с Николом Пашиняном, раскол в армянском обществе, возникновение напряженности в отношениях Еревана с Москвой). Это, в-третьих, сбалансированная программа военно-политического и военно-технического сотрудничества с ведущими региональными акторами — Турцией, Россией и Ираном: Баку сумел пройти между Сциллой неосманизма и неопантюркизма и Харибдой российского доминирования на постсоветском пространстве, при этом эффективно нейтрализовав персидский национализм.

Сорок четыре дня победной военной кампании осени 2020 г. увенчали долгие двадцать три года подготовки к ней.

Вторая карабахская война как отражение внешнеполитической стратегии Турции

Активное участие Анкары во второй карабахской войне (27 сентября — 10 ноября 2020 г.) было во многом обусловлено общей региональной и глобальной атмосферой напряженности, а также значительно изменившимся в последние годы характером взаимоотношений по осям Турция — Азербайджан и Турция — Россия. Риторика и действия турецкого политического руководства перешли на уровень, который стал представлять значительные трудности как для участников обострившегося конфликта в Нагорном Карабахе, так и непосредственно для России. Столь инициативная и плотная вовлеченность Турции в боевые действия во второй карабахской войне — первый подобный пример активизации внешнеполитических и военных усилий турецкого государства на постсоветском пространстве. Действия официальной Анкары лишь добавили напряженности в процесс урегулирования конфликта и во многом поставили под вопрос стабильность и будущее Южно-Кавказского региона.

В течение последнего десятилетия официальная Анкара постепенно завоевала статус игрока, способного тем или иным образом создать ощутимые сложности для многих участников международных отношений, в первую очередь для России, государств Евросоюза и стран Ближнего Востока. Прогнозирование действий, которые турецкое руководство в тот или иной момент могло бы предпринять как в межгосударственном, так и в межрегиональном измерении, стало во многом затруднительным. В этом контексте развитие событий в Нагорном Карабахе в 2020 г. можно рассматривать в качестве одного из звеньев проводимой Анкарой внешнеполитической стратегии.

По прошествии времени все более очевидной становится роль, которую играла Турция в 44-дневной войне между Азербайджаном и Арменией. Ряд факторов указывает на то, что Анкара во многом была ведущей рукой Баку не только в подготовке азербайджанских вооруженных сил — она принимала активное участие непосредственно в планировании операций, а также в реальных боевых действиях. Учитывая тот факт, что Южный Кавказ до сих пор во многом остается регионом ответственности России, присутствие такого игрока, как Турция, в непосредственной зоне внешнеполитических интересов Москвы не могло не вызвать ряд новых разногласий в турецко-российских отношениях вдобавок к уже давно имеющимся.

«Роза ветров» нагорно-карабахского кризиса

Анкара демонстрировала стремление обеспечить свои интересы в Нагорном Карабахе, одновременно добиваясь от Москвы большего пространства для маневра в других регионах. Логика турецкого руководства во многом сводилась к получению от Кремля уступок — предоставления внешнеполитических разменов в «ближайшем зарубежье» Турции — в обмен на сохранение стабильности на Южном Кавказе. Принимая во внимание тот факт, что турецкое политическое руководство видело для себя шанс в достижении поставленных целей в Нагорном Карабахе, российская сторона, учитывая характер взаимоотношений с официальной Анкарой, предпочла в сложившихся обстоятельствах идти по пути управления возникающими рисками, а не предотвращения их.

Нельзя не учитывать и так называемый фактор Пашиняна, который в значительной степени определил решительность турецкого участия в азербайджано-армянском конфликте. С одной стороны, и Турция, и Азербайджан видели в фигуре Никола Пашиняна лидера, не отвечающего интересам Москвы с точки зрения перспективы развития российско-армянских отношений. Принимая во внимание продемонстрированные после 2018 г. новым политическим руководством Армении действия — изменение политического вектора в пользу расширения сотрудничества с западными институтами, ограничение вещания российского телевидения, а также общий климат проводимой в отношении России политики, — Анкара и Баку прогнозировали сдержанную поддержку Пашиняна со стороны Кремля во время открытой фазы конфликта в Нагорном Карабахе. С другой стороны, в своей позиции по карабахской войне российское политическое руководство также могло усмотреть возможность преподнести урок политической элите Армении и в некотором смысле ослабить ее позиции на внутриполитическом поле. Москва, как известно, уже давно настаивала на постепенной мирной передаче азербайджанской стороне семи оккупированных Арменией районов вокруг Нагорного Карабаха в соответствии с договоренностями трех сопредседателей Минской группы ОБСЕ (Россия, США, Франция)¹¹⁵. Более того, за несколько месяцев до начала второй карабахской войны возникло напряжение между министром иностранных дел России Сергеем Лавровым и властями Армении по данному вопросу¹¹⁶. По мнению Анкары, это подтвердило расхождение подходов Москвы и Еревана к урегулированию конфликта.

Одной из главных целей, которые ставили перед собой Баку и Анкара, было обеспечение максимально сдержанной и по возможности нейтральной позиции Москвы по вопросу не только продвижения азербайджанской стороны, но и активного участия турецкого контингента в боевых действиях. Очевидно, что в некоторой степени вопрос нейтралитета Москвы был решен в позитивном для Баку и Анкары ключе, и Россия до определенного момента не противостояла продвижению азербайджанских войск. Учитывая тот факт, что статус Нагорного Карабаха не был определен, а его независимость не была признана

даже Арменией, официальная ответственность России в рамках и ОДКБ, и двусторонних отношений не распространялась на зону конфликта. Все эти аспекты обеспечили возможность предоставления относительной свободы действий Баку и, соответственно, Анкаре. Вдобавок к фактору Пашиняна России необходимо было учитывать изменившуюся роль Азербайджана на Южном Кавказе, ведь теперь в отличие от первой карабахской войны Баку стал важным партнером Москвы, начиная со сферы энергетики до гуманитарно-культурных отношений.

Как неоднократно было продемонстрировано властями Турции, Анкара настойчиво использует внешнеполитический торг для удовлетворения собственных амбиций. Стоит отдельно обратить внимание на тот факт, что незадолго до развертывания реальных боевых действий в регионе Нагорного Карабаха турецкое руководство во многом проверяло Россию на прочность в Сирии и Ливии. Ярким примером подобной политики стали многочисленные военные операции турецкой армии на севере Сирии с 2016 г. Взаимодействие в астанинском формате и достижение новых договоренностей по Идлибу в марте 2020 г. наряду с действиями Турции в регионе Восточного Евфрата, где проводятся совместные турецко-российские патрулирования, потребовало большего внимания и дипломатических усилий со стороны России. Летом 2020 г. благодаря действиям Москвы и других участников процесса урегулирования в Ливии, прежде всего Турции и Египта, было достигнуто соглашение о прекращении военных действий. На фоне видимого хрупкого консенсуса в критически значимых для обоих государств регионах параллельно развивались и другие процессы: с одной стороны, поставка Россией Турции ЗРС С-400, с другой — тесное сотрудничество Анкары с Киевом по вопросу поставок турецких БЛА Bayraktar TB2, которые с большой степенью вероятности могут быть использованы во время войны в Донбассе. Дополнительную напряженность в турецко-российских отношениях создавали позиция турецкого руководства по Крыму и манипулирование проблемными аспектами, например крымских татар.

Несмотря на то что Россия не настолько выраженно противостояла факту непосредственного участия Анкары в 44-дневной войне, трехстороннее Заявление о прекращении огня от 10 ноября 2020 г.¹¹⁷, подписанное Азербайджаном, Арменией и Россией, состоялось без участия Турции. Активная вовлеченность Анкары в конфликт привела к тому, что Россия вновь утвердилась в качестве доминирующей силы не только в Нагорном Карабахе, но и на Южном Кавказе в целом. Если до войны реальное военное присутствие России на территории Азербайджана было сведено к нулю, то по ее завершении — и спустя восемь лет со времени закрытия российской военной базы в Габале — Москва вернулась в Азербайджан с двухтысячным военным контингентом и утвердила свою определяющую роль в сохранении и будущем открытии всех экономических, транспортных и коммуникационных связей в регионе, включая Лачинский

и Нахичеванский коридоры. В этом контексте развертывание миротворческого центра по контролю над прекращением огня — пример последовательной российской политики управления рисками, когда, принимая во внимание наличие третьей силы, Кремлю не только удалось минимизировать потери от ее прямого участия, но и фактически открыто продемонстрировать видение политического веса Анкары. Более того, в трехстороннем Заявлении Москвы, Еревана и Баку, состоящем из девяти пунктов, отсутствуют не только Турция, но также и сопредседатели Минской группы ОБСЕ США и Франция. Армения и Азербайджан стали еще более зависимы от Москвы, а Кремль на фоне снижения роли других сопредседателей Минской группы смог обратить вовлеченность Турции во вторую карабахскую войну в свою пользу. Несмотря на то что Анкаре открылась перспектива непосредственной наземной связи с Азербайджаном, возник вопрос о ее беспрепятственном и свободном функционировании: при открытии Нахичеванского коридора любое передвижение по нему будет возможно исключительно под контролем Пограничной службы ФСБ России.

С другой стороны, период второй карабахской войны совпал с тем временным отрезком, когда такие крупные игроки, как США и Евросоюз, были вплотную заняты собственными внутренними и внешнеполитическими проблемами. Вашингтон, один из сопредседателей Минской группы ОБСЕ по урегулированию карабахского конфликта, был поглощен подготовкой к президентским выборам ноября 2020 г. и, соответственно, во многом дистанцировался от событий, происходивших в Нагорном Карабахе¹¹⁸. Вдобавок незадолго до обострения ситуации на Южном Кавказе, с начала 2020 г. Анкара создала дополнительные трудности для ЕС, усилив свою вовлеченность в ливийский кризис. Нельзя забывать и о том, что турецкое руководство продолжительное время фактически шантажировало ЕС открытием своих границ для многомиллионной армии мигрантов, которых Анкара при малейшей возможности использовала в качестве козыря и давления на отдельные страны Евросоюза. На фоне разворачивающегося миграционного кризиса одним из козырей стали джихадистские и радикальные группировки, которые Анкара активно поддерживала. Вдобавок летом 2020 г. резко возросла напряженность по линии Турция — Греция, по проблемам Восточного Средиземноморья и Кипра. Подобная ситуация привела к тому, что во время второй карабахской войны ЕС оказался не в состоянии открыто и четко продемонстрировать свое отношение по многим вопросам. Несмотря на жесткую риторику, Париж как сопредседатель Минской группы ОБСЕ также был вынужден занимать пассивную позицию «на земле» ввиду активного турецкого участия в Ливии, которая является «ближним зарубежьем» Франции. Логика такой внешнеполитической стратегии была проста: за обострением отношений с Реджепом Эрдоганом в Карабахе последуют непредсказуемые шаги турецкого руководства непосредственно у границ Евросоюза и разогрев нового очага напряженности.

В то же время участие Анкары в карабахской войне во многом отражает общую линию политики НАТО в отношении России. Стоит отметить, что расширение трансатлантического альянса в сторону границ России в последние годы идет именно за счет увеличения военной активности Турции на постсоветском пространстве. Анкара и во многом лично Эрдоган играют роль своеобразного энергетического вампира для России в Сирии, Ливии и в тех регионах, где Москва идет по пути активизации своих внешнеполитических усилий, в том числе на постсоветском пространстве. В этом контексте сложившаяся в Нагорном Карабахе ситуация — это не единичный пример того, как Анкара в той или иной мере подступает непосредственно к границам России. Уже несколько лет идет активный процесс военного сближения между Турцией и Украиной. Есть план по продаже Киеву 48 новых беспилотных летательных аппаратов в дополнение к шести Bayraktar TB2, проданным в 2019 г.¹¹⁹ На этом фоне не случайным стал визит президента Украины Зеленского в Анкару в октябре 2020 г., на пике боевых действий в Нагорном Карабахе. Киев тогда активно поддержал позицию Баку по вопросам территориальной целостности Азербайджана в конфликте. Более того, принимая во внимание напряженность вокруг Донбасса в апреле — мае 2021 г., а также плотную вовлеченность турецкого руководства по линии военно-технического сотрудничества со странами Балтии и Польшей и учитывая ту роль, которую играет официальная Анкара в Азербайджане и Грузии, можно предположить, что расширение турецкого военного присутствия в имеющих первостепенную значимость для Москвы регионах будет нарастать.

В последнее время ярким примером рискованной внешнеполитической стратегии Анкары становится Афганистан, где после вывода американского военного контингента турецкое политическое руководство стремится путем непосредственного физического присутствия в той или иной форме выстроить политику влияния на государства Центральной Азии. Очевидно, что подобные действия не могут оставить Москву равнодушной, ведь фактически речь будет идти не только и не столько о роли Анкары в Афганистане, сколько о возможных новых непредсказуемых процессах в Центрально-Азиатском регионе.

«Трое в лодке, не считая...»

Военный потенциал Азербайджана уже давно превосходит потенциал Армении. С начала 1990-х гг., то есть со времен первой карабахской войны, Азербайджан усиленно инвестировал полученные от продажи энергоресурсов средства в сферу военного строительства. С середины 2000-х гг. военный бюджет Азербайджана многократно превышал армянский: только в 2020 г. военные расходы Азербайджана составили 2,2 млрд долл. в противовес расходам Армении в 634 млн долл.¹²⁰

На этом фоне стремительно улучшающиеся в последние годы отношения между Турцией и Азербайджаном, а также укрепившиеся личные контакты

лидеров этих стран в значительной степени определили исход войны. Особое значение, безусловно, сыграл фактор социально-культурной и этнической близости Азербайджана и Турции, а также исторически напряженные отношения с Арменией и желание официальной Анкары усилить свое влияние на Южном Кавказе и в Центральной Азии.

С геополитической точки зрения роль, которую определяло для себя руководство Турции, отчетливо проявилась в налаживании стратегических военных отношений с Азербайджаном. С 1990-х гг. получил широкое распространение популистский лозунг «Одна нация — два государства». Учитывая то, что Анкара продолжала размещать военные базы за рубежом, играя мускулами на Африканском континенте (Ливия, Сомали, Эфиопия, Судан) и на Ближнем Востоке (Сирия, Ирак, Катар), еще большая и плотная активизация взаимоотношений с Баку дала возможность турецкому руководству усилить свои военные позиции в критически важном Южно-Кавказском регионе в целом и в Нагорном Карабахе в частности.

С другой стороны, поддержка территориальной целостности Азербайджана — это во многом обеспечение энергетических интересов Турции в будущем. Нефте- и газопроводы Баку — Тбилиси — Джейхан, TANAP, а также железная дорога Баку — Тбилиси — Карс, соединяющие Азербайджан с Грузией и далее с Турцией, до сих пор не теряют своей актуальности. Содействие Баку во второй карабахской войне теоретически могло означать укрепление позиций Анкары в распределении энергоресурсов региона. К тому же росла доля азербайджанского газа на турецком рынке: в 2020 г. Азербайджан (24 %) занимал второе место после России (33,6 %) по экспорту газа в Турцию¹²¹.

Особо важными являются военно-технический и экономический аспекты второй карабахской войны. На протяжении длительного времени укреплялось непосредственное взаимодействие по линии военных ведомств Турции и Азербайджана. Обучение азербайджанских военных в турецких академиях, проведение совместных учений — сфера, в которой Анкара чувствовала свое влияние особенно сильно. Не секрет, что Турция возлагала особые надежды на увеличение и без того стремительно растущих продаж вооружений Азербайджану. Несмотря на то что Анкара была не в состоянии составить конкуренцию в Азербайджане на этом поле ни России, ни Израилю, перспективы поставки вооружений все же оставались довольно внушительными.

Например, только в течение первых девяти месяцев 2020 г. (до начала второй карабахской войны) Анкара продала Баку различных видов вооружений на 123 млн долл., в шесть раз больше, чем за тот же период 2019 г.¹²² В течение всего 2020 г. Азербайджан стал вторым по величине экспортным рынком для турецких вооружений (261 млн долл.¹²³), что естественным образом указывает на интенсификацию поставок во время войны.

В феврале 2020 г. была достигнута договоренность о продаже Турцией вооружения Азербайджану на сумму 200 млн турецких лир (около 33 млн долл.). Речь шла о покупке Баку турецких БЛА Bayraktar TB2, ракет различной дальности, РСЗО TR-300 Kasirga и T-122 Sakarya, новейших самоходных противотанковых комплексов Kaplan, бронемашин Kobra, крылатых ракет большой дальности SOM-B1 и т. п.¹²⁴ Несмотря на окончание боевых действий, высокий темп поставок сохраняется до сих пор. Только в первые пять месяцев 2021 г. Турция поставила Азербайджану вооружений на сумму примерно 136 млн долл.¹²⁵

Вызывает интерес тот факт, что при ухудшении отношений со многими государствами ЕС и НАТО взаимодействие по линии Анкара — Лондон не только не подверглось осложнениям, но и поступательно развивается в ключевых направлениях. Производство БЛА типа Bayraktar TB2 зависит от поставок Турции технологий из различных стран мира, в первую очередь из Англии¹²⁶. Во время второй карабахской войны, несмотря на то что некоторые из стран, поставляющих комплектующие для БЛА (Канада и Австрия), наложили санкции на Турцию, Великобритания не ввела никаких ограничений и продолжала обеспечивать Анкару необходимым военным оборудованием. Не случайным также выглядит тот факт, что за несколько дней до визита в Анкару Владимир Зеленский провел в Лондоне отдельную встречу с главой МІ6 Ричардом Муром¹²⁷, который во время переворота 15 июля 2016 г. занимал пост посла Великобритании в Турции. Стоит отметить, что военные отношения между Анкарой и Лондоном стали заметно активизироваться после 2016 г. В этом контексте существует вероятность, что обострение ситуации в Нагорном Карабахе и проводимая Анкарой политика свидетельствуют о том, что политическая элита Турции играет вторую скрипку в разворачивающейся в последние годы между Лондоном и Москвой гибридной войне. Здесь также стоит обратить внимание на то, что с учетом одних лишь инвестиций British Petroleum в нефтегазовые месторождения и проекты Азербайджана для Великобритании значимость Баку несопоставима с Ереваном.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что ситуация в Нагорном Карабахе отчетливо продемонстрировала новый подход к военно-техническому сотрудничеству и ведению боевых действий. Помимо израильских БЛА ключевую роль во второй карабахской войне сыграли турецкие аппараты Bayraktar TB2. В конце февраля и начале марта 2020 г. Турция применила Bayraktar TB2 против сирийских правительственных сил в Идлибе при проведении операции «Весенний щит» и во время срыва взятия Триполи маршалом Хафтаром весной 2020 г. в Ливии. Ударные БЛА продемонстрировали свою эффективность против «несостоятельных армий» и за последние годы стали неотъемлемой частью военных операций Турции. Новая угроза диктует иные правила игры и приводит к большим потерям. Так, армянские силы в Нагорном Карабахе не имели интегрированных и современных систем обороны для защиты от воздушных

ударов Азербайджана, что в первую очередь касается ударных БЛА. Вторая карабахская война наглядно показала последствия для стороны, не готовой противостоять новому виду вооружения противника.

Следует отметить, что производство БЛА типа Bayraktar TB2 ведет зять президента Эрдогана — Сельчук Байрактар. Не случайно во время парада победы 10 декабря 2020 г. в Баку Азербайджан представил на обозрение не только российское и израильское вооружение, но и турецкие БЛА Bayraktar TB2¹²⁸. Принимая во внимание активное участие и одну из ключевых ролей, которую те сыграли во второй карабахской войне, в апреле 2021 г. президент Азербайджана Ильхам Алиев наградил Сельчука Байрактара почетным орденом «Карабах»¹²⁹. В июне 2021 г., в ходе визита в Баку и Шушу, Эрдоган подписал с Алиевым Шушинскую декларацию, углубившую военное сотрудничество двух стран. Отношения между президентами Турции и Азербайджана касаются не только договоренностей в военной сфере — они также весьма широко затрагивают личные экономические интересы и во многом финансовую заинтересованность в том или ином проекте. Так, во время визита Эрдогана в Шушу Алиев заявил¹³⁰, что проектирование и строительство железной дороги до Шуши, а также большинство важнейших инфраструктурных проектов курируются крупнейшими турецкими компаниями — Kolin, Cengiz, Kalyon¹³¹, входящими в пятерку ближайших к Эрдогану турецких бизнес-империй.

С другой стороны, на фоне подготовки ко второй карабахской войне только в 2019 г. было проведено 13 совместных турецко-азербайджанских учений. В 2020 г., несмотря на тяжелую эпидемическую обстановку, они интенсивно продолжались. По окончании очередных учений, которые прошли в июле — августе 2020 г., согласно российским военным и дипломатическим источникам, на фоне резко увеличившегося числа вылетов военной и транспортной авиации из Турции в Азербайджан и резко возросших поставок вооружений и различной военной техники внушительный турецкий военный контингент, в том числе ВВС Турции, остался на территории Азербайджана и продолжал активно действовать. По сообщениям источников, речь шла о «...600 военнослужащих, включая батальонную тактическую группу из 200 человек, 50 инструкторов в Нахичевани, 90 военных советников в Баку (обеспечивали связку при ведении боевых действий в цепочке бригада — корпус — генеральный штаб), 120 человек летно-технического состава на авиабазе Габала, 20 операторов беспилотников на аэродроме Далляр, 50 инструкторов на аэродроме Евлах, 50 инструкторов в 4-м армейском корпусе (Пирекешкюль) и 20 человек на военно-морской базе и в военном училище имени Гейдара Алиева в Баку»¹³².

К тому же значительное число военнослужащих турецких вооруженных сил принимало активное участие не только в планировании, но и непосредственно в осуществлении различных операций Азербайджана в ходе второй карабахской войны. Речь во многом идет о тех генералах, которые руководили

турецкими военными операциями в Сирии и Ливии; некоторые из них, как предполагается, были тесно связаны с использованием турецких БЛА. По сообщению ряда источников¹³³, несколько высокопоставленных турецких генералов, а также военная техника, включая истребители F-16, остались в Азербайджане и после военных учений июля — августа 2020 г.¹³⁴ Высока вероятность того, что турецкие F-16 принимали частичное и весьма ограниченное участие в боевых столкновениях. В то же время нельзя отрицать факт определенного психологического давления на Ереван, когда демонстрация физического присутствия Турции, а именно этих истребителей, сыграла свою роль в определении исхода войны.

«Вежливые люди» Эрдогана

Географическое преимущество армянской стороны в Нагорном Карабахе нейтрализовалось возможностями БЛА, что, безусловно, является новой характеристикой гибридной войны, которая во внешней политике Турции во многом обеспечивает стратегию выживания режима Реджепа Эрдогана. Кроме того, ее компоненты усиливают контроль высшего политического руководства страны над государственными учреждениями, одновременно создавая определенный вакуум безопасности в самой Турции и в региональном измерении. На этом фоне сильно персонифицированная политика принятия решений не может не отражаться на действиях высшего руководства Турции в столь важном для нее регионе, как Южный Кавказ. Параллельно с растущей военной активностью за рубежом Анкара диверсифицирует военный инструментарий государства, применяя методы гибридной войны как во внутренней, так и во внешней политике. В дополнение к официальным структурам, таким как турецкие вооруженные силы, в последнее десятилетие во внешней политике Турции также появились и укрепились некоторые неформальные военные образования. Ярким их примером является частная военная компания SADAT, занимающаяся обучением и тренировкой в основном исламистских проэрдогановских структур, радикальных и джихадистских сил. Углубляющиеся отношения между турецкой разведкой и подобными SADAT структурами являются угрозой как для безопасности самой Турции, так и для государств, в которые фактически экспортируется нестабильность.

Другой стороной гибридной войны стали сообщения о переброске¹³⁵ поддерживаемых руководством Турции боевиков из Сирии и Ливии в зону карабахского конфликта. Именно джихадисты стали одним из ключевых элементов внешней политики официальной Анкары в последние годы. Они плотно интегрируются во внутреннюю политику государства, вращая в структуры важнейших государственных органов, в первую очередь ответственных за обеспечение безопасности страны. С другой стороны, наемники активно присутствуют и воюют там, где турецкая армия действует непосредственно, как, например,

в операциях в Сирии и Ливии. В настоящее время этот процесс продолжается и набирает еще большие обороты, и Турция, таким образом, экспортирует нестабильность за пределы своих границ.

Не случайно, согласно пресс-релизам Кремля, в телефонных разговорах с Реджепом Эрдоганом во время второй карабахской войны Владимир Путин подчеркивал обеспокоенность российской стороны участием в ней боевиков из Ближневосточного региона¹³⁶ и масштабным вовлечением в боестолкновения террористов¹³⁷. Более того, согласно российским военным и дипломатическим источникам¹³⁸, воюющие в Сирии и Ливии лояльные Анкаре либо непосредственно ею контролируемые радикальные джихадистские и исламистские группировки были переброшены непосредственно в Нагорный Карабах для участия в военных действиях на стороне Азербайджана. Отмечалось также, что «контроль за функционированием логистических цепочек доставки наемников якобы осуществляет турецкая Национальная разведывательная организация при поддержке сил и средств Минобороны»¹³⁹, а также такие формирования, как SADAT. Приведенные данные о переброске порядка 1300 сирийских боевиков и 150 ливийских наемников только в течение первой недели октября 2020 г. могут говорить о масштабе вовлечения поддерживаемых и контролируемых руководством Турции радикальных сил во вторую карабахскую войну¹⁴⁰. Несмотря на официальные опровержения азербайджанской стороной самого факта участия радикальных группировок в 44-дневной войне, активная турецкая вовлеченность с использованием различных джихадистских структур и исламистских сил не вызывает сомнения.

Карабах. Постскрипtum

Вторая карабахская война завершилась, но окончательный мир пока не достигнут. Нынешний статус-кво требует много усилий для восстановления региона, оставляя больше вопросов, чем ответов относительно путей решения многочисленных проблем и самого будущего региона. Это во многом будет зависеть не только от армяно-азербайджанского диалога, но и в неменьшей степени от турецко-армянских, а также турецко-российских отношений. Перспектива улучшения будущих взаимоотношений Анкары и Еревана оставляет в настоящем множество разрозненных фрагментов и взаимно не связанных эпизодов внешнеполитических пазлов, складывая которые возможно будет выстроить единую картину.

В отличие от неопределенности будущего турецко-армянского диалога хрупкие и чувствительные отношения между Турцией и Россией, с одной стороны, привязывают государства друг к другу и создают в определенной степени взаимозависимость с существенным увеличением рисков, а с другой — Анкара получает возможность использования пространства для маневра в зоне российских внешнеполитических интересов. Подобная ситуация, как показали

события в Нагорном Карабахе, не только разогревает уже имеющиеся болезненные точки в турецко-российских отношениях, но и создает прецедент, когда Кремль в связи с необходимостью нахождения консенсуса с турецким руководством в других важных для России регионах (в первую очередь на Ближнем Востоке) вынужден мириться с определенными действиями Анкары. Принимая во внимание роль, которую официальная Анкара играет на протяжении длительного времени, Москва, как и другие участники международных отношений, вынуждена маневрировать для предотвращения ухудшения ситуации в критически значимых регионах для ее внешнеполитической стратегии.

Проводимая Анкарой политика в регионе Нагорного Карабаха — это одно из звеньев процесса расширения военной активности Турции, которое гармонизирует стратегию НАТО на постсоветском пространстве. Возникает закономерный вопрос: кому при наличии значимого интереса может быть выгодна подобная ситуация? Как видится, для некоторых стран Запада, в первую очередь для Великобритании и США, укрепление позиций Турции на Южном Кавказе, в странах Восточной Европы, на Украине и — через Афганистан — в Центральной Азии может представлять собой значимую выгоду.

Не секрет, что контроль непосредственно над Эрдоганом значительно увеличивает возможность оказания влияния на радикальные силы, с которыми он повсеместно тесно сотрудничает. Для Великобритании, которая определяет в своей военной доктрине Россию в качестве главного противника, подобное развитие ситуации выгодно и позволяет внести разлад во внешнеполитическую стратегию Москвы, особенно в области безопасности¹⁴¹. Очевидно, что этот факт продвижения нестабильности к границам России вызывает обеспокоенность Кремля. Не стоит забывать, что Эрдоган долгое время тем или иным образом испытывает терпение России в Сирии, Ливии, Нагорном Карабахе и на Украине, — и именно во время второй карабахской войны Анкара в первый раз своими военными действиями столь явно продемонстрировала желание прощупать красные линии безопасности Москвы на постсоветском пространстве. Помимо этого существует также высокая вероятность, что с уходом американского военного контингента из Афганистана вырастет стремление руководства Турции подлить масла в огонь и обострить те или иные конфликты в Центрально-Азиатском регионе, в которые Россия может оказаться вовлечена. Таким образом, война в Нагорном Карабахе может оказаться лишь малым эпизодом внешнеполитической стратегии нынешнего турецкого руководства в «ближнем зарубежье» России.

Ментальная география карабахских войн

Больше чем поражение

Результаты второй карабахской войны обернулись для армянского общества шоком. Военное поражение привело к чудовищным последствиям. Погибли тысячи людей, в основном призывники 18–20 лет. Десятки тысяч остались без крова. Сам Нагорный Карабах, то есть территории, которые контролировала непризнанная Нагорно-Карабахская Республика, уменьшился в четыре раза. Новые границы гораздо менее приспособлены к обороне, да и гарантом физического выживания населения Карабаха теперь реально являются российские миротворческие войска, а не собственные вооруженные силы. Сообщение с Арменией возможно только по узкому уязвимому коридору, а столица непризнанной республики Степанакерт находится в крайне уязвимом положении. Все это, конечно, в армянском обществе воспринимается как катастрофа, и ничего оригинального в этом нет — в любой стране мира крупное военное поражение ощущается именно так.

Более того, поражение в этой войне зачастую воспринимается в Армении и в самом Карабахе не просто как военное поражение, но как крушение идеологической основы, фундамента строительства новой армянской государственности. Дело в том, что карабахская проблема была краеугольным камнем строительства не только Нагорно-Карабахской Республики, но и Республики Армении. Формально являющийся для Армении внешним фактор Карабаха — армянонаселенного эксклава в составе советского Азербайджана — стал генератором армянской независимости. Кроме Армении из всех постсоветских стран, пожалуй, только у Азербайджана катализатором движения к независимости выступили не борьба с тоталитаризмом или стремление к освобождению от имперской зависимости, а территориальный конфликт. Другие постсоветские страны получили независимость либо в результате целенаправленной борьбы именно за независимость от московского центра и советского правления (как страны Балтии), либо вследствие распада СССР, бывшего для них (например, для стран Центральной Азии) внешним процессом, не имевшим отношения к их внутривнутриполитическому развитию.

Этнополитические конфликты сотрясали все постсоветское пространство, но абхазский, приднестровский, югоосетинский конфликты были

скорее реакцией этнических меньшинств бывших союзных республик на движение мини-метрополий к независимости. Во всяком случае, ни в Грузии, ни в Молдавии, ни в России эти конфликты не были побудительным стимулом к борьбе за собственную государственность. В случае же Армении и Азербайджана именно карабахский конфликт дал толчок к строительству идеологии национальной независимости.

Для Армении и, шире, для армян всего мира карабахская проблема стала не просто проблемой культурного и физического выживания части этноса или территориальной проблемой. Она стала центром формировавшейся после распада СССР армянской политической идентичности, идеей независимого армянского государства, и огромную роль в этом сыграла победа армян в карабахской войне 1991–1994 гг. Эта победа ощущалась как историческая, как разворот армянской истории от долгих веков колониальной зависимости, притеснений и преследований, кульминацией которых стал геноцид 1915 г., к независимости, самости, победам и приобретениям. Карабахская победа стала ключевым символом, легшим в основу государственного строительства. Соответственно, поражение во второй карабахской войне стало больше чем поражением: оно воспринимается как крах основ Республики Армении, как удар по фундаменту недавно обретенной политической идентичности. В Армении (и, возможно, еще в большей степени в обширной армянской диаспоре) это поражение ощущается как историческое, как очередной гибельный перелом армянской истории.

Странная война

Необъяснимым в ретроспективе образом и сама война, и поражение в ней оказались неожиданностью для армянских экспертов, политиков и широкой публики. И это при том, что Азербайджан готовился к этой войне как минимум полтора десятилетия, совершенно этого не скрывая, а, наоборот, постоянно угрожая реваншем. При этом серьезные финансовые ресурсы этой нефтяной страны ни для кого не являлись секретом. Почему же при такой степени важности для Армении война оказалась неожиданной? Почему к ней оказались настолько не готовы силовики? Почему при достаточной плюральности прессы эта угроза не обсуждалась широко в СМИ? Как случилось, что огромная разница ресурсных баз Армении и Азербайджана не приводила как минимум к осознанию вероятности ширококомасштабной войны? Каким образом этой войне удалось стать настолько нежданной?

После окончания войны армянское общество, естественно, начало искать ответы на эти вопросы. Научных исследований на эту тему пока еще практически нет, но в прессе и в социальных сетях широко циркулируют различного рода толкования и объяснения случившегося. Эти попытки рационализировать происшедшее можно разделить на несколько групп.

Первая группа — это, естественно, всевозможные конспирологические теории. Поражение в войне и неподготовленность к войне описываются в терминах заговоров, предательств и злого умысла людей — обычно политиков, которым почему-либо было выгодно поражение Армении в войне и исчезновение Нагорно-Карабахской Республики как субъекта. То есть в конспирологической парадигме война была развязана и проиграна по причинам, имеющим отношение к личным обстоятельствам и целям отдельных людей и сил внутри Армении и за ее пределами. Конкретные виновники, причины и цели заговора варьируются в зависимости от политической ориентации говорящего, но схема в целом классическая, в особом анализе не нуждающаяся.

Вторая группа теорий — это политические обвинения. Сторонники политической оппозиции (часто представители прошлых элит, но не только они) объясняют происшедшее неопытностью и некомпетентностью новых властей, оказавшихся не способными реально управлять военной сферой, не сумевших правильно оценить вызовы в сфере безопасности и адекватно на них реагировать и проваливших командование боевыми действиями. Представители же новой элиты, наоборот, утверждают, что некомпетентность и неэффективность в сфере обороны накапливались три десятилетия и исправить их за два с небольшим года не было никакой возможности. Таким образом, виноватыми в поражении оказываются прежние власти. Подвариантом этой группы теорий является объяснение происшедшего коррупцией и дурным управлением как в армии, так и в элитах в целом, до «бархатной революции» 2018 г. или после, в зависимости от взглядов говорящего. Коррупцированные политики и генералы — старые, новые или и те и другие — были озабочены не обороной страны, но лишь собственным благосостоянием, потому и не подготовились к войне и не сумели ее предотвратить. И хотя политизированные обвинения популярны и за пределами собственно политических групп и партий, все они вписываются в парадигму острой политической поляризации армянского общества и, соответственно, как правило, являются проявлением политической позиции говорящего, а не результатом попытки непредвзятого осмысления.

Третья группа теорий объясняет происшедшее техническими факторами, в основном экономическим и военно-техническим. Экономическая концепция гласит, что Азербайджан богаче и имел возможность закупать дорогостоящие типы современных вооружений, а Армения этому не могла противостоять в принципе. Соответственно, разница технических уровней вооружения армий вследствие принципиально неравных финансовых возможностей в любом случае рано или поздно должна была привести к поражению Армении, а вовлечение Турции лишь приблизило этот момент. Что же до военно-технических объяснений, они многообразны, но в основном сводятся к отставанию Армении от прогресса в этой сфере. Это и недостаточное внимание к полевой фортификации и оборудованию позиций: система дотов, укрепрайонов, узлов обороны

и инженерных заграждений в ключевых точках так и не была создана более чем за 25 лет, прошедших с предыдущей войны, или как минимум была недостаточной. Это и совершенно недостаточная для войны в новых условиях ставка на ствольные и реактивные артсистемы, преобладавшая в армянской военной стратегии. Ну и самое главное, ряд специалистов утверждают, что Карабаху просто не повезло оказаться одним из первых испытательных полигонов новой военной технологии, в которой главную роль играют беспилотники и управляемые ракеты. Фактически в технике за последнее десятилетие произошла революция, в очередной раз кардинально изменившая технологию войны, и как ей противостоять, пока никто не знает. В этой теории дело не в деньгах, а именно в технологии: беспилотные несущие платформы для высокоточных средств поражения и разведки сравнительно недороги и становятся трендом во многих армиях мира, но так наглядно их эффективность была показана именно в этой войне. Тут нужно оговориться, что автор не обладает компетенцией для обсуждения военно-технических проблем и лишь перечисляет существующие объяснения случившегося.

Все приведенные выше теории, кроме конспирологической, описывают различные аспекты реальности и на первый взгляд в сумме как раз и образуют убедительную картину, объясняющую поражение Армении сочетанием внутренних факторов — коррупции, некомпетентности, неэффективного управления — с внешними, в первую очередь богатством Азербайджана и прямой военной помощью со стороны Турции. Однако пристальный взгляд позволяет выдвинуть тезис о том, что получающаяся в результате картина неполна, а значит, неверна.

Коррупция и дурное управление действительно могут влиять на подготовку к войне и управление боевыми действиями. Однако сложно предполагать, что уровень коррупции в Армении и в Азербайджане принципиально различался, причем в пользу Азербайджана. Обвинения конкретных политиков в конкретных злоупотреблениях могут быть справедливыми, но почему армянские политики всего за одно поколение изменились настолько, что перестали обращать внимание именно на ту проблему, которую еще 20 лет назад считали ключевой для страны, и почему общество им это позволило? Несравнимость ресурсов Азербайджана и Армении тоже не новость, она существовала и во время первой войны. Технический уровень вооружения Азербайджана и новые формы ведения войны, конечно же, серьезный фактор, но все это было совершенно ясно после вспышки в апреле 2016 г. Уже тогда можно было понять, какую роль сыграют в войне беспилотные аппараты, и принять меры. Этого не было сделано. Почему?

Ну и наконец, соседство Турции, специфика ее политики при Эрдогане, сирийский и ливийский кейсы вполне могли навести на мысль, что этот тип турецкой политики вполне может прийти на Южный Кавказ. Но и это оказалось

неожиданностью, хотя особые отношения Азербайджана с Турцией отнюдь не были секретом, а, наоборот, демонстрировались при всяком удобном случае.

Все это наводит на мысль, что причина катастрофы — не совокупность неблагоприятных обстоятельств, а нечто более глубинное.

Как так могло получиться?

Кроме перечисленных выше возможны и другие объяснения, не лежащие на поверхности и не столь обсуждаемые в прессе и соцсетях.

Так, причиной того, что экспертное сообщество не предсказало — попросту говоря, прохлопало — эту войну, можно считать специфику построения науки и политической аналитики в Армении и, шире, в постсоветских странах. Дело в том, что исследователи, занимающиеся постсоветским пространством, и исследователи, занимающиеся Ближним Востоком, разделены. Дискурсы их различаются, они практически не пересекаются на одних и тех же площадках, не участвуют в общих проектах. Возможность же активного участия Турции в конфликте на Южном Кавказе и тип этого участия можно было понять только на пересечении этих двух нарративов — постсоветского и ближневосточного. Турецкое поведение в конфликтах в Сирии, Ираке, Ливии и т. д. было модельным, применялись примерно один и тот же инструментарий, одна и та же стратегия. Однако специалисты по постсоветскому пространству воспринимали это как внешнее знание, не очень применимое к реальности предмета их изучения. И наоборот, тюркологи и ближневосточники изучали Ближний Восток, а не Кавказ. В итоге ключевой фактор войны, который мог бы быть осмыслен на примере операций с турецким участием на севере Сирии, оказался недостаточно учтен специалистами по постсоветскому пространству. Были, конечно, отдельные исключения, но в целом карабахский конфликт скорее воспринимался в ряду постсоветских, а не ближневосточных горячих точек, географически часто гораздо более близких.

Кроме того, имеет право на существование и несколько отстраненное объяснение, трудно дающееся тем, кого война задела за живое. Оно состоит в том, что люди ошибаются и по множеству разных причин могут неверно оценивать и собственные силы, и силы противника. Много раз в истории в разных частях мира войны проигрывались и, более того, вообще становились возможными именно из-за этого. Такой была война Судного дня 1973 г., от возможности которой израильская элита отмахивалась, считая ее, видимо, совершенно невозможной после Шестидневной войны. Такой была и российско-грузинская война 2008 г.: в ретроспективе ясно, что она не могла бы закончиться иначе. Тем не менее она произошла. Да и реакцию России на события на Украине, закончившуюся присоединением Крыма и отторжением Донбасса от Украины, несложно было предвидеть, и тем не менее случилось так, как случилось. Наконец, есть особенно наглядный случай — участие Франции в двух мировых войнах.

Героическая война, а затем победа Франции в четырехлетней Первой мировой войне — и всего 22 года спустя, меньше чем через поколение, так называемая Странная война, а затем сдача Парижа без боя, падение Франции за шесть недель, феномен коллаборационизма. Уже в июне 1940 г. глава нового вишистского правительства Франции маршал Филипп Петен в обращении к нации обвинил в поражении предыдущие правительства, а также атмосферу «распущенности и вседозволенности», приведшую к нежеланию французов воевать. К слову, Петен обладал большой личной популярностью, чего нельзя было сказать о де Голле.

Таким образом, случай Армении не единичен. Пример той же Франции показывает, что страна вполне может упокоиться на лаврах после убедительной победы и что резкая смена ориентиров общества, его готовности и умения сражаться может происходить за исторически короткий период.

Но с учетом этого исход второй карабахской войны видится следствием чего-то гораздо более фундаментального, чем просто совокупность внутренних и внешних обстоятельств и человеческих ошибок.

Ментальная карта

Победа армян в карабахской войне 1991–1994 гг. была следствием многих обстоятельств, коренящихся в специфике эпохи распада СССР. Жители Армении и армяне Карабаха были достаточно мобилизованы и неплохо организованы. Азербайджан же испытывал трудности ввиду внутренней турбулентности и фактически дисфункционального государства. Не углубляясь в причины такой разницы, можно сказать только, что последнее обстоятельство, сыгравшее огромную роль в исходе войны, оказалось недооценено в общественном мнении в Армении и в самой Нагорно-Карабахской Республике. Героизм, способность к самоорганизации, профессионализм военных, патриотический подъем — все эти обстоятельства, естественно, стали частью как официальной, так и народной идеологии. Состояние же Азербайджана, который в годы той войны переживал затяжной политический кризис, либо не рефлексировалось, либо воспринималось в качестве перманентного, а не временного. При этом последний год той войны был полноценной современной войной, с достаточно современной по тем временам техникой и, кстати, огромным количеством жертв с обеих сторон. В итоге шапкозакладательские настроения стали свойственны как минимум широкой публике в Армении и Карабахе, а как показала практика, также политикам и специалистам. Кроме того, война 1991–1994 гг. была частью процесса борьбы за независимость. Парадигма борьбы за свободу, выхода из советской изоляции и зависимости, прорыва в модерн, построения развитого демократического общества пронизывала все первые постсоветские годы в Армении и Карабахе. Героическая борьба Карабаха за свободу и самоопределение была ее неотъемлемой частью.

Добившись победы в войне, армянское общество продолжило мечтать о строительстве цивилизованного демократического государства, похожего на страны развитых демократий. Собственно, эти ожидания и настроения, с той или иной степенью наивности, распространены во всех обществах бывшего советского пространства, в которых есть хотя бы элементы плюральности, свободы прессы и ротации элит. При этом почти сразу модерн стал ассоциироваться с Западом, а старое, постсоветское или даже советское — с бывшей метрополией, Россией. В то же время жесткая повестка обеспечения безопасности привела Армению к острой необходимости союза с Россией. В условиях членства Турции в НАТО и наличия энергоресурсов у Азербайджана такого рода политика виделась безальтернативной.

Общественные же настроения продолжали рассматривать развитие через вестернизацию, заимствование институтов и практик у развитых демократий. Общество расценивало потребность в интеграции с Западом как путь к строительству нужных институций внутри страны. Собственно говоря, это обычный постколониальный синдром, выросший и заполнивший своими парадигмами почти все дискурсивное пространство Армении, от социальных сетей до заявлений политиков. За два десятилетия после войны он разросся и восторжествовал до такой степени, что молодые армянские революционеры победили в «бархатной революции», исключительно пользуясь социальной риторикой. Проблема Карабаха лежала далеко на периферии их дискурсов. Молодежь вышла на улицы с требованием социальной справедливости, а затем общество проголосовало за молодых революционеров.

К тому времени почти за 30 лет независимости в Армении выросло поколение, в отличие от отцов и дедов воспитанное не в модернизированной — пусть и в советском смысле — стране, не в наукоемкой, индустриальной — пусть и нерыночной и неэффективной — экономике, а в архаизирующейся экономической и социальной реальности страны третьего мира, с соответствующей деградацией образования и общественных дискурсов.

Возможно, именно неизбежная демодернизация привела к 30-летней неспособности Армении выйти из ментальной изоляции в постсоветском пространстве. У нового поколения ментальная география построена уже не на советской вертикальной матрице «центр — периферия», а на векторной модели «запад — восток», где запад — это в первую очередь Европа, а восток — это все то же постсоветское пространство, только без стран Балтии, которые как раз являют собой образец правильного движения по вектору.

В результате картина мира нового поколения зиждется на простой дихотомии архаичного постсоветского и цивилизованного западного. В этой картине мира карабахская война 1991–1994 гг. воспринимается не как актуальное событие, а как история. Актуальные же стремления нации и государства видятся как борьба за модернизацию, которую тормозит лишь логика старого советского

мира. Конечно, карабахский конфликт был актуален и часто напоминал о себе обострениями, но вплоть до второй карабахской войны в Армении среди молодежи популярными были дискурсы о том, что настоящим оружием является не железо, а демократия и права человека и что, добившись развития, можно добиться и урегулирования конфликта. Тем более что Азербайджан проиграл первую войну, а Восток и Запад не дадут ему развязать вторую (тут можно предположить, что модель «центр — периферия» подспудно тоже продолжает действовать, просто центров стало два).

При чтении армянских СМИ создается впечатление, что Армения находится где-то в Атлантическом океане между Брюсселем, Вашингтоном и Петербургом. О событиях в Мосуле, Африне или Тавризе прочитать в прессе практически невозможно. А если можно, то в переводах материалов западных или российских СМИ. Может показаться, что от Армении до Брюсселя или даже Владивостока гораздо ближе, чем до Африна или Идлиба. Психологически так оно и есть, а между тем расстояние по прямой от Армении до северных районов Сирии или Ирака меньше расстояния от Москвы до Петербурга. Армения ментально живет не в том регионе, в котором находится географически.

Партнерство между Азербайджаном и Турцией развивалось с 1990-х гг., а участие Турции в сирийском конфликте явно показывало специфику курса этой страны при Эрдогане и готовность ее на весьма самостоятельную и жесткую политику в сопредельном ей регионе. Пространство вокруг Армении все больше и больше превращалось в пространство соперничества и нестабильности.

Тем временем армянские дискурсы и поныне строятся вокруг необходимости выбора между прозападным и пророссийским путями развития. Опять же, в этих спорах нет ничего оригинального, они бушуют на всем постсоветском пространстве. Просто реальная география Армении несколько другая, чем у стран Балтии или даже у Белоруссии. Она и напомнила о себе 27 сентября 2020 г.

Послесловие. В ожидании новой бури?

44-дневная вторая карабахская война, разразившаяся осенью 2020 г., поворотный пункт не только для участвовавших в ней Армении и Азербайджана. Она изменила политический и военный баланс сил на Южном Кавказе, способствовала дальнейшему возвышению Турции как региональной державы, обозначила действительные пределы влияния России в Закавказье и степень реальной заинтересованности США и стран Евросоюза в этой части постсоветского пространства. Достижение Азербайджаном господства в воздухе с помощью беспилотников и барражирующих боеприпасов стало не только одним из главных факторов, решивших исход войны, но и дальнейшим развитием военного искусства в вооруженных конфликтах такого масштаба.

В стратегическом отношении война в Нагорном Карабахе не была неожиданной для внимательных наблюдателей. Еще несколько лет назад Центр анализа стратегий и технологий выпустил книгу под названием «В ожидании бури: Южный Кавказ». Сейчас, год спустя после разразившейся в сентябре 2020 г. бури, исследователи ЦАСТ и приглашенные коллеги в новой коллективной работе под редакцией Руслана Пухова и безвременно ушедшего Константина Макиенко подводят итоги войны и размышляют о ее уже видимых и потенциальных последствиях. С учетом того, как быстро и мощно возобновился армяно-азербайджанский конфликт после 26-летней заморозки, нынешнее положение в Нагорном Карабахе нельзя считать устойчивым. А раз так, нужно не только учить уроки недавней войны, но и следить за заданной ею динамикой.

Прежде всего, придется исходить из того, что итоги вооруженного конфликта, шокировав побежденных и нанеся им глубокую рану, не полностью удовлетворили и победителей. Если возможностей для армянского реванша в обозримой перспективе не видится, то Азербайджан будет добиваться полного и окончательного восстановления контроля над всей территорией Нагорного Карабаха. В непростом положении оказалась и Россия, о чем подробно написали в своей главе Пухов и Макиенко. Некоторые международные аналитики поспешили назвать соглашение о прекращении огня и развертывании в Карабахе миротворческих сил России победой Москвы, войска которой теперь будут дислоцированы на международно признанных территориях всех трех государств — Армении (база в Гюмри), Азербайджана (миротворцы в Нагорном

Карабахе) и Грузии (контингенты, дислоцированные в пределах признанных только Россией и еще несколькими государствами Абхазии и Южной Осетии).

Такой взгляд не только поверхностен, но и по существу неверен. Оставляя в стороне ситуацию с российскими базами в Армении, Абхазии и Южной Осетии, надо отметить условность российского миротворческого присутствия в Карабахе. Пятилетний мандат российских миротворцев здесь, то есть фактически временный статус еще остающейся в руках карабахских армян территории как протектората России, допускает его продление, но такое продление, если оно произойдет, не будет легким, тем более автоматическим. Вместе со своей союзницей Анкарой Баку уже пытается оказывать давление на Москву в пользу полного возврата региона под азербайджанский контроль.

Таким образом, нынешний статус-кво в регионе изначально неустойчив. Прежняя российская ставка на долгосрочное поддержание баланса между союзной Арменией и партнерским Азербайджаном при сохранении за Москвой роли арбитра, контролирующего ситуацию в зоне конфликта, нереальна. Перемирие, установленное при посредничестве Москвы в 1994 г., продержалось больше четверти века, но в конце концов оно не предотвратило новую войну. Попытаться вновь конструировать что-то аналогичное на обломках Нагорного Карабаха бессмысленно.

Пока что российское руководство сравнительно успешно маневрирует на тактическом уровне. Москва, удержав равновесие между противниками во второй карабахской войне, сохранила Армению в статусе союзника, а Азербайджан в качестве партнера; признав реальность турецкого присутствия на Кавказе, отчасти сохранила лицо как единственный посредник между Ереваном и Баку; обозначила готовность работать с любым руководством Армении, которое будет лояльно интересам России. При этом Россия умело избегает обсуждения вопроса о статусе Нагорного Карабаха. Все эти маневры хороши, но они либо уже отыграны в ходе отгремевшей войны, либо сохраняют значение исключительно с точки зрения выигрыша времени. В этой последней части нужно озаботиться тем, чтобы не упустить время.

В стратегическом отношении Москва обозначила курс на продвижение проектов экономического сотрудничества между враждующими сторонами, повышение внутренней связанности расколотого с момента распада СССР региона, развитие транспортных и других коммуникаций как по линии север — юг, так и по линии восток — запад. С рациональной точки зрения это правильный подход, и его имеет смысл развивать, постоянно добиваясь конкретных частных результатов. В какой-то момент, аккумулировавшись, наработанный позитив может в принципе изменить динамику ситуации. На практике нечто подобное в свое время пытались применить для преодоления арабо-израильского конфликта и построения «нового Ближнего Востока». Нет особых причин считать, что на Южном Кавказе, где сталкиваются интересы многих игроков,

в том числе внерегиональных, и где существует ряд застарелых конфликтов, связанных с Грузией, результаты могут оказаться более впечатляющими.

Отсылка к Ближнему Востоку не случайна. С углубляющимся необратимым распадом постсоветского пространства как постимперской общности Закавказье, все дальше отходя от России, постепенно примыкает к Ближневосточному региону, становясь в перспективе его частью. Об этом хорошо написал известный ереванский политолог Александр Искандарян. Слабая степень участия США и Франции в усилиях по прекращению огня в Карабахе симптоматична. Это не ситуативный дефицит внимания. Турция, Иран и Израиль, а не Америка с Европой все больше влияют на происходящее в Азербайджане и Армении и между ними. Это обстоятельство должно ориентировать российскую политику на поиск более адекватных подходов к закавказским соседям — в более широком ближневосточном, а не постсоветском или российско-западном контексте.

Можно утверждать, что в сложившихся после второй карабахской войны условиях России необходимо новое целеполагание в Закавказском регионе в целом и в армяно-азербайджанском конфликте в частности. Нужна и соответствующая стратегия защиты и продвижения своих национальных интересов.

Многoletние усилия России и других сопредседателей Минской группы ОБСЕ по Нагорному Карабаху приводят к однозначному выводу. Окончательное решение карабахского конфликта по-прежнему не может быть достигнуто исключительно дипломатическим путем, на межправительственном уровне. Мирный путь требует реального движения широких групп элит и в целом обществ двух стран к примирению, что в обозримом будущем практически невероятно. Военный способ решения вопроса существует, но он предполагает прямое столкновение с российскими миротворцами. Это серьезное препятствие, но его вряд ли стоит считать абсолютно непреодолимым для стороны, которая при внешней военной поддержке попытается решить вопрос в свою пользу. Ставки для России, таким образом, сейчас колоссально выросли по сравнению с первой и второй войнами в Карабахе. Российские войска уже стоят между азербайджанцами и армянами. Отстраниться у Москвы в таких условиях не получится, а выход из игры под давлением извне чреват для нее огромными репутационными потерями.

Стратегической целью России на армяно-азербайджанском направлении на ближайшие пять лет может стать в связи с этим не достижение прочного мира в Карабахе на основе взаимоприемлемого мирного договора, что вряд ли осуществимо, а предотвращение третьей войны в регионе. Такая война имела бы для России гораздо более неблагоприятные последствия, чем конфликт 2020 г. Достижение этой цели возможно при сочетании уже обозначившейся линии на восстановление экономического взаимодействия между сторонами конфликта и развитие логистических связей по оси север — юг с активной политикой

в отношении Армении, Азербайджана, а также Турции и Ирана. Целью может являться не только привлечение этих игроков к работе по восстановлению связанности Южного Кавказа, но главным образом недопущение давления с их стороны на Россию.

В рамках такого подхода необходимо переосмыслить и перезагрузить отношения России с Арменией. Целью политики России здесь может быть сохранение союзнических и партнерских отношений с Арменией, но на прагматичной основе интересов сторон. Москва уже продемонстрировала, что она не собирается вмешиваться во внутренние дела Еревана, этого принципа стоит держаться и впредь. Внешнеполитическая и экономическая ориентация Армении — дело самих армян, но в связи с этим Москве необходимо дать ясно понять Еревану, что любое решение в этом направлении будет иметь конкретные последствия для отношений с Россией. Членство Армении в ЕАЭС должно быть выгодным обеим сторонам, а обязанности партнеров в сфере безопасности и обороны нужно не только четко прописать, но и ясно и публично проговорить.

Отношения с Азербайджаном, связи которого с Турцией приобретают принципиально более тесный характер, также требуют переоценки и корректировки. Целью Москвы может стать сохранение дружественных партнерских отношений с Баку, экономических, культурных и научных связей, исключение превращения Азербайджана в сателлита Турции. Целесообразно, однако, предметно давать понять Баку, насколько ценными для него являются добрые отношения с Москвой. В нынешних условиях многовекторность внешней политики Баку, его балансирование между Москвой и Анкарой — максимум, который возможен.

После второй карабахской войны российская стратегия обязана учитывать политическое и военное присутствие в Закавказье члена НАТО и амбициозной региональной державы Турции, сыгравшей ключевую роль в подготовке и проведении успешной наступательной операции вооруженных сил Азербайджана в Карабахе. Москва уже признала это присутствие, согласившись с участием турецких военных в работе совместного мониторингового центра в Агдаме. Вместе с тем дальнейшая военно-политическая экспансия Турции на Кавказе будет иметь негативные последствия для российской безопасности. Ее необходимо остановить, указывая, если потребуется, на уязвимость позиций Турции в других регионах.

Российско-турецкие отношения, сочетающие элементы как соперничества, так и сотрудничества, становятся более конкурентными по мере расширения влияния и амбиций Анкары не только в странах, входивших в состав Османской империи, но и в тюркоязычных государствах Туркестана и Средней Азии, а также на российском Северном Кавказе, в Крыму, Абхазии и других регионах. Успешное турецкое вмешательство в карабахский конфликт ощутимо расширило основу этого влияния. Усилия Турции по формированию

союза с Азербайджаном и Туркменией уже сейчас создают новую ситуацию на Каспии. Прямое столкновение с Турцией не в интересах России, но отступление под ее напористостью неприемлемо. Турецкое направление заслуживает специальной стратегии, в которой партнерство и противоборство оказываются диалектически связаны.

Наконец, важные выводы должны быть сделаны на военном уровне. Вторая карабахская война, как убедительно пишут Даглас Барри, Леонид Нерсисян и Марк Казалет, стала наглядным примером того, как революция в военном деле проявляется на уровне локальных военных конфликтов. Для России рубежа 1990-х гг. Нагорный Карабах стал первым звеном в длинной цепочке вооруженных конфликтов на территории распадавшегося Советского Союза. Во все эти конфликты Россия была так или иначе вовлечена с самого начала. Москва поэтому не может не учитывать влияния итогов недавней кавказской войны на мышление и возможные действия руководства Украины в отношении Донбасса или Грузии в отношении Абхазии и Южной Осетии. В особом, географически изолированном положении находится и небольшой российский воинский контингент в Приднестровье. Очевидно, что во всех этих регионах необходимы уточнение и коррекция не только политической, но и военной стратегии. Книга, которую подготовил ЦАСТ, является приглашением к дальнейшим серьезным размышлениям.

Об авторах

Даглас Барри — старший научный сотрудник Международного института стратегических исследований (IISS, Лондон) с 2010 г. В течение десяти лет до прихода в IISS занимал пост руководителя лондонской редакции журнала *Aviation Week & Space Technology*. Ранее работал журналистом, специализируясь на оборонной и авиакосмической промышленности. Сотрудничал с такими изданиями, как *Janes Defense Weekly*, *Flight International*, *Defense News*.

Георгий Дерлугьян — профессор социологии Нью-Йоркского университета в Абу-Даби. Африканист по университетскому образованию, в 1980-е гг. работал в Мозамбике в период гражданской войны. Затем вел аналогичные полевые исследования в южных республиках бывшего СССР. Лауреат премий Норберта Элиаса, Эндрю Карнеги, Американской социологической ассоциации. Книги «Адепт Бурдые на Кавказе» (2005 г.) и «Есть ли будущее у капитализма?» (в соавторстве) переведены на 17 языков, включая корейский, словенский, арабский, турецкий, немецкий, финский и русский.

Александр Искандарян — политолог, директор ереванского Института Кавказа с 2005 г. (в 2002–2005 гг. — замдиректора по науке). Сфера научных интересов — этнополитические конфликты, посткоммунистические трансформации и нациестроительство в бывшем СССР в целом и на Кавказе в частности. С начала 1990-х гг. специализируется на конфликтах на Южном и Северном Кавказе, избирательных процессах и становлении постсоветских идентичностей. Автор и руководитель исследований по миграции, региональной интеграции, развитию СМИ и формированию общественных дискурсов.

Марк Казалет — старший аналитик-исследователь *Janes* (Великобритания) и редактор издания *Janes: Artillery and Air Defence*. В прошлом был редактором издания *Janes: Firepower, Survivability and Mobility*. До перехода в *Janes* работал в Программе по оборонному и военному анализу Международного института стратегических исследований (IISS, Лондон). Марк владеет русским языком и имеет степень магистра в области конфликтов, безопасности и развития, полученную в Королевском колледже Лондона.

Антон Лавров — корреспондент отдела армии газеты «Известия» (с 2019 г.). Родился в 1978 г., окончил Тверской государственный технический университет. С 2008 г. специализируется на изучении российских вооруженных сил, современных вооруженных конфликтов с участием России и войн на постсоветском пространстве. Автор и соавтор 14 книг и свыше 60 публикаций на эту тематику. В 2018 г. был приглашенным исследователем в Центре стратегических и международных исследований (CSIS) в Вашингтоне, США.

Константин Макиенко (1969–2021) — основатель Центра анализа стратегий и технологий, занимал должность заместителя директора по науке. В 1995 г. окончил МГИМО МИД России. Автор многочисленных аналитических статей по темам оборонной промышленности, военно-технического сотрудничества, международных отношений. Редактор книг «Союзники» (2020 г.), «Мировой рынок вооружений: структура, тенденции, вызовы» (2018 г.), «В ожидании бури: Южный Кавказ» (2018 г.) и др.

Сергей Маркедонов — ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Международная аналитика». Специалист по этнополитическим процессам, проблемам национализма и нацистроительства, конфликтам на постсоветском пространстве и европейской безопасности. Кандидат исторических наук. Автор более 50 научных публикаций, а также многочисленных экспертно-аналитических докладов и комментариев в СМИ. В 2010–2013 гг. — приглашенный научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований (CSIS) в Вашингтоне, США. В 2014–2016 гг. был приглашенным лектором и исследователем в Институте гуманитарных исследований (IWM) в Вене, Австрия; в Фуданьском университете в Шанхае, КНР; в Немецком обществе внешней политики (DGAP) в Берлине, ФРГ; в Центре евразийских исследований в Университете Мумбаи, Индия.

Леонид Нерсисян — военный аналитик, директор аналитического центра Armenian Research & Development Institute (ARDI), внештатный автор британских изданий Janes и Shephard Media. Автор многочисленных аналитических работ о российском и зарубежном вооружении, военно-техническом сотрудничестве, вооруженных конфликтах, военно-политической ситуации на Южном Кавказе и нагорнокарабахском конфликте.

Руслан Пухов — основатель и директор Центра анализа стратегий и технологий с 1997 г. Окончил факультет международной информации МГИМО МИД России в 1994 г. и франко-российскую магистратуру по политическим наукам и международным отношениям в 1996 г. Входит в состав Общественного совета

при Министерстве обороны Российской Федерации. Редактор книг «Военная разведка» (2021 г.), «Солдаты необъявленных войн: силы специальных операций» (2020 г.), «Персидский бастион» (2019 г.) и др.

Дмитрий Тренин — директор Московского центра Карнеги (с 2008 г.). В 1972–1993 гг. — в Советской, затем Российской армии. Окончил Военный институт Министерства обороны СССР. Служил в Ираке, ГДР и Западном Берлине, Швейцарии, Италии. Автор книг о внешней политике России и международных отношениях, опубликованных в России, США, Великобритании, Германии, Китае и Японии. Последняя работа — «Новый баланс сил. Россия в поисках внешнеполитического равновесия» (М.: Альпина, 2021 г.).

Керим Хас — кандидат политических наук, независимый эксперт в области международных и турецко-российских отношений. Специализируется также на проблемных аспектах внешней политики России и Турции на постсоветском пространстве, вопросах энергетической стратегии и политики безопасности в Евразии. В период 2013–2016 гг. работал в качестве эксперта в отделе евразийских исследований в Международной организации стратегических исследований (USAK) в Анкаре и был ее представителем в Москве.

Максим Шеповаленко — заместитель директора Центра анализа стратегий и технологий. В 1985 г. окончил факультет восточных языков Военного Краснознаменного института, в 1997 г. — юридический факультет Российского государственного гуманитарного университета. С 1980 по 1997 г. проходил службу в Вооруженных силах СССР и России. Капитан 2 ранга в запасе. Редактор книги «Сирийский рубеж» (2016 г.).

Список источников и литературы

- 1 По оценкам опроса компании MPG — партнера Gallup International в Армении (18–21 мая), 38,3% граждан считают, что Армения в ситуации с Сюником и Гегаркуником может надеяться на военно-политическое содействие со стороны России и Владимира Путина, 31,3% надеются на поддержку Франции, 23,8% — США. Ранее такого выравнивания уровня популярности России и западной державы — члена НАТО в армянских социологических исследованиях замечено не было.
- 2 Армянские вооруженные силы совершили масштабные провокации по всей протяженности фронта // Официальный сайт Министерства обороны Азербайджанской Республики, 27.09.2020, <https://mod.gov.az/ru/news/armyanskie-vooruzhennye-sily-sovershili-masshtabnye-provokacii-po-vsej-protyazhennosti-fronta-32312.html>.
- 3 *Кривошеев К., Халатян А.* Турецкоподанные: ради демонстрации солидарности Анкары с Баку в Азербайджане объявлены военные учения // Коммерсантъ, 29.07.2020, <https://www.kommersant.ru/doc/4433841>.
- 4 МВД объяснило, для чего регистрируются частные внедорожные автомобили // Sputnik Азербайджан, 22.09.2020, <https://az.sputniknews.ru/life/20200922/424996811/pikap-vojna-konfiskacija.html>.
- 5 Провал операций, недостаток оружия, отказ выполнять команды: разоблачения Самвела Бабаяна о 44-дневной войне // Аравот, 14.12.2020, <https://www.aravot.ru.am/2020/12/14/346717/>.
- 6 Непокоренный летчик — полковник Заур Нудиралиев // АзерТадж, 26.12.2020, https://azertag.az/ru/xeber/Неpokorenniy_letchik___polkovnik_Zaur_Nudiraliev-1675493.
- 7 *Мураховский В.* Небо Карабаха // Арсенал Отечества, 18.01.2021, <https://arsenal-otchestva.ru/article/1385-nebo-karabakha>.
- 8 Армения передала Азербайджану карту минных полей в обмен на 15 военных // РИА Новости, 12.06.2021, <https://ria.ru/20210612/obmen-1736807024.html>.
- 9 Веб-страница: <https://www.youtube.com/watch?v=PmVjR9bdLS0>.
- 10 *Батлер Э.* «Смерть была вокруг нас повсюду». Сирийские наемники вспоминают, как воевали в Карабахе // BBC, 11.12.2020, <https://www.bbc.com/russian/features-55277179>.
- 11 Непокоренный летчик — полковник Заур Нудиралиев...
- 12 Там же.
- 13 Ширится парк армянских Т-90: заявлено о захвате у азербайджанских войск новейших танков // Военное обозрение, 03.10.2020, <https://topwar.ru/175755-shiritsja-park-armjanskih-t-90-u-azerbajdzhana-zahvacheny-novejshie-tanki.html>.
- 14 Посчитано по материалу «Первые дни второй войны. Карабах 2020. Часть 1» // Lost Armour, <https://lostarmour.info/articles/pervye-dni-vtoroy-voyny-karabah-2020/>.
- 15 Первые дни второй войны. Карабах 2020. Часть 2 // Lost Armour, <https://lostarmour.info/articles/pervye-dni-vtoroy-voyny-karabah-2020-chast-2/>.
- 16 Веб-страница: https://www.youtube.com/watch?v=wJ22q_Kx5Lw&t=295s.
- 17 В НКР заявили об уничтожении военного аэропорта Азербайджана в Гяндже // Интерфакс, 04.10.2020, <https://www.interfax.ru/world/729872>.
- 18 Остальные дни второй войны. Карабах 2020. Замечания и рассуждения // Lostarmour, <https://lostarmour.info/articles/ostalnye-dni-vtoroy-voyny-karabah-2020-zamechaniya-i-rassuzhdeniya/>.

- 19 Кабмин Армении запретил выезд из страны всех мужчин из мобрезерва старше 18 лет // ТАСС, 28.10.2020, <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9573723>.
- 20 Провал операций, недостаток оружия, отказ выполнять команды: разоблачения Самвела Бабаяна о 44-дневной войне // Аравот, 14.12.2020, <https://www.aravot.ru.am/2020/12/14/346717/>.
- 21 Атаасунцев А. Проблемы с управлением, вооружением, разведкой // РБК, 03.12.2020, <https://www.rbc.ru/politics/03/12/2020/5fc4c9009a7947073283ef15>.
- 22 Поражение зенитной ракетной системы С-300ПС вооруженных сил Армении // BMPD, 11.10.2020, <https://bmpd.livejournal.com/4161634.html>.
- 23 Барабанов И., Катаева М. «Дальше — война». Мертвые города и жизнь у линии фронта в зоне карабахского конфликта // BBC, 10.10.2020, <https://www.bbc.com/russian/features-54490812>.
- 24 Беседа с Техраном Мансимовым: Меня хотели оставить в штабе, но я напросился на передовую. Часть 1 // The First News, 23.01.2021, <https://1news.az/news/20210122041401459-Beseda-s-Tekhranom-Mansimovym-Menya-khoteli-ostavit-v-shtabe-no-ya-naprosilsya-na-predovuyu-Chast-1>.
- 25 Яптарова Л. Состояние отчаяния, понимаешь? Как двое армянских добровольцев две недели выбирались из окружения, а вся их страна в это время разочаровалась в России // Медуза, 20.11.2020, <https://meduza.io/feature/2020/11/20/sostoyanie-otchayaniya-ponimaesh>.
- 26 Беседа с Техраном Мансимовым...
- 27 The Fight For Nagorno-Karabakh: Documenting Losses On The Sides Of Armenia And Azerbaijan // Oryx Blog, 27.09.2020, <https://www.oryxspioenkop.com/2020/09/the-fight-for-nagorno-karabakh.html>.
- 28 ВС Армении провели ракетный обстрел водопровода Огуз — Габала — Баку // Вестник Кавказа, 22.10.2020, <https://vestikavkaza.ru/news-vs-armenii-proveli-raketnyj-obstrel-vodoprovoda-oguz-gabala-baku.html>.
- 29 Трамп заявил о прогрессе в решении конфликта в Нагорном Карабахе // Интерфакс, 23.10.2020, <https://www.interfax.ru/world/733960>.
- 30 Стали известны имена погибших в результате ракетного удара армянских ВС по Барде — СПИСОК // 1News, 28.10.2020, <https://1news.az/news/20201028024032863-Stali-izvestny-imena-pogibshikh-v-rezultate-raketnogo-udara-armyanskikh-VS-po-Barde-SPISOK-FOTO-VIDEO-OBNOVLENO>.
- 31 Уничтожены еще две РСЗО «Смерч» противника, обстрелявшие города Барда и Тертер, — видео // Sputnik Азербайджан, 30.11.2020, <https://az.sputniknews.ru/karabakh/20201030/425342130/unichtozheny-smerch-barda-terter.html>.
- 32 Степанакерт сообщает о тяжелых боях в Аскеранском районе // Sputnik Армения, 29.10.2020, <https://ru.armeniasputnik.am/karabah/20201029/25104796/Stepanakert-soobschaet-o-tyazhelykh-boyakh-v-Askeranskom-rayone.html>.
- 33 Алиев рассказал об «успешном продолжении» военной операции в Карабахе // REGNUM, 01.11.2020, <https://regnum.ru/news/polit/3104427.html>.
- 34 Веб-страница: <https://militarymaps.info/mark/id520985>.
- 35 Армия обороны НКР сдерживает противника в Адском ущелье под Шуши — видео // EurAsia Daily, 07.11.2020, <https://eadaily.com/ru/news/2020/11/07/armiya-oborony-nkr-sderzhivaet-protivnika-v-adskom-ushchele-pod-shushi-video>.
- 36 Веб-страница: https://mobile.twitter.com/Mukhtarr_MD/status/1354331256721465350.
- 37 Обломки «Искандера» в Шуше: разбор от российского военного эксперта — ФОТО // Caliber, 07.04.2021, <https://caliber.az/post/oblomki-iskandera-v-gorode-susa-razbor-ot-rossiiskogo-voennogo-eksperta-foto-4475>.
- 38 В Шуши после боев найдено свыше 300 тел погибших — Пашинян о битве за город // Sputnik Армения, 16.11.2020, <https://ru.armeniasputnik.am/karabah/20201116/25359779/V-Shushi-posle-boev-naydeno-svyshe-300-tel-pogibshikh--Pashinyan-o-bitve-za-gorod.html>.

- 39 Пашинян объяснил решение по Карабаху угрозой полного коллапса // Интерфакс, 11.11.2020, <https://www.interfax.ru/world/736543>.
- 40 Алиев: Баку передал Еревану около 1600 тел армянских военнослужащих, погибших в Карабахе // ТАСС, 10.05.2021, <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11336305>.
- 41 Тела более 300 погибших армянских военных были вынесены из города Шуша после боев — Пашинян // Интерфакс-Азербайджан, 16.11.2020, <http://interfax.az/view/819745>.
- 42 Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // Официальный сайт Президента России, 10.11.2020, <http://kremlin.ru/events/president/news/64384>.
- 43 Веб-документ: <https://mod.gov.az//images/pdf/e6b76107ea25563388c2b8a28c09ba90.pdf>.
- 44 Пашинян заявил о гибели более 3700 армянских военных в 2020 году в Карабахе // Интерфакс, 17.06.2021, <https://www.interfax.ru/world/772708>.
- 45 Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации...
- 46 Данные, подтвержденные фото- и видеоматериалами. По азербайджанской стороне они заведомо неполны, так как противоположная сторона не располагала большим количеством дронов и барражирующих боеприпасов, способных вести видеосъемку. В число потерь включены уничтоженные, захваченные и поврежденные боевые машины.
- 47 Путин назвал имена погибших членов экипажа сбитого Азербайджаном Ми-24 // РИА Новости, 10.11.2020, <https://ria.ru/20201110/pogibshie-1583988459.html>.
- 48 *Vukosavljević Z.* Okršaji azerbejdžanskih dronova i sistema PVO Jermenije: Koje su lekcije za Srbiju? // Tango Six, 20.10.2020, <https://tangosix.rs/2020/20/10/analiza-okrsaji-azerbejdžanskih-dronova-i-sistema-pvo-jermenije-koje-su-lekcije-za-srbiju/>.
- 49 Веб-страница: <https://twitter.com/RALee85/status/1392598791728025604>.
- 50 Веб-страница: <https://twitter.com/RALee85/status/1310640395550949377>.
- 51 Веб-страница: <https://www.oryxspioenkop.com/2020/09/the-fight-for-nagorno-karabakh.html>.
- 52 *Hubbard B., Karasz P., Reed S.* Two Major Saudi Oil Installations Hit by Drone Strike, and U.S. Blames Iran // The New York Times, 14.09.2019, <https://www.nytimes.com/2019/09/14/world/middleeast/saudi-arabia-refineries-drone-attack.html>.
- 53 *Trevitbick J.* Here's All The New Info You Need To Know In The Aftermath Of The Saudi Oil Facilities Attacks // The Drive, 18.09.2019, <https://www.thedrive.com/the-war-zone/29918/heres-all-the-new-info-you-need-to-know-in-the-aftermath-of-the-saudi-oil-facilities-attacks>.
- 54 *Kalin S., Westall S.* Costly Saudi defenses prove no match for drones, cruise missiles // Reuters, 17.09.2019, <https://www.reuters.com/article/us-saudi-aramco-security-idUSKBN1W22FR>.
- 55 *Egozi A.* Azerbaijan requires more Israeli UAVs for border conflict // FlightGlobal, 27.04.2016, <https://www.flightglobal.com/civil-uavs/azerbaijan-requires-more-israeli-uavs-for-border-conflict/120411.article/>.
- 56 *Kucera J.* Azerbaijan Makes Massive Israeli Weapons Purchase — But Not Because of Iran // Eurasianet, 27.02.2012, <https://eurasianet.org/azerbaijan-makes-massive-israeli-weapons-purchase-but-not-because-of-iran>.
- 57 Веб-страница: <https://twitter.com/RALee85/status/1336080822663860225>.
- 58 Веб-страница: <https://twitter.com/MarkGreenmantle/status/1283077799738109952>.
- 59 Веб-страница: <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Buk-M1-2.jpg>.
- 60 Местный источник автора.
- 61 Самвел Бабаян рассказал о причинах поражения во второй Арцахской войне // Armenia Today, 13.12.2020, <https://armeniatoday.news/repblicofartsakh/211628/>.
- 62 Веб-страница: <https://diana-mihailova.livejournal.com/5844055.html>.
- 63 Веб-страница: <https://twitter.com/RALee85/status/1336082881727389699>.
- 64 *Нерсисян Л.* Новейшее российское оружие в Армении: что это значит? // Regnum, 13.04.2017, <https://regnum.ru/news/polit/2263041.html>.

- 65 Веб-страница: <https://www.kbm.ru/ru/production/pzrk/795.html>.
- 66 ПЗРК «Верба» будут устанавливать на корабли и вертолеты // Пресс-служба ГК «Ростех», 12.01.2016, <https://rostec.ru/news/4517627/>.
- 67 Веб-страница: <https://www.roketsan.com.tr/en/product/mam-c-smart-micro-munition/>.
- 68 Веб-страница: <https://www.roketsan.com.tr/en/product/mam-l-smart-micro-munition/>.
- 69 *Roblin S.* What Open Source Evidence Tells Us About The Nagorno-Karabakh War // Forbes, 23.10.2020, <https://www.forbes.com/sites/sebastienroblin/2020/10/23/what-open-source-evidence-tells-us-about-the-nagorno-karabakh-war/>.
- 70 *Шарапов А.* Уроки Карабаха: как беспилотные технологии меняют правила ведения войны // Армейский стандарт, 22.12.2020, <https://armystandard.ru/news/20201222953-okMUN.html>.
- 71 Веб-страница: <https://diana-mihailova.livejournal.com/5844055.html>.
- 72 Веб-страница: <https://twitter.com/RALee85/status/1343109941427634179>.
- 73 Веб-страница: <https://twitter.com/RALee85/status/1392111247525617672>.
- 74 Веб-страница: <https://twitter.com/RALee85/status/1400863243804020739>. По мнению Роберта Ли, на видеозаписи, предположительно, запечатлен ЗРК «Оса-АКМ», однако автор настоящей статьи убежден, что это «Тор».
- 75 Веб-страница: <https://diana-mihailova.livejournal.com/5998978.html>.
- 76 Веб-страница: <https://twitter.com/RALee85/status/1325899348564201472>.
- 77 По информации местного источника автора.
- 78 Разгадана причина точности ударов Азербайджана по позициям армян // Репортер, 10.01.2021, <https://topcor.ru/18137-razgadana-prichina-tochnosti-udarov-azerbajdzhana-po-pozicijam-armjan.html>.
- 79 The Military Balance, International Institute for Strategic Studies, Volume 117, Issue 1 (2017), p. 200.
- 80 *Нерсисян Л.* ВПК Армении продемонстрировал технологический скачок на «Армии-2019» // Regnum, 01.07.2019, <https://regnum.ru/news/2657843.html>.
- 81 *Mitzer S., Oliemans J.* The Fight For Nagorno-Karabakh: Documenting Losses On The Sides Of Armenia And Azerbaijan // Oryx, 27.09.2020, <https://www.oryxspioenkop.com/2020/09/the-fight-for-nagorno-karabakh.html>.
- 82 *Шарапов А.* Уроки Карабаха: как беспилотные технологии меняют правила ведения войны...
- 83 Там же.
- 84 Там же.
- 85 Там же.
- 86 *Советкин С.* Нагорный Карабах. Тактика сторон // Военное обозрение, 05.10.2020, <https://topwar.ru/175785-taktika-po-video.html>.
- 87 *Brabms J.* Azerbaijan Reportedly Convert Ancient AN-2 Biplanes into Drones // Overt Defense, 05.10.2020, <https://www.overtdefense.com/2020/10/05/azerbaijan-reportedly-convert-ancient-an-2-biplanes-into-drones/>.
- 88 Веб-страница: https://twitter.com/IISS_org/status/1324715421044494336/photo/1.
- 89 *Mitzer S., Oliemans J.* The Fight For Nagorno-Karabakh: Documenting Losses On The Sides Of Armenia And Azerbaijan...
- 90 Ibid.
- 91 Ibid.
- 92 Ibid.
- 93 *Храмчихин А.* Уроки войны в Нагорном Карабахе // Военно-промышленный курьер, 14.12.2020, <https://vpk-news.ru/articles/59956>.
- 94 *Советкин С.* Нагорный Карабах. Тактика сторон...
- 95 Веб-страница: <https://twitter.com/Caucasuswar/status/1387813833692139521>.

- 96 *Alsaafin L., Varsbalomidze T.* Armenia, Azerbaijan agree new Nagorno-Karabakh truce: Live // Al Jazeera, 17.10.2020, <https://www.aljazeera.com/news/2020/10/17/casualties-after-armenian-attack-targets-ganja-live-updates>.
- 97 Веб-страница: <https://twitter.com/RALee85/status/1364660753131839493>.
- 98 Веб-страница: <https://twitter.com/RALee85/status/1377282783840759813>.
- 99 Веб-страница: <https://www.scramble.nl/planning/orbats/azerbaijan/azerbaijan-air-force>.
- 100 Веб-страница: <https://twitter.com/RALee85/status/1377282783840759813>.
- 101 Веб-страница: <https://www.crisisgroup.org/content/nagorno-karabakh-conflict-visual-explainer>.
- 102 В ожидании бури: Южный Кавказ / М. С. Барабанов, М. Йешиль таи, А. В. Лавров, Н. А. Ломов, Ю. Ю. Лямин, Л. А. Нерсисян, А. В. Никольский, М. Серен, И. А. Топчий; под ред. К. В. Макиенко. — М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2018.
- 103 *The Military Balance 2020*, Chapter Five: Russia and Eurasia // IISS, Vol. 120, London, Routledge, 2020, pp. 184–186; *The Military Balance 2019*, Chapter Five: Russia and Eurasia // IISS, Vol. 119, London, Routledge, 2019, pp. 185–187; *The Military Balance 2018*, Chapter Five: Russia and Eurasia // IISS, Vol. 118, London, Routledge, 2020, pp. 182–184.
- 104 Ibid.
- 105 Ibid.
- 106 SIPRI Military Expenditure Database.
- 107 Здесь и далее приведены данные информационных сообщений пресс-службы министерства обороны Азербайджанской Республики, размещенные на официальном сайте ведомства <https://mod.gov.az/ru/news/>.
- 108 Там же.
- 109 Там же.
- 110 Там же.
- 111 Там же.
- 112 Там же.
- 113 Там же.
- 114 *Erickson E. J.* The 44-Day War in Nagorno-Karabakh: Turkish Drone Success or Operational Art? // Army University Press, <https://www.armyupress.army.mil/Journals/Military-Review/Online-Exclusive/2021-OLE/Erickson/>.
- 115 Лавров предостерег от иллюзий о принадлежности семи районов в Карабахе // РИА Новости, 12.11.2020, <https://ria.ru/20201112/karabakh-1584277553.html>.
- 116 Сергей Лавров поссорил Никола Пашияна с избирателями // Коммерсантъ, 22.04.2020, <https://www.kommersant.ru/doc/4328288>.
- 117 Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // Официальный сайт Президента России, 10.11.2020, <http://kremlin.ru/events/president/news/64384>.
- 118 *Маркедонов С., Каледжи В., Хас К.* Слом статус-кво и международное измерение кризиса в Нагорном Карабахе, международный дискуссионный клуб «Валдай», декабрь 2020 г., <https://ru.valdaiclub.com/files/36258/>.
- 119 Гендиректор «Укрспецэкспорту» Вадим Ноздря: «Китай, Туреччина та Пакистан — найбільш стабільні покупці української зброї» // Лівий берег, 05.10.2020, https://lb.ua/economics/2020/10/05/467404_gendirektor_ukrspetsportu.html.
- 120 SIPRI Military Expenditure Database, Stockholm International Peace Research Institute, <https://www.sipri.org/databases/milex>.
- 121 Официальная статистика Управления Турции по регулированию энергетического рынка (EPDK), <https://www.epdk.gov.tr/Detay/Icerik/3-0-94/dogal-gazyillik-sektor-raporu>.
- 122 Türkiye'nin Azerbaycan'a silah ihracatı zirve yaptı // Deutsche Welle, 14.10.2020, <https://www.dw.com/tr/turkiyenin-azerbaycana-silah-ihracati-zirve-yapti/a-55276973>.

- 123 Savunma ve havacılıkta 2020 ihracatı 2,3 milyar dolar // Anadolu Ajansı, 06.01.2021, <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/savunma-ve-havacilikta-2020-ihracati-2-3-milyar-dolar/2100125>.
- 124 Dağlık Karabağ: Türkiye, Azerbaycan'ın askeri kapasitesini geliştirmesinde nasıl rol oynadı? // BBC News, 02.10.2020, <https://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-54379105>.
- 125 Yılın ilk 5 ayında savunma ihracatı 1.1 milyar dolar // CNN Türk, 11.06.2021, <https://www.cnnturk.com/video/ekonomi/yilin-ilk-5-ayinda-savunma-ihracati-1-1-milyar-dolar>.
- 126 Revealed: how UK technology fuelled Turkey's rise to global drone power // The Guardian, 27.11.2019, <https://www.theguardian.com/news/2019/nov/27/revealed-uk-technology-turkey-rise-global-drone-power>.
- 127 MI6 chief warns Zelensky of leaks from inner circle — media // UNIAN, 13.10.2020, <https://www.unian.info/politics/zelensky-meets-mi6-chief-brits-warn-of-leaks-from-inner-circle-11179916.html>.
- 128 На площади Азадлыг в Баку прошел парад, посвященный победе в Отечественной войне // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики, 10.12.2020, <https://president.az/articles/48788>.
- 129 Aliyev, Selçuk Bayraktar'a 'Karabağ Nişanı' verdi // NTV, 01.04.2021, https://www.ntv.com.tr/turkiye/aliyev-selcuk-bayraktara-karabag-nisani-verdi,MVpoHN2zb0W6OhOFqi_pRA.
- 130 Aliyev'den Erdoğan'a Cengiz ve Kolin Yanıtı: Onlar her yerde var // Gazete Duvar, 16.06.2021, <https://www.gazeteduvar.com.tr/aliyevden-erdogana-cengiz-ve-kolin-yaniti-onlar-her-yerde-var-haber-1525625>.
- 131 Азербайджан проложит железную дорогу до города Шуша // Интерфакс, 23.07.2021, <https://www.interfax.ru/world/780366>.
- 132 Черненко Е. Принуждение к конфликту // Коммерсантъ, 16.10.2020, <https://www.kommersant.ru/doc/4537733>.
- 133 Кто из турецких генералов руководил атакой на Карабах // Взгляд, 12.11.2020, <https://vz.ru/world/2020/11/12/1069822.html>.
- 134 McKernan B. Aliyev admits presence of Turkish F-16s in Azerbaijan // Armenpress, 09.10.2020, <https://armenpress.am/eng/news/1031013/>.
- 135 Syrian rebel fighters prepare to deploy to Azerbaijan in sign of Turkey's ambition // The Guardian, 28.10.2020, <https://www.theguardian.com/world/2020/sep/28/syrian-rebel-fighters-prepare-to-deploy-to-azerbaijan-in-sign-of-turkeys-ambition>;
Kbadder K., Tuysuz G., Lister T. Rebels from Syria recruited to fight in conflict between Azerbaijan and Armenia, source says // CNN, 01.10.2020, <https://edition.cnn.com/2020/10/01/middleeast/azerbaijan-armenia-syrian-rebels-intl/index.html>; *Abdulrabim R.* Turkish-Backed Syrian Fighters Join Armenian-Azeri Conflict // The Wall Street Journal, 14.10.2020, <https://www.wsj.com/articles/turkish-backed-syrian-fighters-join-armenian-azeri-conflict-11602625885>; Черненко Е. Принуждение к конфликту // Коммерсантъ, 16.10.2020, <https://www.kommersant.ru/doc/4537733>.
- 136 Телефонный разговор с Президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом // Официальный сайт Президента России, 14.10.2020, <http://kremlin.ru/catalog/persons/122/events/64204>.
- 137 Телефонный разговор с Президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом // Официальный сайт Президента России, 27.10.2020, <http://kremlin.ru/catalog/persons/122/events/64289>.
- 138 Черненко Е. Принуждение к конфликту...
- 139 Там же.
- 140 Там же.
- 141 Shipman T. UK's new foreign policy — Russia is No 1 danger // The Times, 14.03.2021, <https://www.thetimes.co.uk/article/uks-new-foreign-policy-russia-is-no-1-danger-n59m8skjq>.

Научно-популярное издание

Барри Даглас, Дерлугьян Георгий Матвеевич,
Искандарян Александр Максович и др.

Буря на Кавказе

Под редакцией
Пухова Руслана Николаевича

Дизайн и вёрстка Уткин Ив.М.

Подписано к печати 07.09.2021
Формат 70×100/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,4. Тираж 300 экз.
Заказ № 156

ООО «Центр анализа стратегий и технологий «АСТ-Центр»
125047, г. Москва, 3-я Тверская-Ямская ул., д. 24, оф. 5
www.cast.ru

Отпечатано в ООО «Графика»
127055, г. Москва, Новолесная ул., д. 5